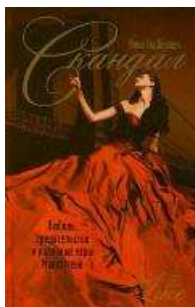

Анна Годберзен Скандал

www.megabook.do.am

«Скандал»: АСТ, Астрель-СПб, Харвест; М., СПб.; 2009
ISBN 978-5-17-059212-8, 978-5-9725-1498-4, 978-985-16-6977-2

Аннотация

Прелестные сестры Элизабет и Диана Холланд безраздельно царят в высшем свете Манхэттена, блистая на коктейлях, благотворительных балах, обедах в узком кругу друзей-аристократов и торжественных ужинах.

Но благополучие сестер оказывается иллюзорным, семье грозит банкротство, и Элизабет приходится сделать тяжелый выбор между долгом и чувством. Решив пожертвовать собой ради спасения семьи, Лиззи соглашается на свадьбу с нелюбимым. Однако накануне свадьбы карета с невестой переворачивается, и жизнь «золотой» девушки Нью-Йорка трагически обрывается в водах Гудзона... Но случайность ли это? Или кому-то на руку, чтобы Элизабет исчезла?

Анна Годберзен Скандал

Пролог

Утром 4 октября 1899 года трагически погибла Элизабет Адора Холланд – старшая дочь мистера Эдварда Холланда и его вдовы, Луизы Гансвурт Холланд. Церемония прощания состоится завтра, в воскресенье, 8 октября, в десять часов утра в епископальной церкви Благодати Божьей, Манхэттен, Бродвей, 800.

Из некролога в «Нью-йоркских новостях», суббота, 7 октября, 1899 год

В этой девушке удивительным образом сочетались изысканная внешность, ум и покладистость. Первая красавица Нью-Йорка, Элизабет Адора Холланд славилась своей скромностью, кротостью и добрым нравом. Может быть, поэтому ее внезапная гибель так поразила и взбудоражила всех – невероятная трагедия, невозполнимая потеря, ужасающая несправедливость... Впрочем, как бы там ни было, на небесах девушке наверняка было уготовано уютное местечко с замечательным обзором. И если бы она взглянула тем промозглым октябрьским утром со своего небесного пьедестала на собственную похоронную процессию, то непременно была бы польщена тем, что все лучшие семьи Нью-Йорка приехали попрощаться с ней.

Их запряженные вороными лошадьми роскошные экипажи заполнили Бродвей. Печальная вереница неспешно следовала за катафалком к углу Исттен стрит – к церкви Благодати Божьей. И хоть не было ни солнца, ни дождя, слуги держали над головами своих господ большие черные зонты, чтобы скрыть их печальные надменные лица от нескромных

любопытных взглядов обывателей. Полицейские безжалостно оттесняли посторонних к кромке тротуара, не позволяя им подходить слишком близко к благородным участникам траурной процессии. Элизабет наверняка одобрила бы подобную сдержанность и принципиальность – ей всегда нравилось находиться в кругу избранных, а излишние вольности и праздное любопытство раздражали ее.

Однако любопытствующих сегодня собралось немало: люди со всего города пришли поглазеть на проводы восемнадцатилетней красавицы, чье имя то и дело мелькало в утренних газетах.

В то утро в Нью-Йорке заметно похолодало, небо затянуло тучами, и все вокруг казалось серым и унылым. Преподобный Ниддхауз, сидя в своем экипаже, направляющемся к мрачному готическому зданию, печально изрек: «Бог словно забыл о красоте, когда Элизабет Холланд покинула грешную землю». Участники процессии, благородные плакальщики, лишь скорбно вздыхали в ответ.

Один за другим в сторону церкви чинно шли молодые люди, с которыми Элизабет несколько лет танцевала кадрили на бесчисленных балах. Все они на несколько месяцев покидали родительские дома, уезжали в Европу, жили в Сент-Поле и Эксетере, а затем возвращались, очарованные и повзрослевшие. Они радовались жизни, шутили и смеялись, флиртовали направо и налево. Но сегодня эти весельчаки, облаченные в черные сюртуки с траурными лентами, сопровождали гроб, и, возможно, впервые в жизни их лица омрачились столь глубокой печалью.

Первым шел Тедди Каттинг. Этот парень славился невероятным легкомыслием. Дважды предлагал он Элизабет руку и сердце, но никто и не думал воспринимать его всерьез. Выглядел он, как всегда, элегантно, однако Лиз заметила бы на его лице однодневную щетину – красноречивое свидетельство глубокой скорби – ведь Тедди каждое утро брился с помощью слуги и появлялся в обществе с щеками гладкими, как у девушки.

За ним следовал бравый Джеймс Хейзеп Хайд, недавно унаследовавший контрольный пакет акций «Общества справедливого страхования жизни». Как-то раз он позволил себе наклониться ближе, чем обычно, к грациозной шее Элизабет, источавшей аромат гардений, и прошептал, что она благоухает лучше любой из мадмуазелей предместий Сен-Жермен.

За Джеймсом шел Броуди Паркер Фиш, чья семейная усадьба в парке Грамерси соседствовала с домом Холландов. Следующими были Николас Ливингстон и Амос Вриволд. Эти двое частенько спорили, кто из них будет танцевать с Элизабет на очередном балу.

Все они печально застыли, опустив глаза и поджидая последнего – Генри Шунмейкера. Благородные плакальщики, увидев его, не смогли сдержать горестных вздохов – все давно привыкли к тому, что в глазах Генри, красавца, балагура и любителя выпить, всегда сверкал озорной огонек, а сам он никогда не терял самообладания и чувства юмора. Какой Нелепый и трагичный поворот судьбы: в этот самый день молодой человек должен был вести Элизабет под венец, а не скорбеть на ее похоронах.

Лошади, тянувшие катафалк, были чернее ночи, но сам гроб украсили громадным атласным бантом цвета первого снега – ведь бедняжка умерла непорочной. «Как несправедливо, – в отчаянии шептались участники процессии, – что смерть унесла такую прекрасную девушку».

Генри, до боли сжав губы, вместе с остальными приблизился к катафалку. Они подняли неожиданно легкий гроб и направились к церковным воротам. Кто-то, прикрывшись платком, зарыдал, осознав наконец всю горечь утраты. Но на самом деле гроб был пуст. Тело Элизабет так и не выловили из реки Гудзон, несмотря на двухдневные поиски и приличное вознаграждение, обещанное мэром Ван Виком.

Сразу за гробом шла мать Элизабет, облаченная в платье и вуаль своего любимого черного цвета. Миссис Эдвард Холланд, в девичестве Луиза Гансвурт, даже собственным детям казалась грозной и неприступной, а после смерти мужа прошлой весной стала еще более холодной и замкнутой. Сам Эдвард Холланд всегда слыл «парнем со странностями», но в последние годы жизни этих странностей заметно прибавилось. Правда, общество закрывало на них глаза и неизменно прощало ему любые причуды. Ведь Эдвард принадлежал к могущественному клану Холландов, процветавшему на островке Манхэттен еще в ту пору,

когда тот назывался Новым Амстердамом. К тому же он был старшим сыном в семье. За пару недель до собственной смерти Элизабет начала подмечать новые странные нюансы и в поведении матери. Нечто, что девушке совсем не нравилось. Луиза вдруг стала склоняться к левым взглядам, словно отдавая дань своему почившему супругу.

Следом брела тетя Элизабет – Эдит, младшая сестра отца. К слову сказать, Эдит Холланд была одной из первых женщин, решившей вести светскую жизнь после развода. Все знали историю ее первого брака, хоть и старались избегать лишних пересудов. Муж, потомок знатного испанского рода, всю жизнь терзал несчастную жестокими насмешками и пьяными дебошами. Теперь тетя вернула себе девичью фамилию, что хоть немного утешило ее. И сейчас, следуя за гробом племянницы, она скорбела так, словно Элизабет приходилась ей родной дочерью.

В процессии образовалось пустое пространство, ибо все остальные сочли благоразумным соблюсти дистанцию и шествовали на почтительном расстоянии от двух раздавленных горем женщин.

Агнесс Джонс сжимала в руке платок и громко всхлипывала. Толпы любопытных, которые напирала на полицейских, стремясь разглядеть все в деталях, сочли, что эта невысокая девушка одета вполне прилично, но ее черное платье вызвало бы у покойной печальные воспоминания. Элизабет надела его лишь однажды, на похороны отца, после чего отдала приятельнице, предварительно укоротив и расшив в талии. История Агнесс была печальна: когда девочке было всего одиннадцать, ее отец разорился и спрыгнул с Бруклинского моста. Как неустанно повторяла сама Агнесс, Элизабет стала ее единственной подругой в то тяжелое время. «Элизабет была моей лучшей подругой!» – то и дело восклицала она. Хотя покойная наверняка смутилась бы от столь явного преувеличения, вряд ли стала бы поправлять бедняжку.

Следом плыла Пенелопа Хейз. Вот кто был настоящей лучшей подругой Элизабет! Несомненно, усопшая сразу бы заметила в глазах Пенелопы нетерпение – девушка всегда ненавидела ждать, особенно если приходилось томиться под дверью. Миссис Вандербильт, дама не самых благородных кровей, поймала недовольный взгляд капризной красавицы и возмущенно поджала губы, сдерживая негодование. Пенелопа, с ее иссиня-черными локонами, египетским профилем и огромными глазами, обрамленными густыми ресницами, обычно вызывала восхищение и зависть, но вот особым доверием не пользовалась.

К тому же было еще кое-что, и это кое-что весьма смущало собравшихся. Так, пустяки, небольшая деталь: именно Пенелопа находилась рядом, когда над головой Элизабет сомкнулись холодные волны Гудзона. Все знали, что именно она оказалась последней, кто видел несчастную живой. Нет, конечно же, ее ни в чем не подозревали и, упаси боже, не обвиняли. Однако страшные видения девушку явно не преследовали. Пенелопа, ослепляя окружающих роскошным бриллиантовым колье, шла под руку с дородным Исааком Филипсом Баком – своим дальним родственником. Столь дальним, что никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть их родство. Исаак был высок и нескладен, широк в плечах, с выступающим брюшком и лысеющей головой. Лиз он никогда не нравился. Впрочем, усопшая всегда отличалась тайным стремлением поступать практично и разумно, а не слепо следовать неписаным законам и правилам приличия своего круга. Исаак же казался ей человеком ужасающе дурного вкуса. Вот и теперь у него на зубе сверкала золотая коронка, а из кармана брюк небрежно свисала золотая цепочка от часов. И вздумай миссис Вандербильт, стоявшая рядом, высказать вслух свои мысли, то обвинение и вульгарности и непочтении к памяти усопшей Исаак воспринял бы как комплимент. Как только Пенелопа со своим спутником вошли в церковь, за ними тут же потянулись остальные, постепенно заполняя проход и чинно рассаживаясь по скамейкам. Под высокими сводами церкви пронесся легкий шум. Некоторые, не в силах более сдерживаться, начали, едва рассевшись, обсуждать трагическое событие. Преподобный Нидлхауз тем временем спокойно стоял за кафедрой, ожидая, пока сливки Нью-Йоркского общества: семьи Шерменхорн, ван Пейсер, Харриман и Бак, МакБрей, Астор – займут свои места. Наконец, миссис Холланд решительно кивнула священнику.

– С тяжелым сердцем... – начал было преподобный Нидлхауз, но запнулся на полуслове.

Внезапно церковные двери распахнулись и с грохотом ударились о стены храма.

Утонченные нью-йоркские леди, вздрогнув, попытались было обернуться и взглянуть на нарушителя спокойствия, но тут же подавили столь неподобающий порыв. Не поворачивая аккуратных, тщательно причесанных головок, они смотрели лишь на преподобного Нидлхауза. Впрочем, его лицо не выражало ровным счетом никаких эмоций.

По проходу уверенной походкой шла Диана Холланд – обожаемая младшая сестра усопшей. Ее непослушные дерзкие локоны растрепались, а щеки покраснелись от спешки. И лишь Элизабет, взгляни она в тот момент с небес, поняла бы причину загадочной улыбки на лице Дианы, Впрочем, когда девушка заняла свое место в первом ряду, лицо ее тут же стало серьезным и непроницаемым.

1

– Дорогая, все уже интересуются, куда ты пропала, – промолвила Луиза Холланд своей дочери Элизабет своим тихим, но не терпящим возражения голосом.

Элизабет послушно промолчала. Ведь она получила прекрасное воспитание, и семья возлагала на нее большие надежды. За восемнадцать лет жизни девушка уже научилась различать в матушкином голосе малейшие нюансы. Этот тон означал, что она немедленно должна вернуться в парадную залу и танцевать с тем, кого выбрала мать. Причем, скорее всего, это будет молодой человек голубых кровей, но с чуть заметными признаками вырождения, вызванного смешанными браками. Элизабет смущенно улыбнулась сидевшим с ней девушкам – Анне-Марии д’Алемберт и Еве Барбей, с которыми познакомилась предыдущей весной во Франции, и грациозно поднялась. Ее подруги красовались в нарядах куртизанок эпохи Людовика XIV. Элизабет как раз говорила им, что Париж казался ей недостижимо далеким, хотя только сегодня утром она сошла с трапа роскошного трансатлантического лайнера, пришвартовавшегося в нью-йоркском порту. Элизабет посмотрела по сторонам: ее давняя подруга Агнесс Джонс по-прежнему восседала на уютном обитом узорчатой парчой диванчике цвета золота и слоновой кости, а вот младшей сестры Элизабет, Дианы, нигде не было видно. Вот бесстыдница – наверняка умудрилась сбежать из-под бдительного ока родительницы. Элизабет передернула плечами: излишняя непосредственность и ребячливость младшей сестры всегда нервировали ее, но сейчас раздражение готово было выплеснуться наружу. Она вздохнула и привычно заглушила в себе нарастающую злость на сестру.

В конце концов, Диану можно и пожалеть – у бедняжки не было возможности блеснуть на своем первом балу. Улыбаясь, Элизабет вспомнила роскошный бал, устроенный в ее честь два года назад, когда ей только исполнилось шестнадцать. Ее, старшую из сестер Холланд, целый год обучала танцам гувернантка, которую Элизабет делила со своей подругой Пенелопой Хейз. Кроме этого, Элизабет брала уроки этикета, иностранных языков и часто бывала за границей. Диане же шестнадцать лет исполнилось в прошлом апреле, однако она не получила никакой особой подготовки к светской жизни и была лишена даже дебютного бала. Семья тогда скорбела из-за кончины главы семейства, и любые торжественные мероприятия были бы сочтены неуместными.

Поэтому Диана провела лето в Саратогге, посещая местные балы с тетушкой Эдит. Так что, учитывая уровень ее подготовки, нельзя было осуждать девушку за небольшие промахи.

– Уверена, тебе жаль покидать подруг, – произнесла миссис Холланд, увозя дочь из гостиной в танцевальную залу. Белоснежный атласный лиф костюма пастушки выгодно подчеркивал природную прелесть Элизабет, которая казалась еще выше рядом с матерью, облаченной, как и полагалось вдове, во все черное. Эдвард Холланд покинул этот бранный мир в конце прошлой зимы, так что его вдова должна была носить траур еще, по меньшей мере, год.

– Дорогая, кажется, сегодня ты затмила всех на этом балу.

Нежное лицо Элизабет действительно привлекало к себе взоры прозрачной алебастровой кожей, правильным овалом лица с чуть заостренным подбородком, пухлыми чувственными губами... Она попыталась изобразить на своем личике благодарную улыбку, хотя голос матери ее встревожил. В нем отчетливо слышались новые, настойчивые металлические нотки. Учитывая нестигаемый характер миссис Холланд, для ее дочери это не предвещало ничего хорошего. И этот металл в голосе матери Элизабет заметила сразу же, едва сойдя на берег. Она

отсутствовала целых девять месяцев, уехав сразу после похорон отца, чтобы отвлечься от горя утраты. Всю весну и лето она прожила в Париже, слушая остроты волочившихся за ней месью и проводя время в салонах модной одежды в престижных кварталах Парижа.

– Мама, я сегодня уже много танцевала, – робко заметила она.

– Возможно. Но ты же знаешь, как я буду счастлива, если один из партнеров попросит твоей руки.

Элизабет смехом попыталась скрыть тревогу, вызванную ответом матери.

– Что ты говоришь, я еще так молода! Пройдет не один год, прежде чем мне начнут делать предложения.

– О нет! – Миссис Холланд цепким взглядом обшаривала роскошную залу со стеклянным куполом, фресками на стенах, зеркалами в позолоченных рамах, окруженную меньшими, но столь же великолепными боковыми комнатами. Вдоль стен были расставлены пальмы в горшках, которые служили своеобразной защитой особо пугливых дам от неистовых танцоров, скользивших по мраморной мозаике пола. На каждого гостя здесь приходилось по меньшей мере два-три слуги, и это казалось излишеством даже такой изысканной девушке, как Элизабет.

– Время – единственное, чего у нас нет, – подытожила миссис Холланд.

Элизабет нервно поежилась, но не успела спросить у матери, что именно та имела в виду, так как они вошли под своды залы. Здесь кружились в танце их друзья и знакомые, приветственно кивая роскошно одетым парам, плывущим под звуки музыки.

Все эти люди принадлежали к высшему обществу, к кругу Холландов. Почти четыреста человек, позабыв обо всем на свете, самозабвенно веселились и танцевали, словно сегодняшний бал был последним в их жизни. Похоже, они не задумывались о дне завтрашнем. И в самом деле. Следующий день, скорее всего, пройдет незамеченным, ведь они будут безмятежно и сладко спать под балдахинами из шелка, пробуждаясь лишь для того, чтобы принять кувшин с ледяной водой и отослать служанку. Конечно, надо бы посетить церковь, но после столь роскошного и блистательного вечера верующих на службе будет немного. Основное призвание этого праздного общества – развлекать и развлекаться, а в перерывах между интригами и балами вкладывать свои невообразимые богатства в новые, все более и более доходные предприятия.

– Последним твоей руки просил Персиваль Коддингтон, – напомнила миссис Холланд Элизабет, подведя дочь к гигантской колонне из розового мрамора. В зале таких колонн было несколько, и Элизабет казалось, что они призваны не столько поддерживать потолок, сколько производить впечатление на гостей. Создавалось ощущение, что в своем новом доме семья Хейз стремилась наполнить величием любую архитектурную мелочь. – Как тебе известно, мистер Коддингтон прошлым летом унаследовал все состояние своего отца, – продолжила мать.

Элизабет горестно вздохнула. Греющие ее мысли о юноше, который никак не мог появиться в тот вечер на костюмированном балу у Хейзов, не в состоянии были скрасить перспективу танца с Персивалем Коддингтоном. Элизабет знала Персиваля давно, еще с детских лет. Мальчик тогда был жесток и нелюдим, частенько мучил домашних животных, а вырос в молодого человека с нечистой кожей и одышкой, простывшего фанатичным коллекционером антропологических находок, хотя сам был настолько слаб желудком, что не смог бы даже взойти на борт исследовательского судна.

– Прекрати, – проворчала мать. Элизабет опустила ресницы. Вряд ли она хоть чем-то выдала свои чувства. – Ты бы не посмела так капризничать, будь здесь отец!

Упоминание о мистере Холланде наполнило глаза Элизабет слезами, и она не посмела перечить матери.

– Простите меня, – ответила девушка, пытаясь говорить спокойно. От подступающих слез у нее запершило в горле, но она сумела сдержаться, – Просто любопытно, сможет ли мистер Коддингтон меня вспомнить. Меня ведь так долго не было здесь.

Миссис Холланд фыркнула, когда мимо прошли сестры Ветмор, на три года старше Элизабет.

– Конечно же, он помнит тебя! Особенно если все остальные девушки похожи на этих. Выглядят так, словно одевались в цирке, – ледяным тоном прокомментировала миссис Холланд.

Элизабет напрягала память, тщетно пытаясь вспомнить о Персивале Коддингтоне что-нибудь приятное, и потому прослушала реплику матери. Кажется, что-то о вульгарности... И только после слов родительницы она заметила на втором этаже Пенелопу Хейз. Та красовалась в алом кружевном платье с глубоким вырезом, и Элизабет с удовольствием отметила, что ее подруга выглядит сногшибательно. Многие считали, что самое прекрасное в Пенелопе – ее губы. Разумеется, это было не так: куда более выразительными казались ее большие голубые глаза, способные сиять как невинностью, так и презрением.

– Похоже, я зря старалась. Мне не следовало приходить сюда, чтобы удостоить этих ничемных людей своим присутствием, – продолжила миссис Холланд. Раньше она всегда игнорировала женщин этого семейства, несмотря на то, что муж охотился пару раз с Джексоном Пеламом Хейзом. В последнее время общественное мнение изменилось, семья начала «сдавать позиции», и миссис Хейз лишь недавно это осознала.

– Газеты наверняка напишут; что я примирилась с подобной безвкусицей. Ты же знаешь, какая жуткая мигрень у меня разыграется.

– Но если бы мы не появились здесь, скандал был бы куда большим, – Элизабет изящно повернула голову, взглянула вверх и послала подруге едва заметную ободряющую улыбку. Как же ей хотелось быть там, с Пенелопой, и вместе с ней смеяться над бедняжкой, обреченной на танец с Персивалем Коддингтоном! Пенелопа, посмотрев вниз, медленно закрыла подкрашенные темными тенями глаза, – это была лишь ей одной свойственная манера подмигивать – и тем самым сообщила подруге, что все поняла, – И, как бы там ни было, – добавила Элизабет, вновь поворачиваясь к матери, – вы же все равно никогда не читаете газет.

– И правда, – согласилась та. – Не читаю.

Когда Элизабет легонько пожала плечами, обращаясь к своей лучшей подруге на втором этаже, мать гордо выпятила маленький острый подбородок – основная черта, которую унаследовала от нее дочь.

Девушки подружились в то время, когда Элизабет, будучи еще подростком, больше всего интересовалась модой и светскими манерами. Пенелопа разделяла этот интерес, хоть и пренебрегала правилами общества; Элизабет, только начинавшая беспокоиться обо всех этих правилах, считала ее своей подругой и очень быстро осознала, что ей нравится общество Пенелопы – вместе с юной мисс Хейз все казалось ярче и веселее. Довольно рано Пенелопа стала искусным игроком в светских интригах и забавах; для Элизабет она была незаменимой спутницей во время вечерних балов и приемов.

– О, смотри! – Резкий голос миссис Холланд заставил девушку вздрогнуть, и она волей-неволей вернулась мыслями в бальную залу, – А вот и мистер Коддингтон!

Элизабет изобразила на лице улыбку и обернулась навстречу неприятному, но неизбежному явлению по имени Персиваль Коддингтон. Тот попытался поклониться, не отрывая глаз от довольно глубокого декольте ее платья. Элизабет окончательно приуныла, заметив, что на нем был костюм пастуха: зеленые брюки, грубые ботинки и цветастый верх. О, Господи... Они подходили друг другу! Этого еще не хватало... Волосы у него были зализаны назад, кожа лоснилась. Переминаясь с ноги на ногу, он шумно хватал воздух ртом, пока Элизабет с легкой улыбкой дожидалась приглашения на танец.

Прошло несколько мгновений, и затем матушка нараспев произнесла:

– Ну что ж, мистер Коддингтон, я привела ее к вам.

– Благодарю вас, – выдал он. Элизабет кожей чувствовала липкий взгляд, но сдержалась и не переставала улыбаться. Ее ведь воспитали как леди, – Мисс Холланд, вы танцуете?

– Конечно, мистер Коддингтон.

Пока потная рука тянула ее через толпу разодетых в роскошные костюмы танцоров, она оглянулась, чтобы обнадеживающе улыбнуться матери. По крайней мере, ей удалось угодить миссис Холланд.

Но тут она увидела, как мать приветствует двоих мужчин. Сначала Элизабет узнала стройную фигуру Стэнли Бреннана, бывшего бухгалтера своего отца, а затем – внушительного Вильяма Сакхауза-Шунмейкера, главу старого клана Шунмейкеров, сколотившего свое второе состояние на железных дорогах. Его единственного сына Генри весной отчислили из Гарварда, и с тех пор дочери лучших семей Нью-Йорка говорили только о нем. По крайней мере, письма,

которые Элизабет в Париже получала от Агнесс, пестрели его именем и описанием того, как все девушки сходили с ума по этому беспечному повесе. В основном его имя упоминалось в связи со всевозможными скандалами и выходками. Элизабет несколько раз видела его, но при этом не могла сказать об этом парне ничего определенного, кроме того что он статен, широкоплеч и чертовски привлекателен. У Генри была младшая сестра, Пруди, на год или два младше Дианы. Но она носила только черное и редко появлялась в обществе, поскольку терпеть не могла шумные сборища.

Партнер Элизабет, должно быть, почувствовал, что в мыслях она витает где-то далеко от него, и попытался привлечь ее внимание:

– Может быть, вы хотели остаться с другими леди в гостиной, – произнес Персиваль с горечью в голосе.

Элизабет всеми силами пыталась не наступить на ноги неуклюжему партнеру.

– Нет, мистер Коддингтон, я просто немного устала, – сказала она.

И это отчасти было правдой. Корабль пришел позже на целых три дня, и ей удалось провести дома меньше суток. Так и не отдохнув толком после долгой дороги, она отправилась на бал. Мать в письме настояла, чтобы Элизабет не брала с собой в дорогу свою служанку-француженку, так что девушке пришлось самостоятельно возиться с прической и заботиться об одежде на протяжении всего путешествия. Утром к ней заехала Пенелопа, чтобы научить ее новому танцу и сообщить, что была бы в ярости, если бы корабль задержался еще хоть чуть-чуть и если бы лучшая подруга пропустила один из самых важных вечеров в ее жизни. Затем она рассказала о новом тайном поклоннике, личность которого обещала раскрыть Элизабет, когда они хоть на мгновение останутся наедине. Просто в тот час перед балом вокруг болталось слишком много слуг, и не стоило называть имен. Казалось, Пенелопа стала еще больше заботиться о своей внешности. Элизабет решила, что причина тому – таинственный юноша. Но был и еще один момент: сегодняшнее мероприятие должно было продемонстрировать новый дом семьи Хейзов во всем великолепии и потрясти воображение всех присутствующих. Поэтому Пенелопа из кожи вон лезла, чтобы выглядеть неотразимо.

Впрочем, по-настоящему Элизабет сейчас огорчало лишь одно – странное поведение матери.

Кадриль, обед и вежливая беседа с тетушками и дядюшками, неизбежный повтор рассказа о ее затянувшемся путешествии через Атлантику. И вот, когда Элизабет, наконец-то, присела с бокалом шампанского, чтобы мило побеседовать с подругами и обсудить модные новинки, пришлось возвращаться в гущу событий. Да еще и ради того, чтобы из всех присутствующих кавалеров потанцевать именно с этим противным Персивалем Коддингтоном. Разумеется, Элизабет умело скрывала свою досаду, и на губах ее продолжала играть улыбка. Что поделать? Она привыкла улыбаться.

– Ну и о чем же вы, интересно, думаете? – Персиваль нахмурился и опустил руку чуть ниже спины девушки.

Элизабет поймала себя на мысли, что вряд ли есть еще кто-то, кому она доверяла бы меньше, чем этому парню, который вел ее в танце по залу, полному подвыпивших людей.

– Гмм... – Элизабет заметила, что в гостиной ей тоже не очень-то уютно. Честно говоря, она не без облегчения покинула Агнесс, столь верную подругу, потому что платье последней, украшенное кожаной бахромой, плохо сидело и слишком туго обтягивало. Элизабет не могла подавить жалость, разговаривая с ней. Агнесс казалась ей теперь нелепым и неловким пережитком детства, особенно в сравнении с ее новыми парижскими друзьями.

Она вновь попыталась сосредоточиться на подвижном уродливом лице Персиваля и не сбиться с такта. Раз, два, три. Раз, два, три. Она думала об этом вечере – одном из сотен безликих балов, всех этих часов пустой бессмысленной болтовни, заботливо принимаемых комплиментов, всего этого напускного внимания к внешности и одежде... Вспомнила, как она проводила время в Париже, купаясь в роскоши и восхищенных взглядах. Как она жила, что на самом деле делала, все эти месяцы и годы? Что он – юноша, которого она с таким трудом пыталась забыть, в самом деле веря, что уже забыла, – делал во время ее отсутствия? Интересно, помнит ли он ее? Она сожалела, что отпустила его, и знала, что не переживет разлуку.

Внезапно все вокруг стало пронзительно белым – танцевальную залу заполнил яркий, ослепительный свет. Воцарилось безмолвие. Элизабет закрыла глаза и почувствовала тяжелое дыхание Персиваля Коддингтона. Его губы почти касались ее уха. «С вами все в порядке?» – настойчиво повторил он. Девушка вдруг почувствовала, что корсет, который ее служанка Лина сшила всего за пару часов до бала, стал вдруг ужасно тесным и неудобным. Ей показалось, что она задыхается. Элизабет вдруг отчетливо осознала, что вся ее жизнь похожа на жуткую стальную ловушку. И эта ловушка держала ее все крепче и крепче...

А затем все прошло. Страх отступил, приступ паники закончился так же внезапно, как и начался. Элизабет открыла глаза. В голове прояснилось, дыхание стало ровным. Звуки музыки, смех и веселые голоса вновь окружили ее со всех сторон. Она взглянула на высокий купол над ними и убедилась, что тот не рухнул.

– Да, мистер Коддингтон, благодарю, – откликнулась она наконец. – Извините. Не знаю, что на меня нашло...

2

*В час дня в гардеробной.
И принесите сигареты.
Д.Х.*

Диана Холланд вполборота наблюдала, как мать поднималась по витой мраморной лестнице в сопровождении высокого пожилого мужчины, который показался девушке смутно знакомым. За ними неспешно вышагивал друг и бухгалтер семьи, Стэнли Бреннан. За мгновение до того, как скрыться в одной из роскошных курительных комнат на втором этаже, миссис Холланд оглянулась и одарила дочь привычным предостерегающим взглядом. Выругав себя за то, что ее заметили, Диана решила остаться в главной зале и терпеливо ждать, пока кто-нибудь из кузенов не пригласит ее на танец. Но, впрочем, терпением Диана никогда не отличалась.

Кроме того, она была необычайно горда своей хитрой затеей: несколькими часами раньше, во время отдыха в гардеробной, она нацарапала на крошечном листочке приглашение, затем разыскала помощника архитектора Вебстера Янгхема. Тот стоял у арочного входа, объясняя всем желающим тонкости архитектурных приемов, примененных при строительстве нового дома семьи Хейз. Диана протиснулась сквозь толпу, присела в реверансе, а потом, взяв молодого человека за руку, вложила в его ладонь записку.

– Мистер Янгхем, вы – настоящий художник, – сказала она, прекрасно зная, что настоящий мистер Янгхем уже напился мадеры и теперь бездельничал наверху, в одной из комнат для игры в карты.

– Но я не мистер Янгхем, – ответил он, очаровательно смущаясь. Поймав этот взгляд, Диана поняла, что молодой человек попался в её сети. – Я Джеймс Хавертон, его помощник.

– И тем не менее, – она лукаво подмигнула ему и растворилась в толпе.

Хавертон сразу приглянулся ей – по крайней мере, никого симпатичнее она здесь пока не увидела. У него были широкие плечи, выразительные серые глаза с поволокой, и было заметно, что он много повидал в этой жизни.

Диана подобрала юбки и быстрыми шагами направилась вдоль стены к выходу из главной залы. Перед выходом она незаметно оглянулась, прячась за пальмой, чтобы удостовериться, что никто не смотрит на нее, и скользнула в гардеробную. Комната была большой и, как показалось Диане, слишком вычурной. Все вокруг было оформлено в мавританском стиле, пол выложен цветной мозаикой, в похожих на башенки нишах, высеченных в стенах, расставлены статуэтки... Девушка подумала, что ни к чему, наверное, помещение, где в основном хранится верхняя одежда, было делать таким роскошным.

Диана собиралась прийти на бал в костюме героини своего любимого романа, «Трильби», которая, будучи натурщицей, в перерывах между сеансами дефилировала в нижней юбке, тапочках и солдатской шинели.

Но мать не разрешила ей надеть нижнюю юбку без верхней – впрочем, девушка решила, что непременно попробует как-нибудь тайком это сделать. У матери был даже приготовлен для Дианы костюм пастушки, чтобы она смотрелась в одном стиле со старшей сестрой. Но Диана, сочтя это чуть ли не оскорблением, заявила, что костюм ужасен. И вот теперь она красовалась в цыганском наряде: красно-белой полосатой юбке, которую она обильно украсила лентами, и простом хлопчатом корсаже. Такого костюма не было больше ни у кого – сверстницы Дианы, консервативные и осторожные, выглядели куда скромнее, разве что пудры побольше да талии потуже затянуты.

С досадой оглянувшись, Диана подумала было о том, что ее записка не возымела должного эффекта, и вдруг из дальнего угла комнаты раздался бой часов. Девушка с любопытством взглянула наверх. Голова у нее слегка кружилась, что, впрочем, было неудивительно, учитывая, сколько шампанского она выпила тайком. Покачнувшись, она отступила на шаг и уткнулась прямо в грудь подошедшего сзади мужчины, который тут же обхватил ее за бедра. Диана вздрогнула, почувствовав пьянящее возбуждение.

– О, привет. – Она попыталась говорить спокойным и безразличным тоном несмотря на то, что сердце готово было выскочить из груди.

– Привет, – Губы Хавертона были совсем близко.

Диана медленно повернулась и взглянула ему в глаза.

– Надеюсь, вы принесли сигареты, – сказала она, пытаясь улыбаться не слишком явно.

У Хавертона были короткие, прямые брови, широко расставленные, что делало глаза открытыми и кристально честными.

– Сомневаюсь, что таким леди, как вы, позволено курить.

Диана надула губки.

– Так вы их не принесли?

Взгляд молодого человека заставил Диану почувствовать себя отнюдь не «леди».

– Что вы, разумеется, принес. Просто... я в замешательстве. Никак не решусь протянуть сигарету такой девушке...

Диана заметила озорной огонек в его глазах и решила, что нашла родственную душу.

– Что мне сделать, чтобы уговорить вас? – спросила она, беспечно покачивая головой.

– То, о чем вы просите меня, довольно серьезно, – ответил он с напускной важностью, а потом вдруг рассмеялся. Его смех Диане понравился. – Вы очаровательны, – произнес он, разглядывая ее уже в упор и заговорщически улыбаясь.

Диана была невероятно похожа на сестру – тот же аккуратный носик, тонкие брови, чувственные губы, смягченные еще не исчезнувшей детской пухлостью. Ей нравилось думать, что темные локоны придают ее образу таинственности. Но на самом деле волосы ее были приглушенного каштанового цвета и отличались удивительной непослушностью, плохо укладывались и всегда выбивались из-под прически. Глаза ее всегда были яркими, сияющими, лучистыми. А вот унаследованный от матери остренький маленький подбородок Диана ненавидела.

– Да, весьма милая, – согласилась она с притворной скромностью.

– Не просто милая. – Вытаскивая из нагрудного кармана портсигар, юноша не переставал ее рассматривать. Потом зажег одну сигарету и вручил ее девушке.

Диана затянулась, стараясь не закашляться. Ей нравилось курить – по крайней мере, ее привлекала сама идея и ритуал курения. Но опыта у нее почти не было: да и откуда ему взяться, при постоянном присмотре матери и слуг. Девушка втянула в себя дым, намереваясь выпустить легкую струйку в воздух. Ей казалось, что здесь, среди вычурных бирюзовых украшений и резных металлических деталей, это будет смотреться особенно эффектно. Диана приподняла бровь, пытаясь угадать; каким же окажется следующий маневр Хавертона, и небрежно поинтересовалась:

– Не правда ли, архитектора можно сравнить с художником?

– Это зависит от того, кого вы спрашиваете, – он засмеялся. – Некоторым из нас нравится думать, что мы создаем самые монументальные и долговечные произведения искусства.

– Все это очень мило, – небрежно ответила Диана – Но, видите ли, я весь вечер пыталась найти настоящего художника.

Интересно... И зачем же? – спросил он, прислоняясь к вешалке и вытаскивая сигарету для себя.

– Чтобы поцеловать, конечно же, – выпалила Диана и затаила дыхание. Иногда она сама удивлялась собственным словам.

Хавертон задумчиво выдохнул, окружив их обоих ароматным облачком дыма. На мгновение Диане показалось, что она очутилась в миллионах миль отсюда, в цветастом шатре на каком-нибудь базаре в Тунисе или Маракеше, где все вокруг напоено магическими зельями и древними тайнами.

Мне кажется, – начал Хавертон, и резкие нотки его голоса с выраженным американским акцентом вернули девушку к реальности и напомнили ей, что она все еще в Нью-Йорке, на Пятой Авеню, – мне кажется, вы очень непослушная девушка.

Ни так думаете? – удивленно хмыкнула Диана, медленно затягиваясь. Она тоже прижалась к мягкой стене из накидок, подвигаясь все ближе и ближе к Хавертону.

– Ну, и как часто молодые леди вашего круга встречаются со странными мужчинами старше себя в полутемных комнатах, пока все остальные предаются танцам?

Что заставило вас подумать, что меня можно сравнить с девушками моего круга? – Последние два слова Диана произнесла с нескрываемым отвращением.

Девушки из ее общества казались ей безмозглыми куклами, рабынями правил и заложницами приличий. Диана считала, что они жили – если это вообще можно назвать жизнью – словно безвольные марионетки.

– Я же сказала вам, что искала художника, – продолжила она с нетерпением. – Так что если вы и дальше будете мыслить условностями, как и все остальные, мне лучше сразу уйти.

Хавертон улыбнулся, уронил сигарету на вымощенный черно-белым мрамором пол и носком ботинка отшвырнул ее в угол. И тут что-то изменилось. Внезапно он показался Диане очень старым, несмотря на то, что ему вряд ли было больше двадцати. Он стремительно наклонился к ней, и, как только их губы соприкоснулись, девушка поняла, что чуда не произойдет. Она не почувствовала ровным счетом ничего. Не было замиранья сердца, которого она так ждала весь вечер, не было сладкой истомы и восхищения. Все ее тело сникло от разочарования.

Диана поцеловала его в ответ, просто чтобы удостовериться, что инстинкты ее не подвели. Ведь она уже целовалась раньше и знала, как это должно быть. Хавертон оказался гораздо хуже Амоса Вриволда, с которым она несколько раз целовалась в Саратогге, но в то же время чуть-чуть получше ее первого поцелуя в тринадцать лет. Впрочем, тот первый юноша настолько разочаровал ее, что она предпочла немедленно забыть о нем.

И в ту самую секунду, когда Диана пришла к неутешительному заключению, что Джеймс Хавертон, помощник архитектора, был вовсе не тем художником, которого она искала, дверь со стуком распахнулась и послышались шаги.

– Мисс Диана?.. – В мужском голосе было больше ужаса, чем удивления.

Диана почувствовала, что Хавертон на мгновение судорожно вцепился в нее и тут же ослабил хватку. Она повернулась к двери и сразу же узнала Стэнли Бреннана. Ему было всего двадцать шесть, но выражение постоянной тревоги и усталости на бледном узком лице прибавляло ему как минимум лет десять.

– Ваша матушка... Она послала меня проверить... – промямлил он, запинаясь, – убедиться, что с вами все в порядке.

Хавертон наконец отпустил талию Дианы и сделал шаг назад. Он был явно раздосадован появлением Бреннана, но решил смолчать. Диана облегченно вздохнула, радуясь, что жесткая щека больше не прикасается к ее нежному личику.

– Спасибо, Бреннан, – сказала она. – Не проводите ли вы меня обратно в бальную залу?

Бреннан осторожно приблизился, укоризненно глядя на разрезы, которые Диана проделала в своем платье. Они слегка расширились во время этого невинного свидания.

– О, ничего, все в порядке. – Диана подала ему руку и небрежно повернулась к Хавертону, – Благодарю вас за разъяснение исламских мотивов в гардеробной Ричмонд Хейз. Я никогда не забуду нашу увлекательную беседу.

Она оглянулась лишь один раз и злорадно вообразила, что гримаса, исказившая лицо

Хавертон, так и приклеится к нему навечно. И эта кислая мина отравит ему жизнь, и он навсегда останется одиноким и разочарованным. «Ну что ж, – с усмешкой подумала она, выходя с Бреннаном из гардеробной и направляясь в главную залу, – значит, такова его судьба. Нет, что ни говори, роль роковой женщины мне определенно нравится...»

– Я не скажу ничего вашей матушке, – прошептал Бреннан, пока они скользили по мраморному полу. – Хотя как друг вашего отца считаю своим долгом предупредить: подобное поведение может изрядно повредить вашей репутации.

– Ничего страшного. Я не боюсь, – беспечно отозвалась Диана.

– Вы очень похожи на мою младшую сестру, и я считаю своим долгом присматривать за вами. Тем более что об этом меня просила ваша матушка, – Он остановился и помолчал, словно пытаясь подчеркнуть серьезность своих слов, – Если она узнает о случившемся, нам обоим не поздоровится.

– Да, это уж точно, – Диана беззаботно хмыкнула и лукаво взглянула на своего спутника. Они уже слышали громкие туки, доносившиеся из бальной залы. Через мгновение их затопит яркий свет и закружит стремительный танец. Диана скорчила недовольную мину, но тут же снова улыбнулась, игриво подмигнув, – Но неужто и вправду нам грозит опасность?

Затем она рассмеялась, схватила Бреннана за руку и потянула его в залу. В конце концов, к чему все эти тревоги? Она искала свою мечту, смутные сладостные ожидания переполняли ее – так неужели она могла позволить одному неудачному поцелую испортить ей настроение?

3

Не уверен, что смогу присоединиться к вам сегодня вечером.

Приношу свои извинения, если чем-то огорчил вас.

Г.Ш.

– Ах, неужели... Посмотрите, вот и Маленькая Бо появилась. Лиз ужасно повезло, – язвительно процедила Пенелопа Хейз. Впрочем, это была ее обычная манера говорить о ком бы то ни было. – Ну, но крайней мере, она не забыла о своих скромных американских корнях, пока кокетничала с французами, – заметил ее друг Исаак Филипс Бак, – И, кстати, не пресмыкалась перед маркизами, как все остальные, – добавил он, презрительно фыркнув.

Пенелопа с напускным равнодушием пожала плечами. Что ж? Если он хотел похвалить Элизабет Холланд, которую Пенелопа уже давно втайне считала своей главной соперницей и по этой причине приблизила к себе как единственно возможную подругу, – так и быть, пусть похвалит. Тем более сейчас Лиз кружилась в танце с омерзительным Персивалем Коддингтоном. Ах, как не повезло бедняжке...

Пенелопа торжествовала. Это был день ее триумфа: гости восхищались ею, великолепным домом, шикарнейшей обстановкой, радушием ее семьи. Она лучшая, и сегодня у всех была возможность убедиться в этом.

Правда, сегодня днем произошло досадное недоразумение, которое изрядно подпортило ей настроение. Прибыл посыльный с запиской, а Пенелопа как раз вернулась от Холландов (ей не терпелось изобразить радость по поводу возвращения лучшей подруги). Она несколько раз перечитала адресованное ей небрежное послание, и через несколько минут ее досада и разочарование сменились яростью. Пенелопа была в бешенстве, и в тот момент у нее не было иного выхода, кроме как обрушить весь свой гнев на головы ни в чем не повинных служанок, которые готовили ее к балу.

Она действительно очень боялась, что юноша, приславший эту записку, и в самом деле не появится сегодня в ее доме. Нет, этого не может быть! Это невероятно. Это невозможно, чтобы она, Пенелопа, не вскружила ему голову! По ней сходили с ума все, и он не должен стать исключением! Но именно этот молодой человек посмел не прийти на бал. На ее бал. В конце концов, где и когда у нее еще будет возможность представить себя в такой великолепии! Когда еще он сможет столь отчетливо увидеть и осознать, что она единственная, кто ему нужен? И понять наконец, что хранить их отношения в тайне было непростительной ошибкой?

И почему-то сейчас, стоя на балконе и глядя свысока на блистательную роскошь своего фамильного гнездышка, Пенелопа вдруг совершенно уверилась, что он придет. Иначе просто и быть не может! Ведь этот вечер так важен для нее! Он скоро приедет. Обязательно. Ну, почти наверняка... Пенелопа вскинула голову, поправила яркие оборки своего наряда танцовщицы фламенко и царственно положила руку на бедро, а пальцами другой руки продолжала крепко сжимать сложенный вчетверо листок бумаги, который доставил ей сегодня столько волнений.

– Посмотри на Элизабет. Она держится так величаво и роскошно, – произнесла Пенелопа, и десятка два изящных золотых браслетов зазвенели на ее запястьях.

Исаак с трудом выпрямился в полный рост и погладил свой круглый выпирающий живот, который он этим вечером тщетно пытался скрыть под костюмом шута.

– Интересно, насколько ей удастся уклоняться от дыхания Персиваля.

И они рассмеялись в своей обычной манере: сквозь нос, не размыкая губ...

Пенелопа с Элизабет дружили с детства, с тех пор как стали заниматься у одного и того же преподавателя французского. Не так давно Пенелопа случайно узнала, что назначить девочкам одного и того же учителя распорядился мистер Холланд, чтобы досадить своей жене. И эта мысль до сих пор не давала Пенелопе покоя.

Их учитель был молод, худощав и не лишен обаяния. Элизабет часто заставляла беднягу краснеть, когда просила, например, объяснить разницу между *décolletage* и *decollete*. Забавно, сколько усилий она прилагала тогда, чтобы доказать, какой правильной маленькой мисс она может быть. А вот Пенелопа никогда ни о чем таком не беспокоилась, ей было все равно, ведет она себя как настоящая леди или нет.

И все это вполне сходило ей с рук, пока Пенелопа не представляла из себя ничего особенного. По крайней мере, пока так считало ее окружение, знатные голландские семьи. Впрочем, сейчас Пенелопу грела мысль о том, что ее бальная зала куда более роскошная и просторная, чем зала и доме Холландов. Семья ее лучшей подруги жила в парке Грамерси, который раньше считался весьма престижным районом, в довольно скромной усадьбе со строгим элегантным фасадом и маленькими опрятными комнатами. А семья Хейз перебралась в центр, на Пятую Авеню, в большой новый дом.

Пенелопа могла бы посочувствовать подруге, все еще обитавшей в захолустье, если бы не знала, что мать Лиз вечно распускала о ее семье возмутительные слухи, презирала их и во всеуслышание называла выскочками. Подобная несправедливость возмущала Пенелопу до глубины души. Да, дела семьи пошли в гору, когда дедушка Пенелопы, Огден Хазмат-младший, забросил скромное портняжное дело в Мериленде и начал продавать армии северян хлопковые одеяла по цене шерстяных. А с тех пор как дед переехал в Нью-Йорк, сменил имя и купил дом на площади Вашиигтона у обанкротившейся ветви семьи Райнлендеров, клан Хейзов стал полноправной частью нью-йоркского высшего общества.

Теперь же они навсегда оставили площадь Вашингтона в прошлом и переселились в самый престижный район, в единственный в Нью-Йорке шикарный частный дом с бассейном на первом этаже. Миссис Хейз упорно называла его *palazzo*, и это многих раздражало.

– Посмотри, как все удачно складывается, Бак, – произнесла Пенелопа с горделивой улыбкой.

– Только для вас, – ответил он гнусавым голосом с псевдобританским акцентом. Исаак был своего рода англоманом, а в последнее время это увлечение выразилось и в речи.

Поскольку семейство Хейзов не очень-то жаловало своего дальнего родственника, и Исааку приходилось самому зарабатывать на жизнь, он был незаменимым советчиком для домохозяйек вроде миссис Хейз. Он всегда знал, где достать самые свежие цветы, где найти красивых веселых молодых людей, которые любят танцевать, даже если они не совсем подходили на роль будущих мужей. Он знал, как покрикивать на поваров, чтобы они вкусно приготовили мясо. Пронзительные крики Исаака и впрямь были неприятны, зато общаться с ним многим нравилось – он умел развлечь публику.

– Да уж, да уж, – продолжил он в своей шутовской манере, – сегодня все выглядят просто блестяще! Сногсшибательно. Это же настоящий праздник тщеславия. То есть, я хочу сказать, одни драгоценности чего стоят! Да на них можно купить весь Манхэттен.

– Это точно, – согласилась Пенелопа, – Хотя я не перестаю удивляться, как люди

умудряются увешать себя побрякушками с головы до ног.

– О, ты наверное имеешь в виду Агнесс! Но у нее едва ли есть побрякушки. В любом случае, думаю, она хочет быть Анни Оклей, и уверен, что если ты спросишь ее портного, он ответит, что все сшито из замши.

– Не смей меня. Тебе прекрасно известно, что у Агнесс нет портного, Баки, – приторно улыбнулась Пенелопа. – А матадором будет Амос Вриволд? Умоляю тебя.

Она повернулась к другу, выразительно приподняв темную бровь.

– Ну-ну. Не каждый мужчина может с достоинством носить трико.

– О, только взгляни – это же Тедди Каттинг! – прервала Пенелопа увлекательную беседу о костюмах.

Светловолосый и голубоглазый Тедди владел громадным состоянием и занимался судоходным бизнесом. Он принадлежал как раз к тому типу мужчин, с которыми Пенелопа охотно флиртвала на балах вот уже в течение двух лет.

Но была и еще одна, более веская причина того, что Пенелопа постоянно строила ему глазки: Тедди был без ума влюблен в Элизабет Холланд, и разумеется, лучшая подруга никак не могла этого пережить. Она молча наблюдала, как девушки, придерживая накрахмаленные юбки, порхнули навстречу Тедди. Он галантно кланялся и каждой из них целовал руку, обтянутую перчаткой.

– Тедди выглядит очень привлекательно, – Исаак потер подбородок. – Смотри, как ему идет костюм французского придворного! Многие здесь в таких костюмах, но так изящно он ни на ком не смотрится.

– Да, довольно неплохо, – равнодушно отозвалась Пенелопа, ведь куда бы ни пришел Тедди, поблизости всегда можно было найти кого-нибудь и получше. Она щелкнула пальцами; подзывая одного из официантов, скатала трубочкой полученную ранее записку и опустила в свой бокал им под шампанского. Потом поставила его на поднос, не встречаясь со слугой глазами, и взяла себе еще два наполненных бокала.

И в этот самый миг в дверях появился Генри Шунмейкер. Пенелопе показалось, что время остановилось. Она заставила себя сохранять спокойствие, хотя сердце ее бешено заколотилось, а щеки вспыхнули. Она ликовала. Да, несомненно, Генри Шунмейкер был особенным! Во всем Нью-Йорке не было столь же изысканного, богатого, красивого и столь же веселого и легкомысленного парня. Тем временем он остановился рядом со своим другом Тедди и принялся целовать протянутые к нему руки. Пенелопа фыркнула и демонстративно отвернулась.

– Эти девицы сами себя выставляют на посмешище, – обратилась она к своей кухне и друзьям, приглаживая свои прекрасные темные волосы, разделенные пробором и волной ниспадавшие на шею. Замысловатые серебряные гребни, украшенные филигранью, были веером закреплены на затылке.

– Думаю, пора спасти нашего друга, – добавила она так, словно эта мысль только что пришла ей в голову.

Пенелопа приподняла складки алого крепдешина, скрывавшего ноги, и начала скользить к резной мраморной лестнице.

– Баки, – тихо позвала она, уже пройдя несколько ступенек, и посмотрела на него долгим выразительным взглядом. – Это человек, за которого я намерена выйти замуж.

Исаак поднял свой бокал с шампанским, и Пенелопа улыбнулась собственным словам. Как она могла так неосторожно выдать себя лукавому болтливому Баку?

Она спустилась по лестнице и через несколько мгновений очутилась в бальной зале. Как только толпа заметила ее и всколыхнулась волной, в зале воцарилась тишина. Среди белого сатина и напудренных париков ее алое платье казалось еще ярче. Красавица прошла через стайку девушек, которых только что во всеуслышание объявила дурочками, и, затаив дыхание, приблизилась к Генри Шунмейкеру.

– Кто позволил вам войти? – поинтересовалась она без тени улыбки. Потом резким движением подбоченилась, отчего золотые, в цыганском стиле браслеты с мелодичным звоном упали на запястье. – Вы не в костюме! А в приглашении было ясно сказано, что бал костюмированный.

Генри повернулся к ней с изумленным лицом, даже не озаботившись кинуть взгляд на свой черный фрак и брюки.

– Мисс Хейз, неужели я допустил ошибку? Видите ли, я сегодня не успел перебрать почту, но пташка нашептала мне, что здесь будет бал...

Поговаривали, что Генри всегда платил музыкантам вперед, поэтому они частенько начинали играть вальс, предоставляя ему возможность закончить разговор. Вот и теперь полилась музыка, и Генри мягко кивнул Пенелопе. По ее лицу скользнула улыбка, но через мгновение девушка вновь напустила на себя строгий вид. Он не отрывал от нее глаз, пока они рука об руку шли в центр залы.

Пару мгновений толпа молча наблюдала за ними, зачарованная танцем блистательной пары. Но Пенелопа прекрасно умела вызывать зависть, а ее кузены и друзья не могли просто стоять и ревновать. Так что постепенно и другие, менее яркие пары присоединились к ним, расцветив сияющим мраморный пол разноцветными вихрями.

И, тем не менее, взоры всех гостей были устремлены на танцовщицу фламенко и денди во фраке. Пенелопа знала, как много любопытных глаз смотрит на нее, поэтому во время танца старалась говорить сдержанно и спокойно.

– Зачем вы послали мне ту записку? – спросила она, слегка наклоняя голову при повороте.

– Хотел поддразнить вас, – ответил он, – Тогда вы определенно обрадовались бы моему появлению.

Пенелопа на мгновение задумалась, но что-то в его живых и глубоких карих глазах подсказало ей, что он солгал.

– Вы были где-то еще, прежде чем пришли сюда, не правда ли?

– Да ну! Почему вы так решили? – ответил он с хорошо разыгранным удивлением, – Об этом танце с вами я мечтал весь день.

– Лжете вы превосходно, – заметила она ему, – Но я была уверена, что вы придете.

Генри беззаботно посмотрел на Пенелопу и промолчал. Он просто чуть крепче приобнял ее за талию и продолжил вести сквозь толпу. И в тот миг она вдруг почувствовала, что они уже принадлежат друг другу, что их ничто не разлучит. И все остальные девицы уже могут рыдать в свои шелковые платочки при мысли, что Генри Вильям Шунмейкер женат.

Вальс показался ей победным маршем, играющим в ее честь, звучащим лишь для нее. Она могла бы танцевать так вечно. Могла бы, если бы за спиной Генри не появилась массивная фигура его отца и не прервала танец.

– Простите меня, мисс Хейз, – отчеканил старший Шунмейкер невозмутимым ледяным тоном.

Все остальные кружились в вихре танца, а Пенелопа застыла в центре всего этого великолепия. Она чувствовала, что теряет самообладание, но каким-то образом смогла сдержаться. Другие танцоры делали вид, что ничего не замечают, по, конечно же, все видят ее замешательство. Интересно, смотрит ли сейчас на нее Элизабет? В этот вечер она планировала открыть лучшей подруге свою тайну и уже с замиранием сердца предвкушала, какие бурные страсти вызовет ее признание. И вот весь ее сценарий разрушен, все пошло не так. Великое представление было сорвано внезапным появлением этого мерзкого наглого старикашки.

– Мне придется увести Генри отсюда. Дело не терпит отлагательства, и мы, к сожалению, должны немедленно вас покинуть.

Инстинктивно Пенелопа улыбнулась и вежливо склонили голову, хотя ее разочарование невозможно было описать словами.

– Конечно, – спокойным голосом ответила она. И потом несколько мгновений, стоя в центре ослепительной залы, закусив губу и пытаясь сдержать подступающие слезы, наблюдала, как ее будущий муж стремительно растворяется в толпе, среди всех этих обычных людишек. Пенелопа знала, что для нее этот вечер, к сожалению, уже закончился.

ОСТАВЛЯЮ ВСЕ СОСТОЯНИЕ, ОПИСАННОЕ НИЖЕ И ВКЛЮЧАЮЩЕЕ ВСЕ МОИ ПРЕДПРИЯТИЯ, БУМАГИ, СОБСТВЕННОСТЬ И ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО

Генри Шунмейкер еще пару секунд делал вид, что изучает листок бумаги, и потом поступил так, как обычно поступал, столкнувшись с чем-то чересчур серьезным или слишком скучным, чтобы в это вникать. Прекратил кусать губу своими белоснежными зубами и преувеличенно громко засмеялся.

– Бред какой-то, – сказал он, – И ради этого мы покинули бал?

Вильям Шунмейкер, грузный мрачный мужчина с густыми темными бакенбардами и тщательно выкрашенными в черный цвет волосами, зловеще уставился на сына маленькими пронзительными глазками. Из-за частых приступов ярости кожа его была покрыта красными пятнами. Тем не менее любой мог разглядеть: в этом немолодом уже человеке прекрасные аристократические черты, передавшиеся сыну.

– Этот бред отчасти касается и тебя!

Генри не мигая смотрел на отца, зная, что сейчас последует: агрессивная и устрашающе-неприглядная сторона личности мистера Шунмейкера проявлялась во всей красе только в стенах его собственного дома или офиса. Генри воспитывали гувернантки, так что отец всегда казался ему чужим, далеким и неприступным, держащим в страхе весь дом. А те, кто работал на него и прислуживал ему, то и дело совершали странные раболепные поступки в тщетной попытке задобрить тирана.

Генри наклонился над массивным столом из орехового дерева и легким движением руки отодвинул от себя лист бумаги, возвращая его обратно отцу и мачехе, Изабелле. После чего демонстративно зевнул, выразив надежду, что ему более не будут докучать этими глупостями. Изабелла де Форд смущенно улыбнулась и тайком подняла глаза к потолку. Ей было двадцать пять – всего на пять лет больше, чем самому Генри, и они всегда танцевали вместе, пока в прошлом году она не вышла замуж за его отца, самого богатого и влиятельного из Шунмейкеров. До сих пор непривычно было видеть смешливую очаровашку в собственном доме в роли мачехи. Скорее всего, причиной брака были деньги, но Генри втайне уважал старика, сумевшего заполучить такую красавицу.

– Прошу тебя, будь помягче с Генри, – произнесла она звонким девическим голосом и отбросила золотую кудряшку с лица.

– Замолчи, – резко прикрикнул отец, даже не повернувшись к ней. Изабелла нахмурилась и продолжила наматывать на палец свои локоны, – И прекратите сидеть с этими дурацкими выражениями лиц, вы, оба! Генри, налей себе выпить.

Генри не любил изображать из себя покорного сыночка. Впрочем, ему нечасто приходилось играть эту роль: они с отцом усердно избегали друг друга и практически не общались. Но вокруг отца всегда была та особая атмосфера, которая окружает необычайно могущественных и влиятельных людей. Несмотря на свою бунтарскую натуру, в какой-то степени Генри были необходимы его внимание и одобрение, временами он жаждал, чтобы отец заметил его и похвалил. Сейчас он решил не спорить и послушать отца – отчасти потому, что ему чертовски хотелось выпить. Он подошел к маленькому столику, уставленному темными бутылками и узкими графинами, и налил себе скотча.

В комнате царил полумрак, в воздухе висел тяжелый табачный дым, извечный спутник торговых сделок отца. Потолок и стены были инкрустированы темным резным деревом. Этот шедевр итальянского искусства был настолько привычен Генри, что он его уже не замечал. «Вот в таких неприметных местах и делаются великие дела», – задумчиво удивлялся Генри. Его жизнь была насыщена забавами и развлечениями, и эта комната казалась частью иного, чужого мира. Сегодня днем он обедал в «Дельмонико», на Сорок пятой улице, потом наведалься в рабочий район, в один из тех баров, где можно услышать грязную брань и потанцевать с простыми девицами, а потом отправился на грандиозное мероприятие Пенелопы. Он испытывал странный извращенный страх и тайное удовольствие, шатаясь в подпитии и самом сердце делового мира своего отца.

Старший Шунмейкер приподнялся со своего кресла. Его юная жена с трудом подавила

зевоту.

– Итак... Расскажи-ка мне о себе и о мисс Хейз, – внезапно произнес отец.

Генри отхлебнул из бокала и принялся изучать себя в зеркале над баром. Задумчиво провел холеными пальцами по гладкой щеке, поправил зачесанные назад темные волосы.

– О Пенелопе? – запнувшись, переспросил он.

Хотя у него не было желания обсуждать с отцом свои романтические похождения, эта тема была связана с интересами семьи.

– Именно, – подтвердил отец.

– Ну... Она одна из самых красивых девушек своего круга, – пробормотал Генри, не переставая думать о ней, этой роковой красотке, о ее громадных глазах и эффектном лице, раздражающем и соблазнительном. Из собственного опыта он знал, что ничего рокового в Пенелопе нет, – но самое главное – он знал, как сделать ее счастливой. Больше всего на свете ему сейчас хотелось вернуться на бал и танцевать, танцевать до изнеможения.

– И о тебе, – продолжил отец. – Что ты думаешь?

– Мне очень нравится ее общество. – Генри отпил глоток скотча и подержал огненную жидкость во рту.

– Ну, так ты хочешь... жениться на ней? – настойчиво продолжал отец.

Генри не сдержался и фыркнул, услышав такое предположение. Он заметил, что Изабелла тоже смотрит на него, и знал, что сейчас она думает о нем не как мачеха, а как все девушки Нью-Йорка, одержимые вопросами, как, на ком и когда женится Генри Шунмейкер. Он закурил сигару и покачал головой.

– Я еще не встретил девушку, о которой бы думал серьезно, сэр. Как вам известно, я вообще не очень серьезен.

– Значит, Пенелопа не та, кого ты мог бы видеть в качестве жены, – заключил отец, устремляя на Генри суровый взгляд.

Генри пожал плечами, вспомнив прошлый апрель, когда Пенелопа жила в гостинице на Пятой Авеню. Ее семья тогда уже выехала из старого дома на площади Вашингтона, а новая усадьба еще не была закончена. Они едва знали друг друга, но девушка пригласила его в апартаменты, снятые для нее одной, и встречала в одних чулках и прозрачной блузке.

– Нет, отец. Не думаю, что она станет моей женой.

– Но вы танцевали так... – отец запнулся. – Ладно, забудь! Если не хочешь на ней жениться, это хорошо. Очень хорошо.

Он хлопнул в ладоши, встал и, обойдя стол, каменной глыбой навис над Генри.

– А как ты думаешь, кто будет хорошей женой?

– Для меня? – спросил Генри, стараясь казаться спокойным.

– Да, ловелас и праздный прожигатель жизни, – рыкнул отец. Его мимолетное хорошее настроение бесследно испарилось.

Знаменитый гнев Шунмейкера – это то, что Генри в избытке получил в детстве, и гнев этот вспыхивал по любому поводу – от сломанных игрушек до плохих манер. Вильям Шунмейкер шумно уселся в мягкое кожаное кресло рядом с Генри.

– Ты ведь не думаешь, что я праздно интересуюсь твоими предпочтениями?

– Нет, сэр, – ответил Генри, честно посмотрев на отца глазами, обрамленными густыми темными ресницами.

– Тогда ты умнее, чем я думал.

– Спасибо, сэр, – пробормотал Генри, чувствуя, что сейчас ему предстоит услышать нечто очень важное. Хотел бы он, чтобы в такие моменты голос его не становился настолько тихим и слабым...

– Да пойми же ты наконец, черт возьми! Твой разгульный образ жизни погубит и мою репутацию, – Отец вновь поднялся, с силой оттолкнул кресло назад, по паркетному полу и начал нервно ходить вокруг стола. – И кстати, так думаю не только я.

– Отец, прости, но это моя жизнь, а не твоя, – возразил Генри. Он заставил себя говорить спокойным тоном и смотреть собеседнику прямо в глаза. – И не чья-нибудь еще.

– Возможно. Но я больше не желаю этого слышать, – продолжил отец. – Потому что это мои деньги – унаследованные и преумноженные во много раз тяжким трудом – I позволяют

тебе вести такой образ жизни.

– Ты грозишь мне бедностью? – ухмыльнулся Генри, бросая взгляд на завещание и прикуривая от старой сигареты новую.

Он изо всех сил старался выглядеть уверенным и беззаботным, но даже само слово «бедность» вызывало ледяные спазмы в желудке. В этом слове ему слышалось нечто зловещее и болезненное. Учась в Гарварде, в течение всего первого семестра он делил комнату со студентом по имени Тимоти Марфилд, – чуть позже выяснилось, что это была идея отца, дабы воспитать из своего беспутного сына достойного мужчину. Отец Тимоти работал клерком в Банке Бостона по двенадцать часов в день, чтобы оплачивать обучение сына. И Генри нравился Тим, знавший все лучшие пивные в Кембридже. Но тогда Генри впервые задумался о том, что есть люди, которым приходится заниматься убийственным, изматывающим делом под названием «работа». И эта мысль до сих пор вселяла в него ужас и отчаяние.

– Не совсем. Шунмейкеру не грозит бедность, – ответил, в конце концов, отец. – Я хочу предложить другой выход. И думаю, что ты найдешь его намного более приятным, чем пустой банковский счет, – продолжил он, наклоня голову и глядя сыну прямо в глаза. – Этот выход – женитьба.

– Ты хочешь, чтобы я женился? – уточнил Генри, едва не расхохотавшись, – Да во всем Нью-Йорке не найдется человека, менее подходящего для брака, и это знают даже льстивые полунисище репортеры!

Он попытался представить девушку, которую захотел бы всегда вести под руку по лужайкам Ньюпорта или палубам роскошных европейских лайнеров, – но воображения не хватило.

– Ты ведь шутишь, правда?

– Отнюдь. Я серьезен как никогда, – сердито взглянул на него отец.

– О-о-о, – Генри медленно покачал головой, надеясь, что это поможет ему осознать столь неожиданное и нелепое предложение. – Представляю, сколько времени придется потратить, чтобы найти ту, которая согласится стать миссис Шунмейкер...

– Заткнись, Генри, – Отец опять прошелся по комнате и положил руки на плечи своей молодой супруги, – Видишь ли, я уже присмотрел кое-кого.

– Что? – воскликнул Генри, не веря своим ушам.

– Кое-кого из высшего общества, из хорошей семьи, с покладистым характером и безупречными манерами. Ту, которую любит пресса и с радостью назовет твоей невестой. Миссис Шунмейкер, Генри. Образец культуры и благовоспитанности. Я думаю о...

– Почему об этом думаешь ты? – перебил его Генри, приподнимаясь с кресла. Теперь и его захлестнула ярость.

Изабелла тихо вскрикнула, увидев двоих уставившихся друг на друга Шунмейкеров.

– Почему я об этом думаю? – проревел отец, огибая стол! – Почему? Потому что у меня есть амбиции, Генри, в отличие от тебя! Ты, кажется, не понимаешь, что каждый твой шаг описывается в газетах. И люди, которые важны для меня, читают эти дурацкие сплетни и обсуждают их. Ты всех нас выставляешь в дурном свете. Твое исключение из университета, твои выходки, твои шатания по городу... Каждое твое слово позорит имя семьи. Мне надоело краснеть за тебя.

– Ты не ответил на вопрос! – рявкнул в ответ сын.

Отец, со своим взрывным характером и знаменитой любовью к деньгам, кажется, уже удовлетворил кое-какие из своих амбиций. Он создал железнодорожную компанию буквально с нуля и сделал ее баснословно прибыльной, возвел многоквартирные дома на фамильных землях, пойдя при этом на небывалый риск; дважды женился на красавицах...

– Я действительно не понимаю этого, пап, – выдохнул Генри, – Чего ты хочешь?

Изабелла сердито уперлась своими маленькими локотками о стол.

– Вильям хочет баллотироваться! – выпалила она.

– Что? – поморщился Генри, не веря своим ушам, – Куда?

Его искреннее изумление немного смутило отца, и напряжение в комнате чуть ослабло.

– Я говорил со своим другом из Олбани, и он поспорил, что...

Мистер Шунмейкер замолчал и пожал плечами. Генри знал, что отец был давним другом

и соперником Рузвельта, и вскинул голову приготовившись слушать дальше. – Мне нравится то, что называется службой обществу, – объявил Вильям потеплевшим и величавым голосом. – Кто сказал, что аристократы не должны участвовать в политике? Напротив. Это наша благородная обязанность. Мужчина не стоит и гроша, если не может управлять своим миром в свое время и делать его лучше и достойнее...

– Ой, вот только не надо вешать лапшу на уши мне, – перебил его Генри, закатывая глаза. Он был в бешенстве, – И куда ты хочешь избираться?

– Сначала на должность мэра, а потом... – начал отец.

– А потом – кто знает, – вмешалась Изабелла. – Если он будет президентом, я буду первой леди.

– Ну что ж, поздравляю, сэр, – Генри устало плюхнулся обратно в кресло.

– Так что больше не должно быть никаких порочащих слухов. Никаких новостей в газетах о твоих диких выходках. Никакой дурной славы, – пояснил старший Шунмейкер, – Теперь ты видишь, почему должен жениться на леди. Не на Пенелопе. На нравственной девушке, которую любят избиратели. На той, рядом с которой ты будешь достойно выглядеть. Девушке... такой как...

Генри видел, как отец прислонился к столу, притворяясь, что ему только что пришла в голову неожиданная идея. Он посмотрел на Изабеллу.

– Как Элизабет Холланд, к примеру.

– Что!? – взорвался Генри. Конечно, он знал старшую из сестер Холланд. Несколько раз он даже беседовал с ней, но это было до его отъезда в Гарвард, а тогда она еще была угловатой нескладной девчонкой. Сейчас она действительно превратилась в красавицу, ничего не скажешь. Но она столь явно была одной из них. Во всем следовала правилам, изящно пила чай и рассылала открытки с благодарностями, – Но в Элизабет Холланд нет ничего, кроме манер!

– Именно! – Отец с таким грохотом ударил кулаком по столу, что Генри поперхнулся скотчем.

Он не мог говорить, но лицо его было искажено обидой и негодованием. Худшей партии представить себе было невозможно. То, что предлагал отец, было не чем иным, как тюрьмой. Генри представил, как протекает его тихая, спокойная и размеренная жизнь, вообразил бесконечные идеально подстриженные лужайки в парке Такседо, Ньюпорте и Род-Айленде, на которых устраивали свои пикники надменные отупевшие матроны.

– Генри, – предостерег отец, взял листок бумаги и помахал им в воздухе. – Я знаю, о чем ты думаешь. Прекрати. Сейчас же! Я хочу, чтобы ты женился и остепенился. Тебе придется забыть о Пенелопе. Я даю тебе шанс, и заметь: шанс очень неплохой, – он замолчал на мгновение, – И видит Бог, если ты пойдешь против моей воли, я впишу в эту чертову бумагу имя Изабеллы и быстро вышвырну тебя на улицу. И заметь: на глазах у всех.

Мысль о нищенском существовании, сопровождавшемся обветшалой одеждой и гнилыми зубами, заставила Генри внезапно протрезветь, и взгляд его помимо воли остановился на многочисленных бутылках и графинах, выстроенных на столике. Ему вдруг нестерпимо захотелось вернуться обратно в Гарвард. Когда-то все эти книги и лекции казались ему столь бесполезными и утомительными. Но теперь он понял, что университет давал возможность проложить свой собственный путь, мог обеспечить безбедное будущее, помог бы обрести уверенность... Но было уже слишком поздно.

Его дурное поведение привело к тому, что без вмешательства отца вернуться в Гарвард невозможно. Генри молча смотрел на поблескивающие янтарные бутылки и с ужасающей ясностью начинал осознавать, что его единственный путь к богатству и независимости лежит через тихую, смертельно скучную жизнь с Элизабет Холланд.

5

Идеальная служанка просыпается раньше госпожи, чтобы согреть воду для ее умывания, а вечером не отправляется в постель, пока не подготовит госпожу ко сну. Она может поспать днем, если не нужна хозяйке.

*Ван Камп.
Пособие по ведению домашнего хозяйства для леди из высшего общества, издание 1899 год*

Лина Брод облокотилась на подоконник и выглянула в безмолвную тьму, окутавшую парк Грамерси. Она очень устала. Сегодня вечером пришлось потратить столько времени и сил, помогая старшей из мисс Холланд облачиться в сорочку, рубашку и корсет. Мисс Холланд – и никак иначе. Она больше не Лиззи как ее звали в детстве, или Лиз, как она позволяла называть себя младшей сестре, – она мисс Холланд, младшая леди дома. Ее возвращение не очень-то обрадовало Лину. Скорее, даже огорчило. Элизабет так долго была вдали от дома, что ее личная служанка почти забыла, каково это – «прислуживать». Однако после возвращения госпожа неустанно напоминала Лине о ее обязанностях.

Девушка расправила плечи и вздохнула. Она была совсем не похожа на свою старшую сестру, Клэр, мягкую, покладистую и непритязательную, довольствующуюся чтением светских новостей в узкой спальне на чердаке. Там они жили вдвоем. Клэр исполнился двадцать один год, она была на четыре года старше сестры, но при этом опекала Лину и заботилась о ней как о маленькой. С тех пор, как много лет назад умерла их мать, Клэр пришлось многое пережить, но она до сих пор была наивна и беззащитна, и радовалась как ребенок каждой безделушке, которую дарили ей хозяева. Лина же, как ни старалась, не в состоянии была понять и разделить искреннюю восторженность старшей сестры.

Она сидела в черном льняном платье с узким вырезом, обтягивающем ее нескладную фигуру. Сидела, наслаждаясь роскошью спальни Элизабет: небесно-голубые шелковые обои, широкая кровать из красного дуба, сияющая серебром ванна, куда через трубы подавалась горячая вода, аромат пионов, вырывающийся из фарфоровых кувшинов. За время отсутствия своей госпожи Лина начала воображать себя знатоком в украшении интерьера. И, если бы ее спросили, она, скорее всего, сказала бы, что комнаты в доме Холландов довольно скромные и ничего особенного в них нет. Лина сидела под небольшим голландским полотном с изящной домашней сценой в массивной золотой раме и думала о том, что Элизабет по непонятным причинам совершенно не пользуется своими привилегиями.

Впрочем, Лина не испытывала к Элизабет ненависти. Она не могла ее ненавидеть, несмотря на все ее изысканные одежды и прекрасные манеры. Элизабет всегда была для Лины почти идеалом, образцом для подражания, лучом надежды на лучшую жизнь. И именно Элизабет однажды ночью, когда они еще были детьми, подговорила ее спуститься вниз и добраться до конюшни – чтобы выяснить, кто там причитает посреди ночи. Именно тогда Лина влюбилась в Вилла Келлера, который уже в те годы был необычайно красив и привлекателен.

В многоквартирных домах в то время часто вспыхивали пожары, сжигая заживо в темных комнатухах взрослых и детей. Один из таких пожаров оставил Вилла сиротой. Мальчика приютил один из бывших работодателей отца, чтобы тот потом смог ему служить. Ребенка мучили страшные воспоминания, которые не отпускали его даже по ночам: он громко рыдал во сне, если ему снился пожар. Впрочем, так продолжалось недолго. Подружившись с Линой и Элизабет, он перестал видеть кошмары.

Конечно, даже тогда между ними чувствовалось различие, но все они были детьми, и всем троим запрещалось влезать во взрослый мир Холландов – в мир роскошных вечеринок и карточных игр. Целыми днями за детьми присматривала мать Лины, Мари Брод. Няня девочек Холланд никогда не делала различий между своими подопечными. Она частенько одинаково наказывала Вилла и Элизабет за их многочисленные шалости. Клэр была слишком робкой, чтобы присоединиться к этим проказам, а Диана – слишком маленькой. Но Лина всегда была готова позабавиться и повеселиться. Ночью они ползали по темному дому, хихикал над большими портретами предков Элизабет, воровали сигары с кухни и серебряные пуговицы из маленькой стоповой. Однажды они даже стащили игральные карты старого мистера Холланда с изображениями дам в нижнем белье и морщились, разглядывая их. Тогда, в детстве, они и правда были друзьями. Но потом вдруг в Элизабет проснулось чувство собственной важности, она осознала свое происхождение и превосходство и возвела каменную стену между собой и

своими приятелями.

Лина не могла точно сказать, когда все изменилось. Может, в то время, когда умерла ее мать, и Элизабет стала заниматься с миссис Бертран, домашней преподавательницей. Лине тогда было почти одиннадцать – неуклюжая вздорная девица, помешанная на справедливости. Она не любила вспоминать о том времени. Элизабет, которая была старше всего на год, внезапно углубилась в уроки этикета: как держать чайную чашку и когда посылать письмо замужней приятельнице. И с тех пор каждый ее жест, казалось, направлен был на то, чтобы напоминать Лине, что они неравны и больше не могут быть друзьями. Элизабет превратилась в одну из девушек, о которых Клэр с завистью и благоговением читала в светских новостях и модных журналах.

Лина вела тихую размеренную жизнь и чувствовала себя одинокой, несмотря на то что днем и ночью прислуживала Элизабет и делила спальню с сестрой и еще с одной служанкой. Она не решалась поддерживать детскую дружбу с Виллом без помощи Элизабет, хоть втайне и мечтала об этом. Все эти годы Лина украдкой наблюдала за ним со стороны и видела, как он превращался в высокого статного юношу, становясь еще более красивым. Время от времени от экономки, миссис Фабер, до нее доносились слухи о его пьянстве и драках, и это еще сильнее подстегивало ее любопытство. Только этой весной, после отъезда Элизабет, она на время с радостью освободилась от своих регулярных обязанностей, и они с Биллом вновь стали друзьями. Когда он заканчивал работу, они курили, смеялись, подшучивали над миссис Фабер. Вместе представляли, как стали бы жить, если бы были богаты и свободны. Раньше Лина всегда удивлялась, почему его так редко видно и где он все время пропадал. Теперь она знала, что он вовсе не предавался порокам, а каждое свободное от работы мгновение проводил над книгами. Он интересовался литературой и политикой, читал о теории демократии, о европейских странах и был уверен, что человек умный и целеустремленный, живя на Западе, может добиться успеха, может обрести счастье. Лина готова была слушать его бесконечно. Но вот минула весна, и лето подходило к концу, а она все еще не находила случая сказать Виллу, что тоже хочет уехать. С ним. Сказать, что любит его...

Чудесное уединение в сумерках было внезапно прервано стуком копыт. Перед домом остановился один из семейных экипажей, и Виллу пришлось спуститься с козел, чтобы открыть двери для леди. Лина невольно залюбовалась его подтянутой фигурой, широкими плечами, сильными загорелыми руками. Элизабет вышла первой, протянув руку Диане, которая выглядела довольно усталой, но при этом трещала без умолку. Затем Вилл помог выйти миссис Холланд, и одна за другой женщины направились к дверям дома. Лина слышала, как Клэр приветствовала их, в то время как Вилл повел лошадей к конюшне.

Она знала, что скоро ей вновь предстоит подниматься по главной лестнице, и почувствовала, как в груди растет недовольство. Элизабет вернулась домой, и Лине теперь придется готовить свою юную госпожу ко сну, а самой при этом не спать до самого утра. При одной лишь мысли об этой обязанности, от которой она уже успела отвыкнуть за долгие месяцы, по телу пробежала дрожь негодования. Она заставила себя слезть с подоконника, быстро выбежала из комнаты Элизабет и помчалась по длинному, застеленному коврами коридору. Через пару мгновений она уже была у задней лестницы для слуг и затем понеслась вниз, прыгая через две ступеньки.

Приближаясь к кухне, Лина услышала, как господа поднимаются по главной лестнице. Она помедлила, размышляя, какое наказание ждет ее, если она проигнорирует свои обязанности в первую же ночь после возвращения мисс Холланд. Но ей так хочется рассказать Виллу обо всех французских замашках госпожи! Хочется, чтобы он рассмеялся, хочется развеселить его. И может быть... может быть, она сможет наконец-то поведать ему о своих чувствах. Эти мысли прибавили ей сил, и она бросилась через кухню к кладовой, которую Элизабет в детстве использовала для побегов от бакалейщика.

Лина неслышно ступила на покрытый сеном пол конюшни. Вилл расседлывал лошадей. Упряжь лежала на полу так, чтобы он мог потом все почистить и положить на место. Поношенный голубой хлопок рубашки прилип к спине. Рукава были закатаны выше локтей, по лицу и по шее струился пот.

Он отступил на шаг и встретился с ней взглядом, затем остановился и тяжело вздохнул,

словно догадался о чем-то.

– Привет, – спокойно произнес он. Посмотрел через плечо, на дверь, и потом едва улыбнулся, вернувшись взглядом к Лине. – Разве тебе не надо быть наверху и помогать мисс Холланд?

Лина стояла в дверях, не в силах сдержать улыбку. Она ждала, что он пригласит ее, как обычно, но он отвернулся и сказал совсем другим тоном, чужим, отстраненным, не таким, к которому она привыкла за лето.

– Ты знаешь, что ужасно рискуешь, выходя ночью? Теперь, когда мисс Лиз... то есть мисс Элизабет вернулась, тебе не следует... Ты не можешь...

У Лины сердце замерло в груди, время словно застыло. Как странно он себя ведет! Словно бы вся близость, появившаяся между ними за эти месяцы, исчезла в одно мгновение, или вовсе существовала лишь в ее воображении. Как же ей хотелось сейчас заглянуть в его глаза!

Вилл все-таки заставил себя посмотреть в сторону Лины, и она увидела его заледеневшее лицо, сжатые губы, пустой взгляд. Ближайшая лошадь фыркнула, гарцуя на месте и трясая головой. Вилл отвернулся, чтобы успокоить встревоженное животное.

– Вилл, – прошептала Лина, не в силах скрыть умоляющие нотки в голосе. Ей отчаянно хотелось услышать из его уст знакомые и ободряющие слова, она смотрела на него и ждала, что он сейчас сделает что-нибудь, развеет ее сомнения, прогонит эту тяжесть и странность, которая витала в воздухе, пугая ее все сильнее и сильнее. – Почему я не могу приходить к тебе как обычно, днем? Ты же знаешь, что мои отлучки вызовут гораздо больше ненужных подозрений, если...

– Лина! – перебил Вилл. Она сжалась от звука своего имени, ведь он теперь редко называл ее так. Этим летом он обычно называл ее детским именем, Лини. Он опустил глаза, вздохнул и подошел к ней. Мягко взял за руки, и на секунду она подумала, что ее сердце остановится. Но затем Вилл подтолкнул ее назад, к кухне. – Прости, Лина, – произнес он тихо, но настойчиво, подталкивая ее к грубым деревянным ступеням, ведущим в дом, – Не сегодня. Ты не можешь быть здесь сегодня.

– Почему нет? – прошептала девушка.

Вилл уставился на нее, нахмурившись, и его яркие голубые глаза стали очень серьезными. Он просто молча покачал головой; так он делал всегда, когда думал, что она ничего не поймет.

– Просто не сегодня, хорошо?

А потом она оказалась на кухне, а дверь захлопнулась прямо у нее перед носом. Лина нащупала в темноте стену, опустилась на пол, пахнувший печеным луком и грязью, и долго сидела без движения. Никогда еще ей не было так плохо и одиноко. Небо за маленьким тусклым оконцем стало понемногу светлеть...

Она так и сидела на полу, когда дверь вдруг открылась и по лестнице для слуг, не поднимая головы, стала торопливо спускаться закутанная в белый шелк фигура, стремительная и неуловимая, словно призрак.

Белая фигура уже приоткрыла дверь в конюшню, когда Лина вдруг поняла, что этот призрак ей хорошо знаком. Это была мисс Элизабет Холланд.

6

Париж, август 1899 года.

Лето почти закончилось...

И мне кажется, сейчас я все яснее осознаю, в чем мое предназначение. Я должна быть настоящей леди, достойной дочерью семейства Холланд. Должна соответствовать той роли, которую я, по общему мнению, призвана играть.

Я чересчур капризна и избалованна. Мне, наверное, следует быть более ответственной и серьезной.

И ещё я поняла, как же нелегко признавать собственные ошибки...

Из дневника Элизабет Холланд.

Закутавшись в белое шелковое кимоно, которое отец привез ей из Японии к шестнадцатилетию, девушка быстрым шагом пересекла кухню и через черный ход вышла на улицу. Она почти бежала, дрожа от страсти, тлевшей в ней всю ночь. Наклонила голову, спускаясь по шатким деревянным ступенькам, открыла дверь и вошла в конюшню.

Воздух здесь казался тяжелым от сырости и запаха сена. Девушка стояла на мягкой земле и прислушивалась к умиротворяющему дыханию лошадей в стойлах. Она чувствовала, что впервые за эту долгую ночь по-настоящему проснулась. Обо всем этом – ночном фыркании лошадей, свежести и спокойствию ночи, сладости сена – она старалась не думать, пока была в отъезде. Элизабет мягко ступала в своих атласных тапочках, стараясь держать кимоно так, чтобы к нему не пристали соломинки.

Ты пришла, – произнес наконец Вилл, и слова его прозвучали как вопрос.

Он сидел, свесив ноги, на сеновале, где обычно спал, волосы его слиплись от сырости и усталости. Когда он нервничал или сердился, всегда заглаживал пряди за уши. Несомненно, Вилл внешне отличался от юношей, которых вождели подруги Элизабет. Нос его был сломан в одной из драк, чувственные губы выглядели чересчур полными, руки огрубели. Он сидел и смотрел на Элизабет долгим выжидающим взглядом.

– Я уже думал, ты не придешь, – добавил он дрогнувшим голосом.

Глядя на Вилла, Элизабет ощущала одновременно и ликование, и усталость. Только теперь она почувствовала, сколь бесконечно долгой была эта ночь. Весь этот бал – пронзительный смех, изысканное платье – казался частью яркого, безумного сна, который рассеялся перед рассветом. Сегодня ночью она старалась быть безупречной: общалась с нужными людьми, танцевала с претендентами на ее руку и сердце, мило улыбалась – словом, сделала все, чтобы порадовать свою мать. Она успела поболтать с лучшей подругой Пенелопой: обнявшись, они шепотом обсудили наряды всех знакомых. Правда, Элизабет так и не решилась открыть Пенелопе свою тайну. Наверное, она плохая подруга. Ну ничего, ничего, она еще настолько заинтригует Пенелопу, что та станет буквально молить ее назвать имя неизвестного красавца. Сердце Элизабет сладко и мучительно сжалось от этой мысли. У нее закружилась голова. На балу девушки отметили, что блюда просто восхитительны, хотя обе слишком волновались, чтобы что-нибудь съесть, но при этом они выпили больше шампанского, чем собирались. Впрочем, они всегда считали, что шампанское – это не то, от чего стоит воздерживаться. Это действительно была очень долгая и утомительная ночь, и Элизабет была уверена, что закончится она могла только здесь.

– Прости... не нужно ждать меня все время, – ответила она, хотя собиралась произнести другие слова. Хотела сказать, что думала о нем весь день, поведать, сколь мучительной была для нее разлука. Она мечтала рассказать ему о дальних странах, в которых побывала, и о том, как, гуляя по широким извивающимся улицам и роскошным аллеям Парижа, она скучала по его объятиям... Хотела сказать так много, но вместо этого пробормотала: – 51 бы не хотела, чтобы ты рассчитывал на мой приход, ведь иногда... – она запнулась на полуслове, когда он печально отвел взгляд и опустил голову. – Пожалуйста, Вилл, – взмолилась Элизабет, и ее сердце заныло, – Прошу тебя...

Просто удивительно, с какой легкостью она променяла свою большую удобную комнату на эту грязную конюшню. Это невероятно, но все правила, которым она подчинялась днем, сейчас казались такими нелепыми и бессмысленными. Конечно, она уже много раз твердила себе, что должна одуматься, должна прекратить это безумие. Там, в Париже, ей иногда казалось, что ее страсть угасла, что мимолетное увлечение осталось позади. Она пыталась убедить себя, что она настоящая леди, что ей надлежит веста себя, как подобает девушке из высшего общества. Но едва увидев его, она поняла, что все ее благочестивые планы рушатся как карточный домик. Элизабет заметила, что Вилл изменился, стал серьезнее и взрослее. Теперь в каждом его жесте чувствовалась целеустремленность. Кроме того, Вилл стал казаться ей еще более красивым, чем раньше. И вот она стояла перед ним, заикаясь и запинаясь, почти умоляя простить ее, как простая влюбленная девчонка.

У нее не выходили из памяти слова, произнесенные матерью на сегодняшнем балу. *Единственное, чего у нас нет, – это времени*. Словно тревожное пророчество, эти слова черным облаком висели над головой Элизабет даже сейчас, когда она осталась наедине с

любимым.

– Тебя не было так долго, – тихо сказал Вилл и печально покачал головой.

Элизабет постаралась отогнать странное наваждение, вызванное материнскими словами, но это оказалось непросто.

– Сегодня я стоял на улице и ждал, когда закончится бал. Я понятия не имел, что ты там делаешь, с кем танцуешь, кто прикасается к тебе, кто... – Вилл посмотрел прямо на нее и не мог больше вымолвить ни слова.

Одна из лошадей зашевелилась, переступая копытами по сену, и мягко заржала.

– Вилл, пойми: я не могла не поехать па бал, – Она беспомощно заморгала, пытаясь не разреваться. Она не понимала, почему они спорят из-за вещей, которые она не могла изменить, которые от нее не зависели. Тем более они так давно не виделись! В конце концов, разве она не рисковала, пробираясь к нему темной ночью? Разве не мог он просто любить ее здесь и сейчас, пока им позволяет время?

– Я здесь, Вилл. Посмотри на меня, я здесь, – сказала она мягко, шагая вперед. – И я люблю тебя...

Она улыбалась сквозь слезы и чувствовала, что лишь эти слова сейчас имеют для нее значение.

– Я все представлял себе, как ты там, внутри, танцуешь с разными мужчинами, – Вилл стиснул деревянную перекладину сеновала и затем продолжил: – Эти Генри Шунмейкеры в костюмах за сотню долларов и с огромными шикарными особняками...

Элизабет дошла до лестницы и поднялась на две ступени. Грубые деревянные перекладки царапали ее изнеженные холеные руки, но сейчас она об этом не думала. Девушка не отрывала глаз от Вилла и появляющейся на его губах улыбки.

– Генри Шунмейкер? Этот самовлюбленный вздорный тип? Ты, должно быть, шутишь, – она не смогла удержаться от смеха, похожего на чистый звон колокольчика.

Она желала сейчас лишь одного: обнять Вилла, прижаться к нему, успокоить его. Как ей хотелось, чтобы он верил ей! Элизабет не помнила точно, когда ее детская привязанность переросла во взрослую любовь, но то, что толкнуло ее к Виллу, до сих пор жило в ней. Она никогда не встречала никого, кто был бы лучше и достойнее Вилла. Он был добрым, живым, настоящим. Иногда его благочестивость переходила разумные границы, но Элизабет знала, как его отвлечь. Она посмотрела на него, обессилевшего от тревог и волнений, и поняла, что он уже почти перестал сердиться.

Вилл опустил глаза и снова заправил волосы за уши. Затем приподнял голову и посмотрел на Элизабет долгим пристальным взглядом.

– Лиззи, ты надо мной смеешься?

– Нисколько, – тихо ответила она, поднимаясь еще на одну перекладину.

Вилл встал и, поскрипывая поношенными кожаными ботинками, подошел к лестнице. Он наклонился и подтянул девушку к себе, так, что она оказалась в его объятиях. От него пахло лошадьми, потом и дешевым мылом – запах, который она знала и любила.

– Я так счастлив, что ты вернулась, – прошептал он, уткнувшись ей в шею.

Элизабет закрыла глаза и ничего не ответила. Эти моменты были столь редкими, такими волшебными и хрупкими... Раньше она и не подозревала, как тосковала по ним.

– Как прошел вечер? – спросил Вилл низким голосом, опуская девушку на мягкий деревянный пол, – Чинно или весело?

Она спрятала лицо у него на груди и попыталась вспомнить бал, но в памяти всплыли одни лишь угрожающие слова матери, ее странные поступки и пронзительные взгляды, которыми та в изобилии одаривала дочь. Элизабет помолчала и, наконец, ответила:

– Скучно.

Нежно улыбнувшись, она посмотрела на крупные красивые черты его лица. В эти минуты ей отчаянно хотелось стереть из памяти тот вечер, забыть, кем она была, забыть все навязанные ей роли и обязательства. Она пришла сюда по собственному желанию, поступившись своими принципами и рискуя быть замеченной, чтобы несколько часов провести рядом с ним.

– Я все время думала о тебе. Давай мы больше никогда не будем говорить об этих дурацких вечеринках!

Он улыбнулся и бережно уложил ее на пружинный матрац, расположенный в углу сеновала, под деревянными балками, на которых сушилась одежда. Элизабет развязала кимоно. Вилл наклонился, держа ее лицо в своих больших ладонях и покрывая легкими поцелуями.

– Думаю, вы действительно любите меня, мисс Холланд, – прошептал он.

Нежные лучи рассветного солнца пробивались сквозь маленькое окошко. Пьянящее чувство блаженства разливалось по всему телу Элизабет, но где-то внутри ее терзала мысль о том, что она ведет себя неподобающе. Она уже так давно не спала в собственной постели, а уже утро, и если кто-нибудь обнаружит ее отсутствие...

– О чем ты думаешь? – прошептал Вилл, приподнимаясь на локоть.

– Ненавижу этот вопрос, – ответила она, потому что вновь думала о предостережении матери и о том, что пробуждение в теплых объятиях Вилла было так непохоже на ее привычную осторожность. Она села и выглянула из окошка в сад.

– Мне нужно идти, – она и сама слышала неуверенность в собственном голосе.

– Почему? – Рука Вилла скользнула под кимоно и устроилась на ее груди.

Ее сердце билось под его ладонью, и она вдруг поняла, как же бешено оно колотится. Каждое мгновение, проведенное здесь, заставляло ее все сильнее беспокоиться о том, что происходило в доме. Лина, должно быть, скоро придет с горячим шоколадом и ледяной водой и обнаружит пустую кровать. Элизабет заставила себя быстро поцеловать Вилла в мягкие губы и вырвалась из его крепких объятий.

– Ты знаешь почему, – Она решительно встала и начала завязывать одежду. Посмотрела на беспокоившихся лошадей в стойлах внизу и попыталась выглядеть так, словно все делала правильно, – Если мама узнает, что я пришла сюда, – если вообще кто-нибудь узнает, – это будет конец.

– Но если мы уедем в Монтану... или Калифорнию... Никому не будет до нас дела. Никто не сможет нам ничего запрещать, мы будем свободны. Мы сможем оставаться в постели все утро, – произнес он все более теплым и настойчивым голосом, становившимся все теплее и настойчивее – И потом, когда проснемся, сможем кататься на лошадях или делать то, что захотим, и...

Элизабет уже много раз слышала эти слова, и она поняла, что в ее отсутствие он не переставал об этом думать и настроен решительно. Ей нравилось, когда он так говорил. Вилл был единственным мужчиной из всех, кого она знала, который всерьез задумывался о будущем и прилагал усилия, чтобы сделать это будущее прекрасным и достойным. Вилл был самым нежным, прекрасным, но в то же время самым пугающим и требовательным человеком из всех. Жить где-нибудь далеко от Нью-Йорка, где они могли бы быть просто мужчиной и женщиной, – это самое прекрасное, что она только могла себе вообразить. Самая чудесная и самая недостижимая мечта. Им бы больше не надо было бояться разоблачения и страдать от этого нелепого неравенства, не было бы больше осуждения и лжи, а ей не пришлось бы тайком приходить к нему только тогда, когда все домочадцы слишком измотаны, чтобы заметить ее отсутствие.

Она повернулась, намереваясь сказать ему, что почти готова к безумному поступку, но замерла в удивлении: Вилл, одетый только в выцветшие длинные черные штаны, с обнаженным торсом, сильным и гладким, выбрался из постели и теперь стоял, опустившись на одно колено. Элизабет уже видела этот жест раньше и знала, что он означает.

– Может быть, тебе стоит подумать о другой жизни... – произнес он мягко и потянулся к ее руке.

Элизабет инстинктивно отдернула ее, а сердце запрыгало так, словно она бежала. Девушка взглянула на свою ладонь и едва сдержала слезы. Ей снова надо было стать правильной и разумной, держать себя в рамках приличия, сохранять благопристойность.

– Господи, – взмолилась она, – помоги мне выдержать это...

– Я вернусь, как только смогу, хорошо? – Она заставила себя не смотреть Виллу в глаза, в которых отражались боль и смущение. Ведь один лишь взгляд заставил бы девушку понять, как сильно она боялась потерять возлюбленного, заставил бы забыть обо всех приличиях и броситься с головой в омут страсти.

Она поднялась по знакомым деревянным ступенькам, ведущим на кухню, и приготовилась

было забраться по лестнице для слуг в свою комнату, где могла делать все то, чем занимались девушки ее круга: отсыпаться после первого бала сезона, мечтать о платьях, которые они наденут в будущем, и думать, с кем будут танцевать в следующие месяцы.

– Доброе утро, мисс Холланд.

Вздвогнув, Элизабет повернулась и увидела Лину. Облаченная в свое обычное черное платье, она сидела за тяжелым, шероховатым столом, где обычно завтракали повара. Пока старшая мисс была в Париже, служанка еще больше вытянулась и похудела, да и веснушек на ее лице прибавилось. Ее спокойный и замкнутый вид ошеломил Элизабет. Она почувствовала, как взмокла спина, и запахла плотнее, чтобы скрыть покрасневшую шею. И сама удивилась спокойствию в своем голосе:

– Я тебя повсюду ищу. Принеси шоколад. И воду тоже не забудь! Она была мне нужна еще ночью.

Затем Элизабет подошла к лестнице и вновь обернулась.

– Кстати, где ты была вчера? – добавила она, строго взглянув на служанку, и, не дожидаясь ответа, поспешила выйти из кухни.

По пути в свою комнату девушка пыталась убедить себя, что все в порядке – Лина была слишком замкнутой, чтобы интересоваться тем, что делала ее хозяйка. Но в любом случае любопытно, давно ли она там сидела и догадывается ли она о чем-нибудь. Элизабет помотала головой и попыталась отогнать от себя эти мысли...

7

На балу в Ричмонд Хейз, вечером шестнадцатого сентября, молодая хозяйка дома великолепно танцевала с неким молодым человеком, кого мы назовем Г. Ш. Пара столь откровенно наслаждалась друг другом, что в обществе уже поговаривают о возможности скорой помолвки, хотя официального объявления еще не было...

Из светской хроники «Нью-йоркских новостей», воскресенье, 17 сентября, 1899 год

– Обожаю читать сообщения в газетах! Это же просто фантастика, – воскликнул Исаак Филипс Бак, оттягивая мизинец и ставя на стол изящную фарфоровую чашечку. – Не читал ничего более интересного с тех пор, как Ремингтона Астора застали целующимся с поваренком. Вот это был скандал!

– О, они просто смешны! – Длинными пальцами, унизанными кольцами, Пенелопа погладила голову своего бостонского терьера по кличке Разбойник и рассеянно улыбнулась. На ней было легкое платье из черного шелка с низким, квадратным вырезом, узкой талией и ярусной юбкой. Стояли необычайно жаркие для осени дни, и она наслаждалась этим прощальным теплом. Они вдвоем с Баком сидели в большой гостиной с высокими потолками, обставленной французской мягкой мебелью с голубой в белую полоску шелковой обивкой.

– Не знаю, зачем вы принесли мне это, – добавила Пенелопа, зевнув. Она лишь недавно встала со своей роскошной постели, пронежившись в ней полдня, и тело до сих пор было приятно расслабленным, ленивым и сонным, словно в первые мгновения после пробуждения. – Неприкрытая зависть – самая искренняя форма лести? Да бросьте вы, этот афоризм давно не актуален. Не придавайте такого значения глупым замечкам. Просто пролистывайте страницы легко и непринужденно, как это делаю я.

– Я непременно постараюсь, Бак, но все эти «Бог то», «Бог это», «Бог порицает вас за новую усадьбу»... – Пенелопа попыталась скрыть неловкость и возмущение, однако не смогла сдержать язвительного смешка, – Все слишком помпезно! Я хочу сказать, что каждый имеет право проводить свое время так, как считает нужным и достойным. У человека должен быть выбор, и он волен выбирать лучшее.

– Ну что ж... У него, похоже, для этого есть целая вечность, – рассмеялся Бак, и девушка закатила глаза. – Ну, по крайней мере, газеты, кажется, согласны с тобой по поводу этого

Шунмейкера. Они предсказывают, что вы с Генри будете помолвлены еще до конца сезона, – продолжил Бак, довольно потирая руки и выпучивая глаза. – Они даже поместили слова астролога, который все подтвердил.

Пенелопа ощутила в груди пьянящую горячую волну радости и абсолютной уверенности и едва сдержалась, чтобы не запрыгать и не захлопать в ладоши.

– Честно говоря, они могли бы сэкономить на астрологе и просто спросить мисс Ветмор, – продолжил Бак. – У них обеих вчера ночью был такой вид, будто их хватил удар от вашего танца. Они сразу все поняли.

– Аделаиде Ветмор точно не помешал бы удар, – быстро парировала Пенелопа, стараясь сдержать радостное волнение.

Мысль о том, что в общественном сознании и на страницах светской хроники они с Генри уже были провозглашены парой, наполняла ее невыразимым блаженством и трепетным восторгом. Он так долго и тщательно хранил их секрет, но все оказалось напрасно. Теперь все всё знают, и Нью-Йорк замер в нетерпеливом ожидании. Скоро даже Элизабет придется признать, что единственный совершенный мужчина Нью-Йорка принадлежит Пенелопе. Она прикусила губы, чтобы сдержать расплывающуюся улыбку.

– Все равно слишком помпезно. Кому нужна эта шумиха по поводу маленькой вечеринки? В следующий раз не стоит допускать таких разговоров.

– Согласен.

Впрочем, жаловаться Пенелопе было не на что. Разумеется, некоторые заметки являли собой библейское порицание обнаженных плеч красавицы, но большинство публикаций были длинными хвалебными статьями об изысканном вечере. И Бак был прав: нет большего удовольствия, чем вызвать зависть всего общества. Не говоря уже о содействии газет ее замыслу. Отныне все засвидетельствовано прессой и звездами: Генри будет принадлежать ей и только ей!

Снаружи раздался звон колоколов с церкви Св. Патрика. Три часа дня. Пора.

– Баки, – сказала Пенелопа, вставая. – Тебе надо сейчас уйти.

– Но Пенни, – растерянно возразил он, – мы же еще так много собирались обсудить. Например, наряды...

– Знаю, Баки, но у нас в запасе целая неделя, – уверенно ответила она, подходя к легкому креслу, на котором он сидел, и протянула руку. Бак нехотя принял ее; он выглядел жалким и расстроенным. Он раздражал Пенелопу только в одном случае – когда вел себя, как брошенный щенок.

Бернадин, старшая служанка Хейзов, стояла у входной двери со шляпой Бака в руках. Он поблагодарил ее и повернулся к Пенелопе. Девушка открыла ему дверь, и туг ее взору предстала восхитительная картина – Генри Шунмейкер стоял на ступеньках ее дома. Девушка сжала кулачки от восторга: как все удачно складывается! Он был здесь, прямо сейчас, в кои-то веки вовремя! Генри выглядел как всегда безупречно: черный пиджак подчеркивал статную фигуру, лицо было прекрасным и свежим. Но все же Пенелопа заметила в его чертах нечто необычное. Она привыкла к безмятежно веселому, уверенному и невозмутимому Генри, но сейчас он выглядел... чуть смущенным.

– Шунмейкер, – промолвил Бак, протягивая руку. – Что ты здесь делаешь?

– Привет, Бак, – Генри покорно пожал ему ладонь. Пенелопа тщетно пыталась разгадать странное выражение лица своего возлюбленного. Ею овладело смутное беспокойство, и она поняла лишь одно: он выглядел так, словно его загнали в ловушку.

– Просто нанюшу визиты там и тут, захотел заглянуть и к мисс Хейз, – неестественно скованно ответил Генри, залезая в карман и доставая запечатанную воском пачку открыток с приветствиями.

Сердце Пенелопы мгновенно сжалось, в висках застучало от гнева. Он зашел, чтобы оставить открытку? А как же их обычные воскресные встречи? Не мог же он шептать ей на ушко, как восхитительно она выглядит, в открытке. Нет-нет, в этом послании, должно быть, какое-нибудь приятное известие, пыталась она успокоить себя, но все же... Генри никогда не тратил время на написание официальных писем и был уж точно не из тех робких юношей, которые пишут на бумаге то, что не могут произнести вслух.

– Быть может, вы войдете и расскажете мне об этом? – медленно произнесла Пенелопа, принимая из рук Генри странную открытку и смотря на него в упор горящими глазами.

– Проходите, – сказал Бак, – Я, в любом случае, уйду.

Он повернулся к Пенелопе для прощальных поцелуев.

– Будь хорошей девочкой, – сказал он, целуя ее в правую щечку. – Но не слишком хорошей, – прошептал в левое ухо.

Генри прикрыл рот рукой в кожаной перчатке, кашлянул и кивнул Баку на прощание. Потом, когда закрыли дверь, последовал за Пенелопой в просторную прихожую. Она была яркой и сияющей, с зеркальными потолками и с мраморным полом, выложенным черно-белой плиткой, и гораздо просторнее, чем в старых домах. Иногда Пенелопе казалось, что она теряется среди всей этой роскоши, что эти огромные помещения давят на нее, но зеркала ее никогда не раздражали: ей нравилось повсюду видеть собственное отражение.

– Бернадин, можешь отдохнуть, – велела Пенелопа служанке.

Пожилая женщина кивнула и повернулась было к выходу, но, спохватившись, обернулась:

– Господи, я чуть не забыла. Миссис Хейз велела передать вам, что преподобный Нидлхауз решил присоединиться к семейному обеду сегодня вечером, и она велела, чтобы вы были готовы принять его в пять часов.

Как только Бернадин исчезла за дверью, замаскированной богатыми настенными украшениями, Пенелопа закатила глаза, с трудом сдерживая гнев. Ее сейчас раздражало буквально все: и Генри, который, похоже, решил, что может просто так ускользнуть. И мать, которая так бесцеремонно нарушает ее воскресные планы. И нерасторопная забывчивая служанка... Какие еще сюрпризы ждут ее сегодня? Девушка на минуту прикрыла веки, чтобы успокоиться. Затем, не поворачиваясь к Генри, произнесла:

– Мне показалось, что ты собирался оставить мне письмо и исчезнуть. В чем дело? Ты же знаешь, что воскресенье – наш день.

Немного помолчав, он спокойно ответил:

– Ты еще даже не прочитала мою открытку, а уже строишь какие-то догадки. Не хочешь сначала узнать, что в ней написано?

Пенелопа старалась не думать о том, что Генри имел в виду, говоря о письме, да еще таким невозмутимо-издевательским тоном. Вместо этого она небрежно отвернулась, зная, что он сейчас невольно залюбуется ее точеным профилем, роскошными волосами и невероятно тонкой талией. Прислушиваясь к его тихому прерывистому дыханию, она ждала. Пару минут Генри в замешательстве топтался на месте, нервно теребя в пальцах цепочку от часов.

– Так как я здесь, – вымолвил он с явным усилием, – может быть, вы предложите мне чай со льдом или скотч? Или что-нибудь другое, что у вас есть...

– У нас есть все, что пожелаете, мистер Шунмейкер. – Она все еще не смотрела на него, прекрасно понимая, что Генри думает о ее обворожительной фигуре. Ей хотелось, чтобы он терзался догадками, сердилась она или нет, – Но, видите ли, я только что отослала служанку, так что мне придется приготовить все самой.

– Ну что ж... Хорошо. Самой так самой. Надеюсь, вы не заставите меня ждать, – насмешливо ответил Генри.

– О, ну что вы! Это не займет много времени, – парировала Пенелопа, сузив глаза и зло улыбнувшись, а затем подмигнула ему.

Она прошла через мерцающую зеркалами прихожую, громко цокая каблуками по мрамору и слыша осторожные шаги за спиной.

Кухня была темной, но чистой, с потолка свисали ряды кастрюль и сковородок. Огонь в плите был разожжен, но поблизости не было ни поваров, ни слуг. Пенелопа посмотрела на открытку, потом перевела взгляд на Генри.

– И что же в ней? – спросила она, приподняв бровь.

Генри плотно сжал губы. Когда он подошел ближе, Пенелопа заметила бисеринки пота на его безупречно гладком, холеном загорелом лице и лихорадочный блеск в глубоких темных глазах.

– Я вам нравлюсь, не так ли? – спросил он, игнорируя её вопрос.

В его словах слышалась ирония, но девушке показалось, что он говорит серьезно как

никогда. Пенелопа кивнула.

– Думаю, да, – Она затаила дыхание, ожидая, что последует дальше.

– Почему? – Генри смотрел на нее пристально, не отрываясь. Не знай Пенелопа его настолько хорошо, она приняла бы это выражение за задумчивость. Интересно, сколько еще ей ждать? Скоро ли состоится их помолвка? Когда же, когда?

– Почему? – удивленно переспросила она, приподняв брови, и громко рассмеялась, – Да потому что в любви – как и во всем остальном – я выбираю для себя только самое лучшее! Я лучшая из девушек моего круга, а ты, Генри – лучший из мужчин. Самый богатый, самый красивый, – она приблизилась к нему. – Самый яркий, веселый и остроумный. Потому что я хочу, чтобы все смотрели на нас и умирали от зависти, что мы нашли друг друга и что мы идеальная пара. Вот почему.

Генри вздернул бровь и опустил взгляд на свои сияющие ботинки.

– Самый богатый, привлекательный, веселый... Звучит вроде бы верно. – Он замялся и вновь устался на свои ноги, словно не решаясь поднять глаза и подарить Пенелопе одну из своих ярких, сияющих улыбок. Впрочем, самообладание быстро вернулось к нему – В любом случае, как я уже говорил, удивительно, что в доме такого размера и статуса – лучшим, как вы утверждаете, – днем нет прислуги, – сказал он, глядя ей в глаза.

– В таком огромном доме не одна кухня, как вы понимаете. И я вовсе не нуждаюсь в прислуге с утра до вечера, – Пенелопа поднесла письмо к лицу и провела перед носом, словно запах мог дать ей ключ к разгадке содержания.

Она притворилась, что глубоко задумалась, а потом вдруг резко развернулась и бросила открытку в огонь. Несколько секунд она с довольной улыбкой смотрела, как бумажный листок превращается в пепел. Обернувшись, девушка окинула взглядом кухню, подошла к узкому дощатому столу и грациозно уселась на него. Спина упиралась в стену, ноги свисали, не доставая до пола...

– Думаю, вам придется самому рассказать мне, что было в этом письме. – Пенелопа игриво склонила голову набок. Она немного ослабила корсет, обнажив гораздо больше мест на своем теле, чем позволялось добропорядочной девушке, затем достала тонкую сигарету из складок юбки, томно взглянула на Генри и неторопливо закурила. Пенелопа прекрасно осознавала, что, будучи одной из богатейших девушек высшего сословия Нью-Йорка, она сейчас выглядела дешевой потаскушкой. Но она уже изучила характер Генри и знала, что ему нравились такие противоречия.

Генри иронично усмехнулся, и она поняла, что он у нее на крючке.

– Итак... Вы остались довольны прошлой ночью, мистер Шунмейкер? – спросила она, приподнимая юбку чуть повыше и закидывая ногу на ногу, – Насколько я помню, мы не успели закончить разговор: нас прервали на полуслове...

– Мне все очень понравилось, мисс Хейз, – обведя взглядом комнату, он расстегнул пиджак и положил его на колоду для рубки мяса. – Я и представить себе не могу более яркого и интересного бала. Вы превзошли себя.

– Мы старались сделать все возможное, чтобы угодить гостям, – ответила Пенелопа, – И прежде всего вам, мистер Шунмейкер. Но если вдруг вам что-то не понравилось, надеюсь, вы скажете мне об этом прямо сейчас.

Генри помедлил и затем, словно раздумывая о чем-то очень важном, сделал еще один шаг к Пенелопе. И она почувствовала всю значимость этого движения.

– Ну раз уж вы упомянули об этом, придется сказать. Мне кажется, на этом балу мне очень не хватало вас.

– Вам не хватало меня? – удивленно переспросила она.

– Совершенно верно, – Генри чуть приоткрыл губы, выжидающе глядя на Пенелопу, – Я слишком мало видел вас.

Пенелопа улыбнулась и еще немного стянула корсет – так, что ее грудь почти обнажилась.

– Так лучше?

– Гораздо, – Генри сделал последние несколько шагов, отделявших его от Пенелопы, и обнял ее за талию.

– Вы превосходно танцевали прошлой ночью, – продолжила девушка, в то время как он

покрывал ее шею легкими поцелуями.

– На самом деле, я думаю, что превосходно мы танцевали вместе, – Пенелопа замолчала, а Генри поцеловал впадинку между ключицами и перешел на другую сторону шеи. – И, так как вы знаете мою невероятную скромность, должна добавить, что это всего лишь личное мнение.

– А разве нет? – Генри отодвинулся от ее шеи и встретился с Пенелопой глазами. И она заметила в его взгляде неясную тревогу, смешанную с совершенно искренним изумлением.

– Нет, на самом деле я слышала от Бака, будто все на балу решили, что мы самая лучшая пара в танце, и что мы достойны аплодисментов – Пенелопа вздрогнула, почувствовав, что Генри просунул обе руки к ней под юбку и легко сжал ладонями ее колени. Было щекотно, но Пенелопа не могла позволить себе переключиться на волнующие ощущения и остановиться на полуслове: она сверкнула голубыми глазами, иронично усмехнулась и настойчиво произнесла: – Скажите мне, мистер Шунмейкер, что вы об этом думаете?

Генри считал себя истинным джентльменом и потому никогда не давал обещаний, которых не мог сдержать. Он остановил девушку долгим поцелуем, в то время как его руки скользили все выше и выше по ее бедрам.

– Генри, – прошептала она, оторвавшись от его губ и глядя через его плечо на все еще потрескивающее пламя, – Что там было? Скажи...

– В письме? – Губы его передвинулись к ее уху, – Ничего, Пенелопа. Там ничего не было.

– Скажи мне, Генри...

Он немного отстранился, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. Именно тогда Пенелопа заметила кое-что новое и глубокое в его взгляде. Нет, она не могла ошибиться... Это выглядело как настоящая страсть, как любовная одержимость. Как признание...

– Ты очень скоро все узнаешь, – сказал он наконец перед тем, как вновь поцеловать ее совершенные розовые губы.

Этот поцелуй наполнил Пенелопу уверенностью, и она отбросила прочь все сомнения. Нетерпеливым движением она притянула Генри к себе, и они предались страсти – прямо на кухонном столе, под длинными рядами кастрюль и поварешек. Пенелопа была почти уверена, что пройдет совсем немного времени, и они будут любить друг друга уже не тайком по воскресным дням, а на вполне законных основаниях. А официальное объявление, суда по некоторым совершенно явным признакам, произойдет уже довольно скоро. Сладкое удовлетворение разливалось в душе, когда она представляла себе, как это будет...

8

Одна прелестная юная леди затмевает всех своей скромностью, достоинством и очарованием. Мисс Элизабет Холланд, дочь покойного Эдварда Холланда, словно диадема среди отдельных ярких рубинов, блистала спокойствием и утонченной красотой в своем костюме пастушки, сшитом на заказ парижским портным. Мы уверены, что она окажет самое прекрасное и благотворное влияние на общество.

Из «Нью-Йоркских новостей», воскресенье, 17 сентября, 1899 год

Элизабет Холланд всегда ненавидела воскресные дни. Впрочем, как и Диана: младшая сестра первой осознала свою неприязнь к этим дням, потому что они обычно начинались с церкви и заканчивались неофициальными визитами, хотя «неофициальные» – совершенно неподходящее слово для их описания. Все было самым лучшим образом подготовлено и тщательно спланировано матерью, разведенной тетей Эдит и небольшой «армией поддержки». Радовало лишь одно: этим утром им не пришлось тащиться в церковь. Когда сестры спустились в гостиную, мать объявила, что им Нужно серьезно поговорить.

И вот они сидели в этой мрачной комнате, словно в заточении, – во всяком случае, Диана ощущала себя пленницей, когда ее заставляли проводить время в окружении родственников и гостей, поддерживать чинные благопристойные разговоры и вести себя как леди среди всей этой никому не нужной роскоши.

Пол в гостиной застелен персидскими коврами, а стены украшали картины в массивных

золоченых рамах, изображавшие, помимо всего прочего, суровые лица предков. Поверх деревянной обшивки стены покрыты тисненой кожей оливкового цвета. Потолок отделан красным деревом, а лепнина украшена филигранным золотом. Мраморный камин был таким огромным, что в нем можно легко спрятаться. Что, впрочем, Диана и Элизабет часто проделывали, будучи детьми. И младшая мисс Холланд до сих пор время от времени мечтала о том, чтобы забраться в камин и укрыться в нем от посторонних глаз, особенно в скучные часы воскресных визитов.

В комнате было расставлено множество диванов и кресел с подушками самых разных стилей и расцветок, чтобы гостям было где присесть. Впрочем, уютной эта комната не казалась. С тех пор как умер отец, гостиная утратила свое очарование. Мистер Холланд обладал прекрасным чувством юмора и, бывало, втихомолку подшучивал над официальным приветственным стилем миссис Холланд. После возвращения из Европы Элизабет стала намного серьезнее относиться к своей роли и к домашним обязанностям, а вот Диана, вернувшись домой, начала бунтовать еще больше. У нее появилась привычка во время официальных визитов демонстративно уходить в дальний угол гостиной, в турецкий уголок, где прямо на полу лежали дюжины полосатых подушек с кисточками. Она и теперь сидела там в окружении трех огромных ленивых персидских кошек Лили, Лангтри и Дездемоны. Младшая мисс Холланд всегда знала, что унаследовала характер отца. Оба они были романтиками, в то время как ее мать и Элизабет – холодными реалистами.

– В чем дело, мама? – спросила Элизабет, устраиваясь на своем привычном диване под большим портретом отца. На этой картине он был изображен облаченным в цилиндр и элегантный черный фрак, с кустистыми бровями и надменно-печальным выражением лица. Диане вдруг нестерпимо захотелось, чтобы отец сейчас был с ними, сидел рядом и разговаривал. Посмотрел бы на Элизабет своим насмешливым ироничным взглядом, и та почувствовала бы себя глупо из-за своей чопорности и высокомерия, из-за всех этих утомительных и никому не нужных лицемерных визитов.

– О чем ты хотела с нами поговорить, мама? – продолжила Элизабет, грациозно сложив руки на коленях.

Диане вдруг почудилось, будто лицо Элизабет на какое-то мгновение исказилось гримасой боли и страха. Нет, показалось... Когда она взглянула на сестру, ее лицо вновь было спокойным и невозмутимым. Мать молча встала и подошла к камину. В своем плотном, черном, застегнутом наглухо платье она выглядела особенно мрачной и суровой. Волосы ее были собраны в тугий узел и прикрыты вдовьим чепцом. Она задумчиво смотрела в камин, в котором потрескивали только что брошенные поленья. Миссис Холланд хранила напряженное молчание. Было заметно, что ее что-то останавливает. Тетя Эдит жестом велела Клэр, накрывавшей чайный столик, выйти из комнаты. Через несколько секунд миссис Холланд повернулась к дочерям:

– Во-первых, я хотела сказать, что была очень рада увидеть о вас столь приятные отзывы в прессе. Все они в один голос твердят о твоей красоте, Элизабет, и это очень... – миссис Холланд помолчала, дождавшись, пока Клэр исчезнет за дверью, – очень поможет нам в трудные времена.

– Что ты хочешь сказать, мама? – Улыбка Элизабет заметно поблекла.

Миссис Холланд повернулась, чтобы посмотреть на них, и от ее пронзительного ледяного взгляда у девушек по спинам пробежали мурашки.

– Очень важно, чтобы сказанное мной осталось в тайне.

– О, когда-нибудь все обо всем узнают! – дальновидно заметила Диана. Все эти ужимки, недомолвки и театральные намеки казались ей странными, хоть и разжигали любопытство. Интересно, что она должна была хранить в столь жутком секрете?

– Но тайны таких семей, как наша, – особенный случай, – вставила тетя Эдит, взмахнув рукой.

Она сидела в углу, облокотившись на маленький игральный столик из малахита. Диана провела с ней все лето в Саратогге, и за это время тетя часто говорила, как они похожи и внешне, и в желаниях. Замужество тети Эдит было недолгим и мучительным, и издевательства герцога Гильермо де Ганзы, похоже, до сих пор висели над ней мрачной тенью.

Но Диане казалось, что тетя заслужила свою сегодняшнюю свободу, прожив в скуке и унижениях добрый десяток лет.

– Мама, так в чем дело? – нетерпеливо спросила Элизабет, не обращая внимания на сестру, – Что ты имеешь в виду? Когда папа умер, вот тогда было трудное время. А сейчас...

Диана отвела взгляд от сестры, чей мягкий голос был напоен печалью, и вздохнула. Она тосковала по отцу каждый день, каждую минуту, но он наверняка хотел бы, чтобы они перестали оплакивать его и жили дальше, счастливо и беззаботно.

– Сейчас мы с Дианой вернулись домой, – продолжила Элизабет своим обычным, более звонким и выразительным голосом, – и хотели бы жить так, как раньше. Радоваться очередному сезону...

– Именно, – миссис Холланд медленно подошла к креслу со спинкой, похожей на веер, стоявшему возле Элизабет, и положила на него руку. – Смерть вашего отца ударила по семье сильнее, чем мы думали. Но узнали об этом не сразу. С завещанием все оказалось куда сложнее, чем вы полагаете. Мы вынуждены держать минимум прислуги, и, я боюсь, придется отказаться от преподавателя. Элизабет, ты будешь руководить занятиями сестры. Видите ли, девочки... – Она замолчала, вздохнула и коснулась ладонью лба. Диана чуть подалась вперед, глядя на мать расширенными от любопытства и ужаса глазами. Она чувствовала, что сейчас услышит нечто чудовищное, и привстала с подушек, чтобы не упустить ни слова. Сестра держала руки в том же положении и низко склонила голову, так что никто не мог разглядеть ее лица.

– Я сама почти ничего не понимаю, – продолжила их мать громким монотонным голосом, чеканя каждое слово, – хотя Бреннан объяснял мне столько раз! В голове не укладывается. Ваш отец перед смертью оставил немало долгов и очень мало... денег. Конечно, мы все равно Холланды, из рода Холландов – уже одно это что-то да значит!

Она подняла глаза к потолку и издала звук, похожий на сдавленные рыдания.

– Но мы не богаты, – добавила она, наконец, – Нас уже нельзя назвать богатыми людьми...

Элизабет прикрыла рот ладонью. Диана же лишь насмешливо хмыкнула. Она видела, в каком состоянии пребывала мать, и какую реакцию вызвала эта новость у старшей сестры, но все равно не смогла сдержаться и громко хлопнула в ладоши.

– Какая прелесть! Мы бедны, – преувеличенно громко вздохнула она, и три пары встревоженных округлившись глаз разом уставились на нее.

– Диана, умоляю, – прошипела мать. Она повернулась к младшей дочери с застывшим ужасом на лице.

– Да, да, я знаю, – с готовностью отозвалась девушка. Она все еще не могла поверить, что с ней случилась такая романтическая вещь. Она чувствовала, будто стоит на самом краю громадного обрыва, и, что бы она ни сделала в следующую минуту, ее жизнь будет похожа на полет, на свободное парение. Да. Она чувствовала себя свободной. Больше никаких драгоценностей, никаких доставок от парижской модистки... – Но я собираюсь нести бремя с достоинством. Это будет так весело. Мы похожи на героинь Бальзака, на...

– Диана! – строго перебила миссис Холланд.

– Но теперь мы и вправду можем быть кем угодно! Бродягами или грабителями поездов, уличными торговцами или музыкантами. Можем поехать в Кубу или во Францию, или... – Диана запнулась на полуслове, заметив, что ее сестра что-то беззвучно говорила.

Миссис Холланд одарила Диану мрачным тяжелым взглядом и повернулась к старшей дочери.

– Теперь, Элизабет, ты видишь, почему всё, абсолютно всё теперь зависит от тебя. От тебя и от того, что ты успеешь сделать до конца сезона. Я надеялась... – Миссис Холланд замолчала, потому что в комнату проскользнула Клэр.

– Простите меня, миссис Холланд, – растерянно произнесла она, уставившись в пол, – К вам посетитель. Мистер Тедди Каттинг оставил свою визитку в фойе и желает узнать, дома ли вы.

Миссис Холланд глубоко вздохнула, выдавила почти устрашающую улыбку и велела пригласить гостя. Женщины Холланд облегченно вздохнули и заметно оживились: тягостный разговор был прерван, и сейчас им предстояло совершить обычный воскресный ритуал, такой

привычный и такой необременительный. И своего первого воскресного гостя они встретили столь радостными улыбками и громкими приветствиями, что тот даже растерялся.

Диана практически никогда не использовала пудру и румяна. Ей нравилось, когда чувства играли, расцветившая кожу естественным румянцем. Сидя в своем уголке на шелковой подушке, она чувствовала, как горят ее щеки, и не могла скрыть радостного волнения. Всю эту ситуацию она считала весьма занятой. Ей до смерти хотелось, чтобы произошло что-нибудь очень важное, чтобы что-то перевернуло ее жизнь. И теперь, когда перед ее семьей замаячила перспектива бедности, может быть, она, Диана, сумеет наконец-то обрести что-то особенное. Начать жить настоящей жизнью. Мысли девушки лихорадочно скакали, она уже рисовала в своем воображении яркие безумные картины гордого и романтического нищенского существования. Она не понимала, как остальные члены семьи Холланд могут вести себя так глупо, делая вид, что ничего не произошло. И притворяясь, что они по-прежнему так же богаты, как их воскресные гости. Сердце ее бешено колотилось, и ей ужасно хотелось прямо сейчас совершить какой-нибудь безумный, из ряда вон выходящий поступок.

– Мисс Холланд, я спешу выразить вам свою радость от того, что вы наконец-то вернулись! Никогда не видел ничего более прелестного, чем вы в костюме пастушки на балу в Ричмонд Хейз, – рассыпался в комплиментах Тедди Каттинг, расположившись на диванчике расцветки павлиньих перьев, что стоял рядом с Элизабет.

Элизабет застенчиво улыбнулась и легко подняла руку, словно отмахиваясь от комплимента, а потом вновь аккуратно вернула ее на место.

– Цвет слоновой кости вам невероятно идет, как, впрочем, и небесно-голубой.

В тот момент на Элизабет было бело-голубое льняное платье с высоким воротом. Впрочем, неискушенному мужскому взгляду оно, возможно, казалось именно небесно-голубым. Диана сидела и думала, что ее сестра похожа на бездушную фарфоровую куклу.

– Тедди, скажите, на этой неделе вы собираетесь кататься на яхте? – спросила Элизабет. Это был искусный ход, призванный вернуть разговор к гостю, увлечь его. Она отлично справлялась со своей ролью: утренний разговор, видимо, не прошел даром... Диану в очередной раз передернуло от явной абсурдности подобного поведения.

– О, Тедди, – спародировала девушка, взмахивая руками в фальшивом экстазе, – вы должны рассказать мне, собираетесь ли вы кататься на этой неделе на яхте!

Она театрально закатила глаза, покачала головой и добавила громкое «ха!», чтобы усилить эффект. Эти никчемные трусы могут притворяться кем угодно, думала она. Правила этикета, по которым жили и умирали богатые, больше не имели к ней никакого отношения. Конечно, она еще не полностью осознала сделанное матерью заявление, но не могла побороть в себе чувство, что ее жизнь – ее настоящая жизнь – начнется с минуты на минуту, Тедди и Лиз повернулись к Диане, словно только что вспомнили о ее существовании.

– Мама? – многозначительно произнесла Элизабет.

– Разве Диане не нужно быть сейчас в другом месте? – Миссис Холланд хлопнула узловатой ладонью с длинными пальцами по маленькому карточному столику, за которым они играли с тетей Эдит, Зловеще помолчав, она добавила: – Диана, ты все утро ведешь себя странно. Может быть, тебе нездоровится? И вообще, ступай в свою комнату.

– Я никогда не болею, и вы все об этом знаете. – Диана с шумным шелестом перевернула страницу книги. – Разговор о поездке на яхте и в самом деле был слишком скучным. Разве есть смысл его продолжать?

Повисло неловкое тягостное молчание, и Диане показалось, что Тедди начал нервно ерзать. Элизабет растерянно опустила голову, а рот миссис Холланд искривился от ярости.

– Диана, – изрекла она металлическим голосом. – Ты не должна так говорить. Наш гость может тебя неправильно понять.

Луиза повернулась к Тедди.

– Конечно же, она хотела сказать, что разговоры о яхте не могут не волновать всех нас. Ведь мистер Холланд так любил кататься на них!

Диана закатила глаза, услышав эту свежую ложь. Все прекрасно знали, что отец никогда не интересовался никакими судами вообще. Она вновь безмятежно растянулась на подушках, в то

время как мать, сестра и тетя сидели с перекошенными напряженными лицами.

– Да, конечно... Я и в самом деле собираюсь покататься на яхте, – кашлянув, произнес Тедди, деликатно обходя неловкий момент, – Мы отправимся, как только сможем, мы с Генри...

– Кстати, как поживает Генри? – перебила его миссис Холланд.

– О, как обычно, лучше всех! Но никогда не знаешь, чего от него ждать. Вот почему все вечно хотят поговорить с ним, но никому это не удается, – рассмеялся Тедди, закрыв этим тему.

Он посидел еще пятнадцать минут – чтобы время его визита составляло точно предписанные обществом полчаса – и затем, отпустив миссис Холланд положенные комплименты, похвалив ее прелестных дочерей и поблагодарив за столь освежающий чай со льдом, отправился дальше с визитами.

Диана без тени сожаления смотрела, как он уходил. Поскольку Тедди Каттинг был безупречно вежливым, он всегда казался Диане скучным и однообразным. Да, он довольно мил, – думала она – но не более того... Юную мисс Холланд коробил и еще один нюанс всех этих визитов – по правилам приличия, джентльмены навещали дам, в то время как дамам предписано было лишь сидеть и с приклеенной улыбкой выслушивать комплименты. Это значило, что дама, или леди, или как там еще следовало называть себя Диане, никак не могла выбирать тех, кто бы к ней приходил. И сама проявить инициативу тоже не имела права.

– Диана! Как ты могла? – Диана очнулась от задумчивости и подняла глаза на мать. Та стояла со сжатыми кулаками; ее лицо было покрыто красными пятнами и искажено гневом, – Как ты можешь так позорить семью? – завывала она, – Ты понимаешь, что могло произойти? Понимаешь?

– А что случилось-то? – недоумевающе воскликнула Диана, – Все равно довольно скоро все об этом узнают! Как только ты перестанешь платить портнихе и торговцу цветами, и начнут копиться счета...

– Замолчи! – завопила мать. Диана посмотрела вокруг, но не встретила ни одного сочувствующего взгляда. Тетя сидела, в ужасе закрыв рот рукой. Элизабет сидела с каменным непроницаемым лицом. Клэр, стоявшая у двери, старалась не встретиться с Дианой глазами, – Ты непослушная, дрянная девчонка, Диана, и ты немедленно пойдешь в свою комнату! Будешь читать Библию и вспоминать, что обязана повиноваться родителям!

Она резко замолчала, опустив глаза, и Диане показалось, что она увидела блеснувшую слезу.

Девушка почувствовала холод в животе и дрожь во всем теле. Она не могла поверить, что с ней собираются обойтись так жестоко.

– Я хочу сказать, что если ты собираешься наказать меня за то, что я говорю правду о нашем положении...

На этот раз миссис Холланд прервала дочь взглядом, еще более суровым и колючим, нежели ее слова.

Клэр отделилась от стены, чтобы препроводить Диану в комнату. Она посмотрела на юную госпожу умоляющим взглядом и выразительно приподняла свои золотистые брови. Диана громко вздохнула, с силой швырнула книгу на пол красного дерева и выбежала из гостиной. За ней быстрым шагом последовала Клэр.

– Элизабет, слава Богу, я хоть на тебя могу положиться, – взволнованно произнесла за ее спиной миссис Холланд. – Спасение этой семьи в твоих, и только в твоих руках.

Диана услышала слова матери, будучи уже в дверях, и поняла, что мать впервые разговаривала с Элизабет о замужестве в таком ключе. «Выходи замуж не ради денег, – говорила миссис Холланд в лучшие времена, – просто они должны там быть». Она довольно часто повторяла это раньше, но было понятно, что теперь намерения матери изменились. Сейчас деньги решали все.

Она не смогла удержаться и, остановившись в дверях, обернулась через плечо. Девушка увидела, как сестра сидит в молчаливом оцепенении, бледная и неподвижная, словно изваяние. Диана разозлилась на нее. И это ее родная сестра, Элизабет, тихо сидит и покорно, как бессловесная кукла, внимает матери. Диана попыталась представить себя на месте сестры, но не смогла. Она бы уж наверняка вела себя по-другому!

9

*Для моей Лиззи, всегда такой хорошей девочки, в день её дебюта.
Э.Х., 1897 год*

Элизабет нервно крутила в пальцах украшенный гравировкой браслет из белого золота, подаренный отцом в день ее первого выхода в свет. Она вдруг поймала себя на мысли, что хотела бы избавиться от этого браслета и начать вести себя... как подобает настоящей Элизабет. Она была взволнована и рассеяна, в голове крутились мысли об отце с матерью, о Вилле, о сестре... В эти минуты все казалось ей нереальным. И особенно нереальным был Генри Шунмейкер, собиравшийся войти в гостиную Холландов, которого она увидела как в тумане, подняв взгляд на открытую дверь.

– Миссис Холланд, мисс Холланд, – он приветственно кивнул в сторону карточного столика.

– Мистер Шунмейкер, – любезно отозвались они. Миссис Холланд лучезарно улыбнулась.

Глядя сейчас на Генри, Элизабет вдруг осознала, что никогда не думала о нем как о реальном, живом человеке. Для нее он оставался чем-то абстрактным, невзирая на то, что она часто слышала о нем, их семьи были связаны принадлежностью к одному обществу, они встречались на балах и приемах. Генри был бы лакомой добычей для любой из девушек ее общества, но у Элизабет он не вызывал ни малейших эмоций. И когда молодой человек показался в дверях ее дома, она посмотрела на него с нескрываемым изумлением, словно увидела призрак.

– Мисс Элизабет, – вкрадчиво произнес он.

Она заставила себя встать и улыбнуться матери, затем Генри Шунмейкеру, элегантно державшему свой котелок. Она бы и не подумала, что такой человек, как он, может столь изящно держать шляпу. Элизабет в легком оцепенении уставилась на его руки. Впрочем, через несколько секунд она заметила, что Генри начал нервно вертеть шляпу пальцами, и увидела, насколько он взволнован. Она только сейчас поняла, что Генри относится к тем избранным, чьи инициалы вышиваются золотом на бледно-голубой ленте, обхватывавшей изнутри поля шляпы. Наконец Клэр взяла котелок из его рук и объявила, что оставит головной убор в гардеробной.

Генри бегло оглядел комнату, а затем устремил пристальный взгляд на Элизабет. Она смутилась, и в какой-то момент ей даже показалось, что знаменитый Генри Шунмейкер, которого вождедела Агнесс, с которым танцевала Пенелопа и чей отец владел немалой частью Манхэттена, знает ее секрет. Точнее, секреты: что ее семья разорена, что сама она влюблена в слугу, и что она фальшивая лицемерная девчонка, которая, похоже, доведет свою семью до полного краха.

– Какое прелестное платье, – произнес тем временем Генри, скользя взглядом по Элизабет.

– Благодарю вас, мистер Шунмейкер, – ответила она, встречаясь с ним глазами и быстро отводя взгляд.

Перед ней стоял мужчина – мечта всех девушек Нью-Йорка, и ей, наверное, полагалось прийти в неопишуемый восторг от того, что он почтил ее своим визитом. Он и в самом деле был красив и роскошно одет, и это главное, что, по нормам общества, должно было ее заинтересовать. Но она далее удивилась, насколько мало ее это сейчас волновало. Все, о чем она могла думать, – что если она вместе с семьей угодит в тюрьму за долги, он, скорее всего, будет смеяться – он казался человеком, которого чужие несчастья развлекали.

– Вы разве не присядете, мистер Шунмейкер? – промолвила Эдит, не в силах скрыть восторженное изумление.

Генри присел на край того самого кресла, где совсем недавно сидел его друг Тедди. Сквозь высокие окна просторную роскошную гостиную наполнял яркий солнечный свет, и Элизабет вдруг с удивлением поняла, что гордится этой комнатой. Гостиная словно олицетворяла всю ее семью: все эти изящные предметы, расставленные с безупречным вкусом.

Тисненные кожаные чехлы поверх покрытия из красного дерева, которые отец сам выбрал, когда унаследовал дом от родителей. Роскошные изгибы старомодных газовых люстр. Картины на стенах. Вся эта старина и роскошь. Все такое знакомое, такое теплое, родное... Девушка взглянула на карточный столик и заметила, что тетя Эдит кивает матери.

– Что за грустная парочка, – едва слышно прошептала тетя. Элизабет внезапно поняла, что та имела в виду, и эти слова неприятно резанули девушку, тем более что, несмотря на шепот, они были слышны во всех уголках комнаты.

Элизабет в замешательстве повернулась к Генри, но он, похоже, ничего не услышал, так как был погружен в изучение запонок, золотых и тоже с инициалами. В другое время она, возможно, подумала бы о том, что он чрезмерно самолюбив и заносчив, но сейчас ее волновали совсем другие вещи. Девушка повернулась к тете Эдит и пыталась угадать, собиралась ли та и дальше произносить свои обидные и горькие слова. Элизабет решила, что больше не предоставит ей такой возможности, и резко поднялась с кресла.

– Мистер Шунмейкер, похоже, сегодня прекрасная погода! Признаюсь, я еще не была сегодня на улице. Давайте прогуляемся по парку.

Элизабет заметила изумление в глазах Клэр и поняла, что должна была дожидаться предложения. Но мысли ее были сейчас настолько спутаны, что манеры стали ее подводить. Впрочем, это была не та вещь, которую она могла бы объяснить Генри.

– Я хотела сказать, если вы...

Но Генри поднялся и предложил ей руку.

– Что ж, пойдёмте.

Снаружи было солнечно, однако прохладнее, чем она думала. Порывистый ветер гулял по Ист-Ривер, в воздухе пахло свежестью уходящего лета. Элизабет почувствовала, как прояснилась ее голова и расслабились плечи, когда она окунулась в аромат листвы и яркую синеву неба. Грамерси был великолепным тихим уголком в стороне от шумного, грязного Бродвея, бережно охраняемый поколениями как настоящее сокровище. Элизабет старалась уверить себя, что это время не прошло, не сменилось еще эрой чванливой безвкусицы, в которой она ощущала себя чужой. За большими чугунными воротами парка гувернантки гуляли с детьми, обутыми в качественную кожаную обувь. Вдоль ограды парка громко цокали копытами лошади. Ее предки в свое время приобрели немало земли вокруг парка, когда на севере Манхэттена еще ничего не было построено. Это был маленький мир знатного рода Холландов; и для нее невыносима была даже мысль, что все может измениться.

Впрочем, все это лишь проявления эгоизма, напомнила себе Элизабет, но легче ей от этого не стало. Она смотрела на элегантную ковку ворот, величавые кирпичные дома, выходявшие окнами в парк, на целительную тень деревьев, и сердце щемило при мысли, что ее несчастная мать еще больше разорится. В голове со всей ясностью предстало будущее: грязные комнаты, работа с утра до вечера, обезьяний смех бывших соседей и знакомых за спиной... Наследие семьи будет уничтожено. И она была бессильна что-то изменить. Единственное, что она могла сейчас, – это высоко держать голову, делать вид, что все хорошо, и обмениваться банальностями с юношей, который, без сомнений, предпочел бы сейчас оказаться в другом месте.

И она продолжала чинно вышагивать рядом с Генри, произнеся лишь пару дежурных фраз о том, как чист воздух и как особенно ярко светит сегодня солнце. Потом, правда, ей пришлось повторить свой рассказ о долгом путешествии через Атлантику, который, похоже, его совсем не интересовал. Они неторопливо шли по парку, глядя в разные стороны и демонстрируя полное безразличие друг к другу. Прошли по западной части, мимо дома номер четыре – особняка, построенного Джеймсом Харпером, известным издателем. У ворот были установлены две железные лампы мэра, появившиеся здесь, когда он занял пост. И когда они дошли до северной части парка, Генри вдруг остановился и повернулся к ней.

– Мой отец организует званый обед.

– Да? Как мило, – рассеяно отозвалась Элизабет.

Генри двинулся дальше, все так же поддерживая Элизабет под руку. Она вдруг поняла, что их локти практически соприкасаются.

– Да, миссис Шунмейкер приложит все силы, чтобы все прошло на высшем уровне.

– Я слышала, что миссис Шунмейкер всегда устраивает прелестные званые обеды, – сказала Элизабет, хотя миссис Шунмейкер была ненамного старше ее самой и большими талантами в ведении домашнего хозяйства не отличалась, – Они всегда столь желанны в обществе! Хотела бы и я туда попасть, но, уверена, все приглашенные уже оговорены.

Генри безрадостно усмехнулся и постучал кулаком по чугунной ограде, вдоль которой они шли. Элизабет ждала объяснений. Но Генри молчал, и она почувствовала, что начинает злиться. Если он пришел ее навестить, то почему так жестоко молчит? Конечно, он никак не мог знать о кризисе ее семьи, но этот кризис был. И, в самом деле, неужели ему не приходила в голову мысль, что у нее есть дела поважнее, чем бродить по парку с юношей, которого эта прогулка явно тяготила? Она вдруг вспомнила, как еще подростком впервые увидела юного Шунмейкера, двумя годами старше ее. Тогда ей ужасно не понравились его самодовольная ухмылочка и чересчур самоуверенный вид.

– Думаю, вы знаете, зачем этот обед, – отчеканил Генри, холодно взглянув на Элизабет.

Она недоуменно покачала головой и почувствовала нарастающее раздражение. Ей даже показалось, что, возможно, Генри пьян. Она беспомощно посмотрела по сторонам, словно ища защиты. Ей сейчас нужен был хоть кто-то, кто согласился бы, что все происходящее очень странно и более чем грубо. Но рядом никого не было, кроме детей и кудахтающих над ним нянюшек. Все, кого она знала, прятались за закрытыми дверьми, и, что бы с ней ни случилось, ей придется разбираться с этим самой.

– Нет, я не знаю, по какому случаю устраивается этот обед.

– Званный обед, – сказал он, насмешливо выговаривая каждое слово и закатывая темные глаза к небу, – организуется в честь нашей помолвки.

– Вы хотите сказать, помолвка ваша... со мной?

– Да, – с сарказмом ответил Генри. – Знаменательный союз мисс Элизабет Холланд и мистера Генри Шунмейкера.

Девушке показалась, что земля убегает из-под ног, она почувствовала тошноту, а голову словно сжало чугунными тисками. Едва в сознании, она пыталась отогнать от себя внезапно вспыхнувшее воспоминание: Вилл, на коленях, светящийся любовью и надеждой, озаренный лучами утреннего солнца. Какой контраст с холодным, саркастичным Генри, чье холеное красивое лицо было обращено сейчас к ней.

– О-о-о! – медленно произнесла Элизабет. Медленно и, как ей показалось, глупо. – Я... представить не могла, для чего этот обед.

– Да, именно для этого. И я полагаю, что должен сказать нам... Вы окажете мне большую честь, если согласитесь стать моей женой, – Генри с таким трудом выговорил слово «жена», словно его губы не могли справиться с произношением.

– О, – повторила Элизабет.

Она пыталась восстановить дыхание – интересно, сможет ли она когда-нибудь снова говорить. Она уже видела перед собой другую жизнь, совершенно чужую, совершенно ненужную... Будет свадебная церемония. Ей придется поклясться перед лицом божьим. Придется спать в одной постели с Генри Шунмейкером и просыпаться рядом с ним. И когда-нибудь, подумала она, хотя и не смогла представить, у них появятся дети, наполовину ее, наполовину Шунмейкера.

Еще утром Элизабет мечтала, как выйдет замуж за Вилла. За человека, которого она знала и любила. Она пыталась представить, каким ударом ее известие окажется для Вилла, но и не могла представить выражение лица матери, когда она расскажет о том, что не может выйти замуж за богатейшего из женихов Манхэттена, потому что влюблена в конюха.

Элизабет на мгновение закрыла глаза, представляя, как принимает предложение Генри – если это вообще можно назвать предложением, а не сговором. Она была в ужасе от того, что увидела: ее жизнь с Шунмейкерами выглядела такой... значительной. Она представила себе, как лицо матери, в последние дни искаженное тревогой и серое от бессонницы, разглаживается и освещается гордостью. Диана наверняка будет танцевать от счастья. Она прекрасно понимала, как это привычно и естественно для нее – модно и со вкусом одеваться, всегда превосходно выглядеть. И в этом, и в следующем сезоне ее семья будет носить платья, над которыми никто не станет смеяться! И Элизабет вдруг почувствовала странное облегчение. Оно не было связано

ни с радостью, ни с любовью – скорее, с уверенностью в завтрашнем дне, с чувством долга, с ощущением того, что она поступает правильно...

– Это... – Элизабет запнулась, не зная, какую форму примут слова, когда сорвутся с ее губ. – Это очень... очень мило с вашей стороны, мистер Шунмейкер.

Она заставила себя выдавить некое подобие улыбки. Через несколько секунд это оказалось уже не так сложно, потому что из всех волнений выросло чувство благодарности.

– Благодарю вас.

Генри, истолковав ее слова как согласие, чем они, собственно, и являлись, взял Элизабет за руку и повел обратно к дому. На мгновение девушке показалось, что она увидела Вилла перед домом, и почти запаниковала. Она помнила, как беспечно обозвала Генри Шунмейкера нелестными словами прошлой ночью, и чувствовала себя сейчас почти опозоренной. Ведь их руки были соединены, и, кроме того, они уже были помолвлены. Господи, какая нелепость! Затем она поняла, что человек у дома – один из конюхов Паркера Фиша, и обрадовалась, что это оказался не Вилл. Конечно, ей придется сказать ему, но не сейчас. Не сейчас.

– Мистер Шунмейкер, – произнесла она дрогнувшим голосом, пока они переходили Двенадцатую улицу. – Как вы считаете, могли бы мы держать это в тайне... я имею в виду, до званого обеда? Просто все произошло так внезапно...

Он энергично закивал головой в знак согласия, словно думал о том же самом, и затем они поднялись по ступеням. Элизабет всеми силами старалась не коснуться его и обещала себе, что скоро расскажет обо всем Виллу. Завтра.

– И, кстати... Теперь вы можете звать меня Генри, – равнодушно произнес он, остановившись у железных ворот. – Ведь мы помолвлены.

Но Элизабет не могла даже заставить себя улыбнуться ему. Она была слишком погружена в свои мысли, гадая, будет ли Вилл по-прежнему любить ее, если она станет миссис Шунмейкер...

10

Хорошо известно, что мужчина, прежде чем свататься к леди, должен сначала завоевать симпатию тех женщин, которым она более всего доверяет, – в первую очередь ее подруг и сестры, если таковая имеется.

Мав де Жен. Любовь и иные прихоти почтенных семей старого Нью-Йорка

Дом погрузился в тишину. Даже из кухни, где сейчас должны были готовить обед, не доносилось ни звука. Диана крадучись шла по коридору, беззвучным шепотом напевая регтайм и прислушиваясь к малейшим шорохам. Ей подумалось, что, возможно, миссис Фабер, пронюхав об их плачевной финансовой ситуации, собрала вещи и сбежала, чтобы присоединиться к бродячему цирку, например, или открыть бордель в Сан-Франциско – да мало ли чем ей теперь захочется заняться. Казалось невообразимым, что, внезапно обретя свободу домоправительница предпочла бы и дальше оставаться со старым скучным мистером Фабером. Диана прокралась через коридор прислуги, не встретив ни души, и попала в гардеробную, располагавшуюся в конце длинного фойе. У девушки было такое чувство, словно она видела все это впервые. Что ж... Теперь она была бедной, у нее ничего не было, и она с восторгом осознала, что ей нечего терять.

Диана посмотрела на меховые пальто и бархатные накидки, свисавшие со стен, и поняла, что должна будет с ними расстаться. Она оглянулась на дверь, ища свой китель лейтенанта – вот его она обязана найти способ спасти – но вместо этого увидела чужую шляпу. Девушка сняла ее со стены и надела на голову. Шляпа была бы слишком велика, но пышная грива непослушных волос на голове Дианы спасла положение. На ее кудрях шляпа смотрелась великолепно. Девушка повернулась к зеркалу и решила, что при соответствующих аксессуарах вид получится очень даже богемный. Затем она выскользнула из двери гардеробной и, пройдя несколько метров по длинному коридору, вдруг увидела мужчину в черном пальто. Он стоял к

ней спиной.

Диана молча приблизилась к нему, и он резко обернулся. Лицо его казалось злым и раздраженным. Диана замерла. Ей понадобилось всего мгновение, чтобы соединить в своем восприятии имя мужчины и его лицо, хотя ей было хорошо знакомо и то и другое. Аристократическая внешность и такое же имя, длинное и звучное. Тонкие красивые губы, блуждающий взгляд темных глаз...

– О... я знаю вас, – выпалила она и улыбнулась, подумав, что он и впрямь превосходно выглядит. – Вы Генри Шунмейкер!

– Да, – согласился он, удивленно переводя взгляд на ее голову.

– Вам нравится моя шляпа? – игриво спросила она, касаясь поля и не отрывая от него глаз.

Она была наслышана о своенравном молодом Шунмейкере, пока гостила в Саратогге. Даже тетя Эдит сплетничала о нем. Ходили слухи, что он сам управлял четверкой лошадей, что было безумно опасно, лихо ездил на автомобиле, бродил по запретным местам города и волочился за всеми девушками, что встречались на его пути. Диане казалось, он живет какой-то очень далекой, призрачной жизнью, от которой и она бы не отказалась, если бы мир ей позволил.

– Мне нравится эта шляпа, хоть и забавно, что вы назвали ее «вашей», – резко ответил Генри, после чего загадочно подмигнул, заставив сердце Дианы биться еще сильнее.

– Что вы намерены предпринять? – спросила она, снимая шляпу и гордо встряхивая копной вьющихся волос. – Вызовете полицию, потому что я примерила ваш головной убор?

Генри открыл рот, намереваясь возразить, но тут раздался звук шагов в гостиной. Это вернуло Диану к реальности и напомнило, что, несмотря на обманчивую тишину, в доме нее еще были люди, которые слушали, дышали и думали по правилам. И, согласно правилам, она была совсем не там, где ей следовало быть.

Она как раз собиралась улизнуть, но посмотрела на Генри и решила, что просто так его не отпустит. Девушка схватила его за руку и потащила в восточную часть дома в маленькую гостиную, как называла ее мать, потому что там хранились предметы искусства меньшего размера. Когда-то это была бальная зала, но прошлой весной ее переделали. Все красивые вещи были перенесены в большую гостиную, где теперь встречали гостей, а эта зала опустела и поблекла. Диана мысленно отметила потускневшую обивку, чтобы потом, ночью, записать в свой дневник элементы обстановки. Когда они оказались по ту сторону дубовой двери, Диана с неохотой отпустила его руку и бросила взгляд на висевшие на стене картины. Они, казалось, выражали все чувства, обуревавшие девушку в тот момент. Перед тем как притворить за собой тяжелую дверь, она услышала, как сестра в коридоре твердым, властным голосом спрашивала Клэр, не переложила ли та по ошибке шляпу мистера Шунмейкера в какое-нибудь другое место.

– Весьма любопытно узнать, что вы делаете в моем доме, Генри Шунмейкер? – прошептала Диана.

– Я не совсем уверен, что вас это касается, – иронично ответил он.

Девушка нахмурилась. Догадки одна за другой закрутились в ее голове. Возможно, хоть и маловероятно, что он пришел, чтобы увидеть Элизабет, прочитав статьи в газетах, восхвалявшие ее красоту. А может быть, этим летом он заметил ее, младшую из сестер Холланд, и с тех пор его снедало любопытство. Вот это было бы интересно! А затем ей пришло в голову, что Генри оказался здесь не по своей воле, а потому что так предписывали правила приличия, этикет высшего общества. Обычный визит вежливости... Тоскливо, но, увы, наиболее правдоподобно. Вновь поглядев на обветшавшие подушки, Диана осознала, что теперь была в более уязвимом положении, стоя лицом к лицу со столь богатым человеком, как Шунмейкер. А потом заметила еще кое-что: он откровенно ею любовался.

– Знаменитый Генри Шунмейкер, – сказала она, стойчески выдерживая его взгляд – Тот, кто не может жить спокойно и разбивает сердца, где бы ни появился. Ведь именно так говорят, не правда ли?

– Почему вы, девушки, так любите сплетничать? – Он нахмурил брови. Она была так близко, что могла почувствовать его запах: аромат лака для волос, сигаретный дым и, кажется, нотка женских духов... Она посмотрела в его восхищенные глаза, и Генри прошептал: – Вы

думаете, все эти истории обо мне правдивы?

– Если они правдивы, то вы очень интересный человек, – улыбнулась она, прикусывая нижнюю губку.

– Ну, тогда я полностью все отрицаю, – он пожал плечами и продолжил: – Кроме, пожалуй, того, что мне нравятся хорошенькие девушки, это правда. Но сколько вам лет, кстати? Вы же совсем недавно стали выходить в общество. Посмотрите на себя, возможно, вас даже еще никто не целовал, и вы...

– Меня целовали! – перебила она в чисто детской манере и почувствовала, как вспыхнули щеки.

– Могу поспорить, что не лучшим образом, – возразил Генри, вздернув бровь.

Снаружи, в коридоре, Клэр отвечала Элизабет, что шляпа мистера Шунмейкера пропала, и тогда Элизабет выразила свое недовольство работой слуг.

Диана осмотрелась вокруг: головы животных на стенах, Тяжелая старинная мебель, большая оловянная ваза, наполненная увядшими розами. Их лепестки темнели и опали на пол. Портьеры были задернуты, создавая приятный полумрак... Она перевела взгляд на художавую фигуру Генри Шунмейкера и вдруг почувствовала, как неясная боль сдавила грудь, а голова закружилась. Происходящее казалось ей нереальным. Раньше Генри казался ей недостижимой мечтой, и вот он стоит перед ней – такой взрослый, такой умный, ироничный, обаятельный... Даже по его манере держаться можно было понять, что он старше ее и, конечно же, гораздо опытнее. Он знал и умел много такого, о чем она даже не догадывалась. Ей хотелось повести его наверх, запереть все двери и разговаривать с ним до поздней ночи.

– Действительно целовали? – недоверчиво спросил Генри, приподнимая бровь. Он подошел ближе, потянулся за шляпой, и Диана почувствовала тепло его дыхания. Она замерла. Он был так близко, что она чувствовала – они и правда могут коснуться друг друга. Затем он мягко снял шляпу с ее кудрей и повернул лицо так, что его губы вскользь коснулись ее. У девушки перехватило дыхание. Его прикосновение было подобно электрическому разряду.

Он пристально взглянул ей в глаза, улыбнулся краешком губ, а затем вновь приблизил свое лицо к лицу Дианы. Вот, подумала она. Вот именно такое чувство и должно быть! Оно должно пронизать все тело, с головы до пят, и так, чтобы ноги подкашивались.

И тут Генри отодвинулся, еще раз посмотрел на нее озорным всезнающим взглядом и подмигнул. Затем выпрямился и, не сказав ни слова, быстрым шагом вышел в коридор.

– Дорогие дамы, похоже, я потерялся по дороге из гардеробной, – услышала Диана. В его голосе звучали смешливые нотки, и она знала, что хоть он и говорил с Клэр и Элизабет, но именно с ней его связывала общая тайна, – До свидания!

– До свидания, – донесся до нее обиженный голос Элизабет.

Затем дверь закрылась. Диана еще несколько минут неподвижно стояла в гостиной, стараясь унять бешено колотившееся сердце. В голове у девушки крутилась одна и та же мысль, приводящая ее в неопишуемый восторг. *«Я только что поцеловалась с Генри Шунмейкером, – повторяла она вновь и вновь про себя. – Я только что поцеловалась с Генри Шунмейкером!»*

Таинственную посылку принесли чуть позднее, когда Диана успешно прокралась, никем не замеченная, в свою комнату и в задумчивости присела на кровать. Клэр нетерпеливо переминалась рядом, желая узнать, что же находится в загадочной коробке, и Диана вначале хотела открыть ее сразу же, немедленно. Они со служанкой частенько сплетничали о молодых людях и доверяли друг другу фантазии, в которых фигурировали океанские лайнеры и наследники престолов маленьких европейских государств. Но какие-то вещи были слишком реальными, чтобы делиться ими, и потому Диана поблагодарила Клэр, обняла и попросила оставить в одиночестве.

Она услышала, как Клэр отошла от двери, и затем быстро раскрыла круглую, богато украшенную золотом коробку. Внутри, на угольно-черном бархате, покоилась знакомая шляпа и записка:

*«Храните ее. Она так хорошо на вас смотрится.
А я теперь не чувствую в ней ничего...
кроме желания узнать вас получше.»*

Г.Ш.»

Она прочла его записку, наверное, раз двести, пытаясь понять ее истинный смысл. Кроме желанья узнать вас получше? Что это может означать? Она дрожащими руками надела шляпу чувствуя, что уже почти влюблена в того, кого едва знала...

11

*Приход любви похож на закат, на сверкающий фейерверк ярких цветов –
оранжевого, жемчужно-розового, трепещущего малинового...
Из дневника Дианы Холланд, 17 сентября, 1899 год*

Прошло несколько часов, а Диана все еще лежала на кровати в своей комнате и что-то задумчиво писала. Шляпа по-прежнему была у нее на голове. Услышав стук в дверь, она быстро встала, рывком сорвала с себя шляпу и запихнула ее вместе с запиской под кровать, подальше от чужих глаз. Тихое «тук-тук-тук» повторилось. Диана захлопнула дневник, страницы которого раскрывали тайну сегодняшней волнительной встречи, и сунула его под подушку.

– Кто там? – крикнула она, даже не пытаясь скрыть раздражение.

В дверях показалось прекрасное лицо Элизабет. Глаза ее были широко распахнуты и казались Диане такими же пустыми, как тогда, в гостиной. Сестры с тех пор еще не разговаривали, но это было в порядке вещей. Они все сильнее отдалялись друг от друга, и задушевные беседы в последнее время были для них редкостью.

– Могу я войти? – мягко спросила она.

– Конечно, – ответила Диана, укладываясь на кровать и той же позе, в какой лежала до того, как ее прервали, – на живот, лицом к подушке. Обычно на подушке лежал дневник, чтобы удобнее было писать, и теперь девушке казалось, что подушка впитала в себя ее тайны, мечты и сокровенные желанья. Ей совершенно не хотелось сейчас разговаривать с Элизабет, тем более что в последние дни сестра вела себя очень странно.

Диана искренне считала, что сестра предала их общие детские идеалы, и на протяжении последних двух лет постепенно привыкла к этому предательству. Она с тоской и отвращением наблюдала, как Элизабет становится все более правильной, все более чопорной, отдаляется все дальше и дальше.

От прежней близости не осталось и следа – она сменилась раздражением и обидой. Впрочем, сейчас невольное вмешательство сестры в ее тайное действо казалось Диане всего лишь легким недоразумением в сравнении с другими, более серьезными обидами.

– Мне нужно сказать тебе нечто важное, – робко произнесла Элизабет и присела на самый край белого покрывала.

– В чем дело?

Диана демонстративно отвела глаза в сторону, давая понять, что у них теперь совершенно разные интересы и ничтожные проблемы старшей сестры ее нисколько не волнуют. Впрочем, в эти минуты Диану волновала лишь одна мысль: много ли любовниц у Генри Шунмейкера, и как она будет выглядеть, если сама прильнет к его груди. Она думала, что, возможно, эта неожиданная бедность их семьи была предопределена свыше. Может, именно бедность будет отличать ее от всех остальных девушек, что заглядываются па Генри? И это придаст определенную пикантность и риск их отношениям...

Волшебные фантазии были оборваны звуком его имени.

– Что? Я не расслышала, – переспросила Диана, приподнявшись на локоть и посмотрев на Элизабет.

– Генри. Генри Шунмейкер. Он пришел сегодня утром, чтобы предложить мне выйти за него. Я должна выйти замуж, Ди, – так что с семьей все будет хорошо.

Диана искоса взглянула на Элизабет и подавила нервный смешок. Она собралась было попросить сестру еще раз повторить – она ведь ошиблась, чего-то не расслышала, не поняла...

Ей все это снится... И тут Элизабет взяла ее за руку.

– Я понимаю, все это так внезапно, но ты ведь знаешь, у них больше денег, чем у кого бы то ни было. А Генри – старший сын, и единственный, – объяснила Элизабет таким тоном, словно пыталась убедить не сестру, а саму себя.

– Он сватался... к тебе? – Диана не могла поверить тому, что только что услышала. Она инстинктивно отдернула руку и прижала ее к груди. Элизабет опустила глаза, и Диана несколько мгновений пыталась осмыслить эту кошмарную новость. Восхитительные воспоминания о прекрасном принце в темной заброшенной гостиной начали стремительно тускнеть. – Но ведь он тебе даже не нравится!

– Возможно, со временем... – Элизабет так и не подняла глаза, продолжая разглядывать свои ногти. – Он очень красив, и, ну, ты же знаешь, все хотят его заполучить.

Диана негодуяюще фыркнула и закатила глаза к потолку. Неслыханная несправедливость! Когда с ней наконец-то стало происходить что-то новое и прекрасное, судьба преподносит ей такой жестокий сюрприз! Она была вне себя от гнева, и львиная часть этого гнева была направлена на человека, который был, судя по всему, возлюбленным ее сестры.

– Диана, что с тобой? Почему ты такая угрюмая? Это хорошая новость!

– Потому что ты его не любишь, – горько ответила Диана.

«И он не любит тебя», добавила она мысленно. Она хотела еще крикнуть ей в лицо, что мужчина, за которого Элизабет собирается выйти замуж, настоящее исчадие ада, порочное и лицемерное существо, и что он целовал младшую сестру своей невесты, причем спустя несколько минут после предложения руки и сердца... Но она промолчала. Да, не такое уж открытие! Диана прочитала множество романов и прекрасно знала, что подлецы и злодеи часто бывают чертовски привлекательны, нежны и обходительны. И она совершила классическую романтическую ошибку, приняв один красивый мимолетный поцелуй за любовь. Но нес равно: теперь это ее секрет, и она никому его не раскроет. Она это заслужила...

Диана прикрыла глаза и произнесла:

– Ну... тогда поздравляю.

Элизабет слабо улыбнулась и стиснула руки. Диане этот жест всегда казался глупым, а сейчас он выглядел особенно дурацким.

– У семьи Шунмейкеров хорошая репутация, а Генри просто очень любезен и... – Элизабет помедлила, словно не могла придумать, что еще сказать о нем хорошего. Она прикусила губу, и тут Диана заметила слезы в ее глазах. – Боже мой... – всхлипнула она, спрятав лицо в ладонях.

Диане показалось странным, что Элизабет проливали слезы, получив внезапное предложение со стороны человека со средствами, даже если она не питала к нему никаких чувств. Она озадаченно смотрела на старшую сестру и не знала, что ответить.

– Так или иначе, – продолжила Элизабет, смахивая слезы, – эта свадьба очень порадует мамушку, да и всех остальных тоже. Цветы, платья, украшения – все будет на высшем уровне. Все самое модное и от лучших мастеров...

Диана удивленно взглянула на сестру и увидела, что ее тонкие брови поднимались все выше по мере того, как девушка перечисляла предстоящие свадебные обновки – все такие красивые, белоснежные. Складывалось такое впечатление, словно она все утро была заперта где-нибудь в погребке и только сейчас вырвалась на волю, глотнуть чистого воздуха. На самом деле она провела все утро в роскошной гостиной и, так как семье грозит финансовый кризис, согласилась на брак с самым богатым человеком, которого только могла найти. Диана не могла поверить, что Элизабет такая идиотка. Мечтать о белом платье, о венчании, в то время когда этот мерзкий негодяй Генри Шунмейкер заявился к ним в дом, чтобы получить сразу и жену, и любовницу. Как легко и непринужденно! А главное – необычайно удобно. Интересно, может, он себе и из мебели что-нибудь присмотрел?

– И кстати, Ди, – дрогнувшим голосом сказала Элизабет, – Мы с Пенелопой еще в тринадцать лет обещали друг другу, что станем подружками на свадьбе друг у друга. Надеюсь, ты не обидишься. Но ведь ты тоже будешь со мной, правда?

Диана печально усмехнулась. Какая ирония! – ее просили участвовать в церемонии заключения союза, против которого она была всей душой.

– Да, конечно, – ответила она, горестно вздохнув, и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Когда сестра уйдет, она сможет снова начать писать в дневник, но на этот раз в более сентиментальных красках. Скорее бы остаться одной – пронеслось у нее в голове. Элизабет с облегчением вздохнула и заключила Диану в слабые объятия.

– Да, чуть не забыла... Еще кое-что... Не говори пока никому, хорошо? Обещай, что никому не скажешь.

– Обещаю, – пожала плечами Диана. Впрочем, поскольку дела сестры никогда не казались ей особо интересной темой, она даже не знала, кому могла бы о них рассказать.

– Хорошо, – Элизабет опустила глаза. – Я просто не хочу, чтобы все случилось слишком быстро...

Наверняка и этот подлый Генри Шунмейкер хотел бы отложить день свадьбы, подумала Диана. Он, без сомнения, воспользуется еще несколькими неделями свободы, чтобы перецеловать всех кузин Холландов, а возможно, заодно и пару служанок.

– Конечно, – помедлив, ответила девушка. – Я сохраню твою тайну. Можешь на меня положиться.

Она всего лишь подбирала слова, чтобы хоть немного поддеть сестру, но реакция Элизабет ее удивила. Диане показалось, что в глазах сестры промелькнул неподдельный ужас. «Это была просто шутка, – подумала Диана, – Но кажется, моя сестра их совершенно не понимает...»

12

Если юная мисс Пенелопа Хейз в самом скором времени не получит предложение руки и сердца от Генри Шунмейкера, все будут очень удивлены. Говорят, что на костюмированном балу прошлой ночью она покорила своим обаянием не только младшего Шунмейкера, но и его отца, что может означать лишь одно: помолвка не за горами...

Из светской хроники «Нью-Йоркских новостей», 17 сентября, 1899 год

Наверху в доме Холландов царил атмосфера всеобщей мрачности и подавленности, но Лине было не до этого. Сейчас ее не интересовало ничего, кроме той тайны, невольным свидетелем которой она оказалась. Ее госпожа сидела в спальне перед туалетным столиком из красного дерева, спокойная и невозмутимая, словно прекрасная мраморная статуя. Элизабет вот уже полчаса бесстрастно глядела на свое отражение и ни разу не встретила глазами с прежней подружкой по детским играм. Шел всего второй день после возвращения госпожи, и Лина вновь была лишь служанкой.

Ей никак не верилось, что Элизабет – прекрасная американка, которую так превозносили за лилейную белизну кожи, кажущуюся чистоту, нежность и скромность, – сегодня ночью вновь будет пробираться в конюшню, чтобы заниматься запрещенными вещами с одним из них. С одним из нас, поправила себя Лина. Она медленно водила гребнем по светлым прядям и жалела, что их обладательница так неожиданно и вероломно стала ее соперницей в любви.

– Хорошо, – нетерпеливо произнесла Элизабет, очнувшись от своих мыслей, – Теперь можешь заплести их.

Лина посмотрела на отражение своей госпожи в зеркале, и в ее глазах сверкнул гнев. Мгновение показалось девушке вечностью, но не успела она взять себя в руки и успокоиться, как раздался стук в дверь.

Элизабет осталась неподвижной, лишь едва заметно приподняла голову.

– Да? – отозвалась она.

Дверь открылась, и Лина, обернувшись, увидела свою сестру. Клэр была в таком же черном платье, рыжие волосы собраны на затылке. В руке она держала корзину для белья.

– Ты еще не закончила? – спросила она, переводя взгляд с Лины на юную мисс Холланд.

– О, Клэр, хорошо, что ты пришла! Заплети мне волосы, пожалуйста, – попросила

Элизабет, по-прежнему не отрывая взгляда от отражения в овальном зеркале. Лина облегченно вздохнула, положила гребень на столик и торопливо пошла к двери, пробормотав, что идет готовить комнату для Дианы. Клэр бросила на сестру предостерегающий взгляд и печально покачала головой. Она с трудом наклонилась, чтобы опустить на пол корзину, а затем, мягко ступая по роскошному ковру, подошла к Элизабет. Лина остановилась в дверях и обернулась, словно хотела еще что-то сказать. В эту минуту она ненавидела Элизабет – в том числе и за ее столь демонстративно пренебрежительное отношение к себе. Девушка стояла в дверях и с холодной яростью смотрела, как Клэр быстро и умело разделала волосы и заплела в тугую аккуратную косу. Закончив, она отступила назад и спросила:

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо... Ты пока свободна. Но потом позволь Лине попрактиковаться на твоих волосах. Похоже, за время моего отсутствия она кое-что забыла.

Лина сдержала обиду и промолчала. В ней снова ожили болезненные воспоминания из ранней юности, когда снобизм и заносчивость Элизабет только начали проявляться. Элизабет тогда исполнилось шестнадцать, и Лина стала ее личной служанкой. Ей каждый день приходилось наблюдать, как близкая подруга превращается в светскую львицу, в то время как она сама оставалась простой, обычной, бедной девушкой. И это ранило больше всего.

– Конечно, – донесся до нее ответ Клэр.

Она кивнула госпоже и подошла к роскошной кровати из красного дерева, на которой Лина разложила одежду Элизабет. Клэр аккуратно собрала все вещи и положила сверху, в корзину, а затем подошла к сестре и схватила ее за руку. Лина хотела вырваться и потребовать, чтобы Клэр не командовала ею, но слишком боялась сказать сгоряча что-нибудь лишнее.

– Спокойной ночи, мисс Холланд, – сказала Клэр, выталкивая Лину за дверь.

– Спокойной ночи, – ответила Элизабет, и Клэр незаметно толкнула сестру в бок.

– Спокойной ночи, мисс, – процедила Лина недовольным тоном.

Когда дверь закрылась, Клэр отпустила ее руку и пошла по коридору, украшенному специально освещенными изображениями Манхэттенских ферм, холмов и их обитателей. Комнаты обеих сестер Холланд располагались в западном крыле дома, на втором этаже, далеко от главных помещений, и, как поняла вдруг Лина, любой мог незамеченным подняться или спуститься по лестнице для слуг. Окна Дианы выходили на запад, а окна Элизабет – на север, на улицу. Вздохнув, Лина поднялась вслед за Клэр по узкой деревянной лестнице с чересчур низким потолком на третий, а потом и на четвертый этаж.

Чердак, который сестры Броуд делили с другими молодыми служанками, был темным и неудобным. Они все еще использовали для освещения свечи, поэтому после захода солнца комната казалась безграничной – необъятная глубина черного пространства. Лина слышала, как сестра ступает по голым доскам и ищет свечу. Она стояла в дверях и молча ждала неприятного разговора, мечтая перенестись куда-нибудь далеко-далеко отсюда. Но, похоже, выслушать очередную порцию нотаций все же придется... Через пару мгновений зажегся тусклый огонек свечи, и в комнате уже можно было что-то рассмотреть.

– Я бы хотела, чтобы ты не давала мисс Элизабет повода для жалоб, – сказала Клэр, зажигая вторую и третью свечи. Она прошла по скрипучему полу к латунной кровати, – Ответь же мне что-нибудь, Лина, не молчи.

Лина подошла к простому туалетному столику, взяла одну из ржавых заколок для волос – достались от щедрот мисс Холланд – и заколола ею одну из выбившихся прядей. Она взглянула в треснувшее зеркало, повернув голову, чтобы рассмотреть свой профиль. Лина не могла объяснить Клэр, что ее сжигали чувство несправедливости, жажда мести, жажда перемен...

– Прости, что я сегодня не помогла тебе со стиркой, – сказала она вместо этого.

Клэр вздохнула, бросив взгляд на корзину с чистым бельем, стоявшую у кровати.

– Я не об этом говорю. Может быть, ты скажешь мне, в чем дело?

Лина с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться и не рассказать о Вилле, о своих переживаниях, о том, что случилось прошлой ночью. Но старшая сестра хорошо чувствовала ее настроение и сама могла обо всем догадаться, стоило только Лине допустить малейшую оговорку. И это вечно заставляло Лину чувствовать себя виноватой. Но что значит вина в сравнении с горькой волной ярости, унижения и безответной страсти, испытанной ею прошлой

ночью?

– Это хорошая работа, Лина, в хорошей семье, – продолжила Клэр, в то время как ее сестра хранила молчание. Она встряхнула головой, и ее волосы с красивым медным отливом выбились из прически, метнувшись из стороны в сторону. – Не знаю, почему из-за тебя вечно возникают какие-то проблемы.

Лина еще раз взглянула на свое отражение и опустила голову, чуть не разрыдавшись. Да уж... Хороша. Ноги короткие, фигура непропорциональная, волосы невзрачные, одежда – тряпье какое-то... Девушка чувствовала себя последней неудачницей. Ну, встряхнись, – попыталась она ободрить себя, – те же знаешь, что наступило время больших перемен! О них пишут и говорят каждый день. Удача может прийти совершенно неожиданно, а любую внешность, даже самую незаурядную, можно изменить, стоит лишь приложить усилия.

– Я просто отвыкла от присутствия мисс Элизабет, – ответила она наконец. Даже произнесение этого имени вызывало у нее тошноту. Она вновь вспомнила, какими надменными были в эти дни жесты Элизабет и как неискренне и натянуто звучал голос. Каждое ее слово напоминало Лине о превосходстве госпожи. – Все было гораздо проще, когда ее не было, – продолжила она, словно защищаясь.

– Ты похоже забываешь, что у нас почти нет выбора. Для таких, как мы, вариантов очень мало, – Клэр вздохнула еще громче и еще печальнее. Она даже в эту минуту продолжала работать, складывая чудесные наволочки, на которые сестры Холланд опустят прелестные головки, – И если потеряем эту работу, мы уже не найдем такую же, в таком же богатом доме в Нью-Йорке. Вы с мисс Элизабет были так близки. Конечно, так, как раньше, уже не будет... Но если ты...

Лине нечего было на это ответить, поэтому она подошла к сестре и нетерпеливо выхватила у нее из рук наволочку. Клэр подняла на сестру длинное, покрытое бледными редкими веснушками лицо. В глазах ее застыло удивление.

– Присядь же наконец. Ты с самого утра на ногах, – сказала Лина, подкрепляя слова кивками, и затем продолжила уже более мягким тоном: – Давай я сложу.

Клэр фыркнула и, обойдя кровать, села, прислонившись к спинке и скрестив ноги. Несколько минут она не отводила глаз от сестры, с явным недоверием наблюдая, как та складывала белье.

– Осторожно с вышивкой, – предупредила она, когда Лина взяла английскую блузку.

– Да осторожно я, осторожно – ответила Лина, проводя пальцами по замысловатому рисунку. – Теперь ты успокоишься? Может, считаешь мне что-нибудь из газеты?

Лина обычно подшучивала над любимым занятием Клэр – читать о жизни богатых и известных, но сейчас она ободряюще улыбнулась, убеждая сестру, что не станет отпускать колкости и твердить о том, насколько все это скучно. Клэр с явным удовольствием взяла сложенные вчетверо «Нью-Йоркские новости» и принялась листать статьи из Ньюпорта. Она особенно любила читать новости о том, чем занимались знатные девушки Нью-Йорка на прошедших выходных. Лина продолжала складывать белье, пока Клэр самозабвенно читала вслух, выговаривая некоторые слова со слабым акцентом. Лина слушала, иногда кивая головой. Несчастная девушка пыталась хоть немного отвлечься от своего горя, но тщетно. Она не переставала обдумывать, как бы ей исхитриться поговорить с Биллом с глазу на глаз, и что ему сказать, чтобы он ей поверил. Она должна открыть ему глаза, должна доказать любимому, что эта надменная богачка ему не пара! И туг она услышала возглас сестры:

– Генри Шунмейкер – это тот молодой мужчина, который сегодня приходил к мисс Элизабет!

– Что? – Лина отвлеклась от своих мыслей и попыталась сделать вид, что ей безумно интересен этот Генри Шунмейкер.

– Здесь написано о подруге мисс Элизабет, Пенелопе Хейз. Говорят, будто у нее связь с Генри Шунмейкером. А он как раз приходил сегодня утром. О, Лина, ты его не видела? – Глаза Клэр вспыхнули. – Он невероятно хорош собой. И мисс Пенелопа собирается выйти за него замуж!

Лина в очередной раз изумилась, как Клэр могла так радоваться за девушку, которая всегда была с ними груба и высокомерна. Но она сдержалась и ничего не сказала.

– Хотя мне интересно, – добавила Клэр, словно подводи итог, – почему тогда он провел это утро с мисс Элизабет?

– Может, он хотел получить совет, как сделать предложение? – хмыкнула Лина, аккуратно складывая хлопковые домашние шаровары мисс Дианы.

– Да, может быть. – Клэр пожала плечами и вернулась к чтению последних новостей и самых фантастических слухов о самых известных горожанах.

Лина продолжала складывать нижнее белье своих хозяек, слушая приятный мелодичный голос сестры. Вскоре она поняла, что снова и снова с завистью и раздражением думает о Пенелопе Хейз. О ее светящейся коже, сказочных нарядах, бриллиантовых украшениях и надменных манерах. Как когда-то говорила их мать, богатых всегда можно узнать по коже. Лина вспомнила фарфоровую бледность Элизабет, удивительно ровную, гладкую, лишенную веснушек кожу, и вновь ощутила, что навсегда вычеркнута из этого яркого, удивительного мира. Лина была уверена, что, будь она такой же леди, как мисс Хейз или мисс Элизабет, Вилл никогда бы не попросил ее уйти той ночью из конюшни...

13

Я всегда верил в то, что нужно наслаждаться мгновениями и ценить их. В конце концов, это единственное, что мы можем сохранить. Настойчиво пытался передать эту веру детям, но что из этого получилось – трудно сказать; они сейчас очень увлечены собственными идеями.

Из дневника Эдварда Холланда, декабрь 1898 год.

Была уже глубокая ночь, и дом Холландов погрузился в звенящую тишину. Элизабет медленно спускалась по лестнице для слуг; стараясь, чтобы ни одна ступенька не скрипнула. Чтобы хоть что-нибудь разглядеть, девушка держала перед собой свечу в латунном подсвечнике.

Она стояла на сене и ждала, пока глаза привыкнут к темноте. В конюшне была уже не такая крошечная тьма, потому что окно Вилла располагалось высоко и впускало немного света. Элизабет шагнула к лестнице и еще раз напомнила себе, зачем она сюда пришла. Уже наступил новый день, до рассвета оставалось совсем немного времени, а она обещала, что завтра расскажет все Виллу.

Она с тяжелым сердцем взобралась на маленькую лестницу у его кровати, медленно преодолевая ступеньку за ступенькой. Добравшись до верха, остановилась, невольно залюбовавшись Виллом, мягко освещенным теплым светом зажженной свечи. Он прерывисто дышал во сне, свернувшись калачиком и сбросив красное шерстяное одеяло.

Элизабет подошла к нему, осторожно ступая по старым, скрипучим деревянным доскам. Поставила свечу около кровати и остановилась, с нежностью глядя на спящего возлюбленного. Она почувствовала, что не может ранить его этой ужасной новостью сейчас. Это казалось ей отвратительным. Нет, не сейчас... И может быть, не сегодня... Она легла рядом, прижавшись к нему. Он спал, а Элизабет смотрела на его лицо, пытаясь запечатлеть в памяти образ любимого. На всякий случай – кто знает, может быть, это их последнее ночное свидание. Завтра все может измениться. И тут Вилл проснулся. Он приоткрыл глаза, улыбнулся, потянулся к Элизабет и крепко обнял ее. Девушка тихо вскрикнула от неожиданности, но он улыбался так нежно, что она вдруг почувствовала себя абсолютно счастливой. Его пальцы гладили ее шею, лицо, а потом зарылись в волосы. Он держал в ладонях ее голову, и все остальное уже не имело никакого значения. Настоящая жизнь, настоящее счастье было здесь, прямо перед ней.

– Никак не верится, что ты пришла, – прошептал он.

– Я не могла уснуть, – ответила она, не отрывая от него восторженных глаз. Он смотрел на нее так, будто они не виделись несколько лет.

– Господи, как же мне повезло...

Ей безумно хотелось поцеловать его, но она боялась отвести глаза даже на секунду, словно опасалась, что он исчезнет, растает в воздухе. Взглядом Вилл согревал, словно лучи

ласкового весеннего солнышка. Впервые за весь день Элизабет ощутила себя по-настоящему живой. Даже когда она попыталась напомнить себе, мысленно грозя пальцем, что у них нет и не может быть совместного будущего. Чистые голубые глаза Вилла вселяли в нее уверенность и спокойствие. Она знала этого человека больше половины жизни, знала, что могла довериться ему полностью и безоговорочно. Он провел рукой по ее шее, по плечам, по спине...

– Должно быть, ты и впрямь скучала по мне, – продолжил он, лукаво прищуриваясь.

– Напомните, как вас зовут? Кажется, мы где-то встречались – она умудрилась продержаться целое мгновение, прежде чем залиться звонким радостным смехом.

Он тоже рассмеялся, обнимая девушку за талию и перекатываясь вместе с ней на матрасе. Он наклонился над ней с лучезарной улыбкой, а когда она попыталась подняться, схватил за запястье и опустил обратно. Элизабет собралась было что-то сказать, но Вилл прижался к ней губами и поцелуем заставил замолчать.

Сколь бы сладок ни был поцелуй, она все равно чувствовала себя лгуньей, а Вилл был человеком, которого ей меньше всего хотелось обманывать. Поэтому она заставила себя отстраниться и глубоко вздохнула, готовясь произнести то, что должна была произнести. Неизбежность этого разговора висела над ней дамокловым мечом, и она не могла больше тянуть. Он имеет право знать...

– Да что с тобой? – спросил он.

Она закрыла рот и открыла снова, а затем еще раз глубоко вздохнула, собираясь с духом.

– Генри... – начала она.

– Шунмейкер? – рассмеялся Вилл, прерывая ее и насмешливо улыбаясь, как умел только он, – Ты что, снова собираешься дразнить меня этим индюком? Я заметил, что он приходил сегодня утром, но тебе не нужно волноваться. Я больше не приревную тебя к нему.

И он нежно поцеловал ее – так, что у нее закружилась голова. Она мечтала, чтобы это прикосновение длилось вечно.

Когда он отодвинулся, его глаза лучились светом.

– Я уверен, что все будет хорошо, – прошептал Вилл, нарушив долгое молчание.

Элизабет грустно улыбнулась. Интересно, заметил ли он, как сильно она волнуется?

– Все будет хорошо... – повторила она, словно убеждая в этом саму себя.

Завтра. Она все расскажет ему завтра. Пусть у них будет хотя бы еще одна, последняя, ничем не омраченная ночь. Завтра, повторила она себе. Ничего плохого не случится, если она подождет еще один день...

Когда он стянул с нее сорочку, Элизабет попыталась заставить себя не думать больше ни о чем. Ни о своей семье, ни о гордости, ни о предстоящем разговоре. Она уже сомневалась, что вообще сможет рассказать Виллу о том, что ее ждет. Но все это будет потом... А в эти минуты Элизабет постаралась сосредоточиться лишь на том, как он целовал ее, чтобы запомнить на всю жизнь.

14

Молодого человека из дома Шунмейкеров, мечту всех невест Нью-Йорка, сегодня заметили у «Тиффани & Со». В отделе обручальных колец нам сообщили, что он приобрел кольцо с очень крупным бриллиантом за тысячу долларов...

Из колонки Cité chatter в «Нью-Йорк Империл», пятница, 22 сентября, 1899 год

Пенелопа Хейз натянуто улыбнулась своей миниатюрной служанке-англичанке. Она терпеливо ожидала госпожу в прихожей, чтобы помочь ей надеть черное норковое пальто. Оно было последней обновой, и Пенелопе не терпелось покрасоваться в ней. Платье, которое она надела сегодня, тоже было «с иголочки» – атласный, цвета слоновой кости, низ, черный бархатный верх. Оно было невероятно стильное и очень модное. Пенелопа еще раз взглянула на служанку. Она раньше не видела эту худенькую черноглазую девушку с растрепанными волосами и решила, что ее, наверно, наняли совсем недавно. В эти дни было нанято несколько

новых слуг, чтобы наполнить новый громадный дом, и Пенелопа уже начинала опасаться, что в таких условиях ей будет сложно сохранить тайну своих воскресных свиданий с Генри. Она поджала губы, окатила служанку ледяным взглядом и нехотя взяла с сияющего серебряного подноса кремового цвета карточку, на которой значились инициалы посетителя.

– Мистер Исаак Филлипс Бак приехал, чтобы сопроводить вас, – произнесла девочка с излишним формализмом.

Пенелопа с Баком были достаточно близкими друзьями, так что вообще не было необходимости представляться карточкой. Но он не мог устоять перед искушением сообщить о своем визите в изысканной вежливой манере.

– Благодарю тебя, – ответила Пенелопа и сбежала вниз по белой мраморной лестнице.

На мгновение она обернулась и поняла свою ошибку. Услышав доброе слово от своей госпожи, девчонка так и светилась радостью. У Пенелопы это вызвало очередной приступ раздражения, но она заставила себя успокоиться! Мисс Хейз знала, что подобные эмоции плохо сказываются на цвете лица, а ведь она собиралась на званый обед к Генри Шунмейкеру и хотела выглядеть наилучшим образом! Девушка повернулась к Баку. Он задумчиво курил и смотрел в окно, сигаретный дым причудливыми завитками поднимался над блестящим цилиндром.

– На что это вы уставились? – спросила Пенелопа, и Бак повернулся, протягивая ей руки. Она потянулась и расцеловала его в обе щеки.

– О, ну вы знаете... Там расхаживают местные знаменитости, – Бак негромко фыркнул и с важным видом приоткрыл дверь.

Вечер был теплым, но пасмурным. По улице один за другим неторопливо проезжали нарядные экипажи.

– ...Но никто из них вам в подметки не годится. Ваша красота непревзойденна, вы же знаете, – продолжил Бак свою мысль, когда они уже направлялись к воротам.

Кучер уже ждал их возле одного из семейных черных блестящих фаэтонов, запряженного четверкой лошадей. Бак помог Пенелопе забраться, сел сам и кивнул кучеру. Девушка, заботясь о своей репутации, никогда бы не поехала на вечеринку в открытом экипаже, но Пенелопе в тот момент хотелось чувствовать себя более свободной и неотразимой. Она восседала на роскошном сиденье, обтянутом красным бархатом, расстегнув пальто и откинув меха за спину. Ей хотелось вдыхать полной грудью освежающий вечерний воздух, и она не думала о том, что блюстители морали наверняка раскритикуют ее за такие вольности, как публичный показ обнаженных плеч.

Когда лошади неспешно тронулись с места, Бак дотянулся до пиджака и достал газету.

– Думаю, вас это заинтересует, – произнес он как можно равнодушнее, но губы его при этом растянулись в довольной улыбке.

– Неужели? – повела плечами Пенелопа, разворачивая газету.

Её взгляд быстро скользил по странице и вдруг замер, а глаза расширились и заблестели. Девушка заметила слова «Тиффани & Со, бриллиант, тысяча долларов». Она захлопала тяжелыми от туши ресницами и отвернулась в сторону, чтобы Бак не видел, как вспыхнули ее щеки. Пенелопа старалась держать голову так, чтобы во встречных экипажах ее лицо могли видеть в лучшем ракурсе, и наслаждалась неспешной поездкой по широкой улице. Генри же сказал, что скоро она все узнает! По крайней мере, один раз он это произнес. А столь нетерпеливой девушке, как Пенелопа, этого казалось вполне достаточно. Лошади шли мягкой рысью, и уже показалась усадьба Шунмейкеров, занимавшая половину Пятой Авеню и выходявшая на Тридцать восьмую улицу. И хотя здание было построено не так давно, выглядело оно весьма внушительно: каменная ограда, большая мансарда, роскошная лестница у парадной двери. Конечно, у них с Генри будет свой новый дом; возможно, папочка построит его в качестве свадебного подарка. Фаэтон остановился, и Бак вылез наружу – почти грациозно для своих размеров, – чтобы помочь Пенелопе. Она заметила и другие подъехавшие экипажи, на них сидели кучера и курили, готовясь к долгому ожиданию; Среди прочих она увидела и кучера Холландов: он сидел и задумчиво читал газету. Круглолицый широкоплечий парень, имя которого Пенелопа вряд ли смогла бы вспомнить. Элизабет как-то раз упоминала, что они с ним дружили в детстве, и Пенелопа не могла не отметить про себя, какие странные, однако, в

Грамерси традиции. Ей бы и в голову не пришло дружить со своей прислугой... Здесь, на Пятой, леди и джентльмены ступали на мостовую парами и направлялись к ярко освещенным дверям, не обращая на прислугу ни малейшего внимания.

– Том, я могу вернуться поздно, – бросила она, не глядя на своего кучера. Вместо этого она сосредоточилась на своих длинных белоснежных перчатках, стараясь расправить мельчайшие складочки.

– Я буду ждать вас здесь, мисс Хейз, – ответил кучер.

Пенелопа изящно взяла Бака под руку, и они направились к парадной лестнице. Один из дворецких Шунмейкеров принял ее пальто и препроводил к очереди гостей, где она увидела юную Изабеллу Шунмейкер, щеки которой уже покраснели от бесконечных приветствий. Она была одета в пышное бирюзовое платье со шлейфом и, стоя в центре, улыбалась и кивала всем входящим.

– О, Пенелопа, – воскликнула она, устремляясь вперед, чтобы расцеловать девушку в обе щеки. – Мне так жаль, что твои родители и брат не смогли приехать.

– Изабелла, – ответила Пенелопа, возвращая поцелуи. Ее родители обедали с Касторами – событие нельзя было отменить. А старший брат Грейсон за границей, представляет интересы семьи в Лондоне. – Не беспокойся обо мне! Мне и в обществе Бака неплохо. Он умеет меня развлечь.

– Я знаю, – Изабелла легко сжала ее руку. В это время к гостям подошли чета Ричард Аморис, которые уже три года были женаты, но вместе смотрелись так же нелепо, как и по отдельности, – Увидимся позже, – прошептала Изабелла.

Тут появился один из слуг Шунмейкеров, чья бархатная ливрея была украшена гербом семьи, и провел гостей через коридоры в комнату для приемов. Стены в ней были обиты темно-красным шелком, в воздухе разносился аромат шампанского.

– Я посмотрю, нужна ли помощь на кухне. – Бак повернулся к ней и заговорщически подмигнул, – Иди и будь на высоте!

Пенелопа для пушнего эффекта чуть помедлила у двери, позволив великолепным складкам своего черно-белого платья скользить по полу. Как обычно, она чувствовала направленные на нее пристальные взгляды, слышала гул голосов, но старалась ни на кого не смотреть и высоко держать голову. Из всех присутствующих она хотела видеть лишь Генри, но вместо его большой теплой руки на своей талии вдруг почувствовала, как кто-то крепко схватил ее за руку холодной ладонью. Вздвигнув, Пенелопа повернулась и увидела Элизабет. Она была одета в очень светлое платье, которое почти сливалось с ее бледной кожей, и поэтому издали была похожа на привидение.

– Пенелопа, – выдохнула Элизабет, вымученно улыбаясь. Светлые волосы были забраны наверх, шею украшал простенький золотой крестик. – Я всю неделю собиралась тебя позвать! Мне так жаль, что мы не поговорили на балу, но я была невероятно занята, и...

– Не беспокойся обо мне, – произнесла Пенелопа уже второй раз за вечер, обхватывая запястье Элизабет.

Она расслабила руку в ладони Пенелопы и тепло улыбнулась. Девушки грациозно проскользнули через слабоосвещенную комнату со статуями и высаженными в горшках папоротниками. Пока они шли, Пенелопа с собственническим интересом отметила кессонный потолок и прекрасно выполненную деревянную обшивку.

– Я и сама была настолько занята, что даже не заметила, как пролетела неделя. Но я очень рада тебя видеть, – она взглянула на Элизабет и приподняла тонкую бровь, – Есть новости...

– О, да, ваш званый вечер, – живо отозвалась Элизабет, – Я всю неделю думала об этом.

– Ты всегда думаешь о других, – произнесла Пенелопа чуть резче, чем хотела, – Но перед тем, как я все тебе расскажу, мы должны выпить за тебя, – Она пристально взглянула на Элизабет и продолжила: – Такое чувство, что тебя не было целую вечность! Твое возвращение и моя новость столь значительны, что без шампанского обойтись нельзя, – воскликнула она, решив в порыве великодушия приурочить приезд Элизабет к этому торжественному моменту.

– О, конечно. – Элизабет сделала слабый жест одному из слуг, и вскоре они обе держали в руках окаймленные позолотой бокалы с искрящимся напитком.

Девушки чокнулись и пригубили шампанское. Пенелопа чувствовала легкое

головокружение, приятное тепло в теле и глубокую удовлетворенность тем, что произвела на Элизабет настолько сильное впечатление. Хотя старшая из сестер Холланд иногда и бывала чересчур правильной паинькой, Пенелопа знала, что та любит веселые вечеринки и к тому же обладает изысканным вкусом в выборе друзей.

– Итак, – многозначительно начала Пенелопа, обнимая Элизабет за талию, но неожиданно замолчала. Собираясь начать рассказывать о Генри, она вдруг заметила красивого мужчину в белой спортивного покроя одежде, который выглядел очень необычно, совсем не так, как те мальчишки, с которыми она в основном общалась. У него были густые волосы, темные миндалевидные глаза и кожа цвета кофе с молоком.

– Кто это? – шепотом спросила она у подруги.

– О, – Элизабет приблизила губы к уху Пенелопы, – Это принц Раджисинх, из Индии. Он капитан команды игроков в крикет. Кажется, он собирается сыграть с младшими членами Юнион-клуба.

– Он и в самом деле принц?

– Никто точно не знает, – раздался высокий игривый голосок Изабеллы Шунмейкер, неожиданно появившейся около Пенелопы, – Говорят, что его отец, Фади Наванагар, любил необычные эксперименты в семейной жизни...

Изабелла весело подмигнула им, и Пенелопа с Элизабет прыснули, прикрываясь руками в обтягивающих перчатках. Пенелопа хотела задать еще несколько деликатных вопросов о принце, когда вдруг заметила Диану Холланд, в светло-розовом платье с длинными рукавами, украшенном бельгийским шелковым шнуром. Оно, без сомнений, было выбрано для нее либо сестрой, либо матерью. Девушка стояла, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, и выглядела крайне взволнованной. Взгляд у нее был обезумевший. Пенелопа повернулась к Элизабет и ошарашенно прошептала:

– Что здесь делает твоя сестра?

Элизабет вздрогнула всем телом, пожала плечами и промолчала.

– Изабелла, – произнесла она вместо этого, подойдя к мачехе Генри. – Все так прелестно! Такие знатные люди. Я надеюсь, мы не очень обременяем тебя.

Пенелопа, подойдя к ним, согласно закивала головой, словно для нее это была бы худшая вещь в мире.

– Нет-нет, ну что вы! Но мне нужно уделять внимание всем гостям и со всеми разговаривать. Я скоро вернусь, – сказала она, обводя глазами комнату. – Благодарю вас, мои голубки, за понимание.

Когда Изабелла упорхнула к принцу и принялась жеманно хихикать возле него, Пенелопа вновь повернулась к Элизабет и удивленно подняла бровь.

– Ну? У твоей сестры нервное расстройство или что-то другое?

– О, нет. Ты же знаешь Диану. Она сделает все, чтобы выглядеть эксцентричной. Но гораздо важнее... – оглядевшись, Элизабет неожиданно потащила Пенелопу через шумную гостиную в картинную галерею, где лишь два человека, мужчина и женщина средних лет, неторопливо рассматривали картины. Элизабет увлекла подругу подальше от них, и девушки стали медленно прохаживаться вдоль стен.

– И все же. Перестань наконец увливать и расскажи мне эту чудесную новость. Я ждала целую неделю, чтобы услышать о твоём таинственном друге.

– Ну что ж... – произнесла Пенелопа тоном заговорщика, – он очень высокий и красивый.

– Я не сомневалась.

– Вхож во все клубы и приходит на все вечера.

– Да... – Элизабет улыбнулась, ее яркие живые глаза вспыхнули. Девушки остановились и посмотрели на украшенную лепниной арку, отделявшую галерею от комнаты для приемов. Там, в гостиной, царил веселье, шампанское лилось рекой...

– Он уже давно положил на меня глаз, – Пенелопа тщетно пыталась скрыть горделивую улыбку, – И на нашем маленьком балу на прошлой неделе мы с ним танцевали, а сегодня в одной из газет появилась заметка о нем. О, Элизабет, он купил кольцо...

Послышался хрустальный смех, и тут Пенелопа увидела Генри, стоящего в гостиной у дальней стены, с золотистым бокалом в руке и язвительной улыбкой на лице. Одетый в

элегантный черный фрак, с идеально гладкими волосами, он стоял в кругу смазливых юношей лет семнадцати и что-то рассказывал.

– И кто же это? – торопила ее Элизабет.

Не отрывая от него глаз, Пенелопа с восхищением объявила:

– Это... Генри Шунмейкер!

Элизабет ничего не отвечала, а рука ее сразу обмякла, и Пенелопа решила, что подруга, наверное, просто умирает от зависти. Ну что ж, очень хорошо! Примерно такой реакции она и ожидала. Тут из гостиной донесся звон ножа о хрусталь. Старший Шунмейкер призывал всех выслушать его.

– Пенелопа, я должна... – пробормотала Элизабет.

– Тихо. Я все расскажу тебе позже, – ответила девушка, понизив голос.

Она снова взяла Элизабет за руку и повела в сторону комнаты для приемов. Пенелопа не могла не заметить, как сникла и оцепенела Элизабет после услышанной новости. Но больше всего ее удивило, что подруга даже не попыталась скрыть свою зависть, столь явную и столь очевидную для всех присутствующих. Изабелла, кокетливо улыбаясь, пробралась сквозь толпу гостей и остановилась возле мужа. Она выглядела совсем маленькой рядом с ним – рослым, статным, приосанившимся.

– Мне сказали, что пора подавать обед, – начал он рокочущим голосом, – Но перед тем, как приступить к нему, хочу сообщить одну новость, которой я особенно рад поделиться с вами.

Гости зашумели и приблизились к хозяину. Через комнату Пенелопа пыталась встретиться с Генри глазами, но тот упорно смотрел в свой бокал.

– Как всем вам известно, я многие годы посвятил этому городу, стараясь сделать его еще более великим и процветающим. Настоящим раем для избранных. И я делаю это с помощью индустрии и развлечений, превращая его в центр великой нации. Но меня уже перестало устраивать то, что я могу сделать в частном бизнесе. Мне этого мало. Я решил пополнить ряды самоотверженных людей, которые посвящают себя, свои жизни, свои имена, свои семьи обществу. Стать тем, кто жертвует собой во имя всеобщего блага. Я решил избираться на пост мэра города Нью-Йорка...

Комната взорвалась поздравлениями. Пенелопа подавила зевок и растерянно взглянула на Элизабет, словно ища у нее подтверждения, что не ради этого объявления они все сюда приглашены. Но лицо подруги было непроницаемым, а холодный вежливый взгляд был прикован к этому хвастливому старику. Пенелопа вздохнула и тоже решила внимательно послушать.

– Благодарю, благодарю вас. Конечно, нам придется подождать до следующего года, но я рассчитываю на вашу поддержку в ноябре.

Взгляд Пенелопы скользнул от старшего Шунмейкера к нарядам гостей – пышные юбки, украшения, горностаи. Гости потягивали шампанское и пытались изобразить на лицах искренний интерес. Пенелопа как раз разглядывала декорированную золотыми листочками дверную раму, когда старик вдруг перестал рассуждать о политике и перешел к следующей теме, куда более занимательной. – И я должен сделать еще одно объявление, более личного характера, но не менее радостное. Генри... мой сын, мой единственный сын, столь быстро ставший мужчиной, способным идти по моим стопам, недавно пришел ко мне с новостью, которую ждет каждый отец. Он пришел и сказал: «Папа, я влюбился».

Сердце девушки сжалось от восторга и сладостного волнения. Она и в самом деле узнала все очень быстро – почти сразу же. После стольких месяцев тайных встреч это неожиданное признание в любви было просто потрясающим! Конечно, это в любом случае произошло бы, но получить признание публично, во всеуслышание, да еще в такой великолепной обстановке... Замечательная идея – пусть и немного самонадеянная. Возможно, это было не совсем так, как ей хотелось бы, но... Генри способен на оригинальные поступки. Такой сюрприз был вполне в его духе, за это она его и любила. Пенелопа наконец позволила себе широко и гордо улыбнуться, еще крепче сжимая руку Элизабет.

– Генри сказал, что я первым должен узнать о его предложении руки и сердца мисс Элизабет Холланд и о том, что предложение принято.

Толпа разразилась одобрительными возгласами, а Пенелопе показалось, что она теряет сознание. Девушка не могла даже дышать, не то, что говорить. Когда взгляды всех гостей стали обращаться в их сторону, улыбка исчезла с ее лица, губы приоткрылись, руки дрожали. В горле пересохло, в голове странно гудело, и ей казалось, будто по ней проехался тяжелый обоз. Ощущения унижения, боли, ярости бурлили в ее груди.

Она отбросила руку Элизабет, словно ядовитую змею, и с ужасом смотрела, как ее лучшая подруга выступила вперед, в сияние этих нелепых восторженных улыбок. Элизабет оглянулась и посмотрела на нее с извиняющейся гримасой. И тут Пенелопа увидела, как, отделившись от толпы, к счастливой невесте направляется какой-то смутно знакомый мужчина с неаккуратными усиками и любезной миной клерка. Через мгновение Пенелопа поняла, почему этот человек показался ей знакомым: он несколько раз помогал ей, когда она была в «Тиффани», и вот теперь он был здесь, доставляя ценный груз его полноправному хозяину. Она смотрела на него с любопытством и ужасом, пока он извлекал из кармана маленькую бархатную коробочку. На всеобщее обозрение явился громадный сияющий бриллиант, и Пенелопа почувствовала, что больше не может выносить этот позор. Все происходящее казалось ей дурным сном. Она попятилась в галерею, где вдруг очнулась и обнаружила, что, прислонившись к стене, смотрит на экспонаты. Дерево, потом какие-то серебряные кувшины и мягкие листья папоротника... Пошатываясь, девушка двинулась дальше. Через пару шагов она остановилась, ударила кулаком по дереву, вся пылая от ярости и негодования, и уже не смогла остановиться. Потом ее вырвало прямо в серебряный горшок.

Слава богу, гости были в другой комнате и ничего не видели, но, скорее всего, слышали. Через секунду рядом оказался Бак, шепча, что должен увести ее, пока не случилось еще чего-нибудь. Началась какая-то суета, и как сквозь туман, стараясь не потерять сознание, Пенелопа услышала голос Изабеллы. Она говорила Элизабет, что Генри готов вести ее на обед, и что ей следует поторопиться. Пенелопа спряталась за спиной Бака, как за щитом, и поняла, что не сможет даже послать бывшей подруге ненавидящий взгляд. Она была полностью раздавлена и опустошена. А Изабелла тем временем уже почти выталкивала бледную как полотно Элизабет из комнаты, где прекрасные мечты Пенелопы были так неожиданно и жестоко развеяны в прах...

15

Только что сложившиеся пары всегда будут флиртовать друг с другом; из морально-этических соображений необходимо, чтобы им не позволялось делать это на публике. Не стоит, чтобы их видели одних в городе, особенно в театре. И места за обеденным столом должны выбираться так, чтобы эти двое не сидели напротив друг друга. Они будут только дразнить и смеяться друг друга, а это непозволительно.

Мистер Л. А. М. Брекенридж. Этикет высшего общества

Генри утешало только то, что правила этикета, предписывающие, как вести себя за столом, были предельно лаконичны, ясны и понятны. Так что ему, к счастью, не пришлось разговаривать со своей будущей женой на протяжении всего вечера. За это время на столе успели смениться шесть блюд – званый обед в честь помолвки. Генри даже взглянул несколько раз через широкий, отделанный ониксом стол на Элизабет Холланд, сияющую и прекрасную, но слишком скромную и скучную, на его вкус. На ее руке теперь сверкал его подарок, гордость «Тиффани». Генри долго смотрел на камень, столь огромный, что скрывал сам палец, и в конце концов понял, что ведет себя грубо. А понял он это, когда его нареченная деликатно кашлянула. Камень был слишком крупным, кольцо было лишено изыска и, как казалось Генри, не имело к нему никакого отношения. Генри остановил пробежавшего мимо слугу и попросил еще бокал.

Отец, похоже, был доволен и даже немного смущен всеми этими потоками льстивых поздравлений. Очевидно, в этот раз он не заметил, что Генри решил напиться. Старик сидел в

кресле во главе стола, громко изрекая высокопарные фразы. Справа от отца расположилась Изабелла. Генри усадили между ней и младшей сестрой, Пруды, которая мнила себя интеллектуалкой, а потому облачалась исключительно в черный муслин и ни с кем не разговаривала. С другой стороны стола, слева от старого Шунмейкера, восседала миссис Холланд с каким-то парнем по имени Бреннан. За ними сидела Элизабет, задумчиво перемешивая в своей тарелке салат из лобстеров.

Через два места от нее сидела Диана, юная и обворожительная. Но вместо того чтобы вести себя сдержанно и спокойно, как требовали приличия, она вертелась, жестикулировала, смеялась, надувала губки, в результате чего и платье, в которое ее впихнули, и сама комната стали выглядеть нелепо и чопорно. Ее глаза то сверкали гневом, то лучились радостью, и в сравнении с ее постоянно меняющимся сияющим взглядом золото на столе выглядело грудой потускневшего железа, а все окружающие казались лишь бесцветным фоном для нее, такой живой и такой прекрасной.

Генри представил ее в своей шляпе и улыбнулся про себя. Целовать младшую сестру через полчаса после предложения руки и сердца старшей – так далеко он еще никогда не заходил! Время от времени он пытался поймать взгляд Дианы, но ей каким-то непостижимым образом удавалось смотреть на все что угодно, кроме него.

– Вы читали «Пробуждение»? – спрашивала она того игрока в крикет из Пенджаба, или кто он там был, расположившегося рядом с ней. Предполагаемый принц качал головой, улыбаясь и продолжая бесцеремонно разглядывать ее.

– Говорят, произведение слишком скандальное, и его вряд ли еще раз опубликуют. Но это гениальная вещь!

– Я впечатлен тем, как много вы читаете, – Принц с такой фамильярностью придвинулся к Диане, что Генри захотелось встать и хорошенько ему врезать, – Когда я жил в Англии, мне казалось, что леди совсем ничего не читают.

– О, да, я порой чужда условностям, – ответила Диана с теми же сияющими глазами, что так вскружили голову Генри в прошлое воскресенье.

Он посмотрел на стол и с радостью заметил полный бокал скотча, появившийся словно по мановению волшебной палочки. Став свидетелем публичного унижения Пенелопы, официально обручившись с ее лучшей подругой и обнаружив, что неотвратимо влюбляется в ее младшую сестру, Генри прибегнул к выпивке как к единственной безопасной тактике. Он повернулся вправо, перегнулся через Пруды к своему другу Тедди и поднял бокал.

– Веселись и благодари Бога, что ты в этом не замешан. Ты можешь сидеть спокойно и наблюдать, как я прохожу через все эти круги ада.

Тедди оторвал взгляд от миловидной кузины Холландов, сидевшей рядом с ним с другой стороны.

– Поздравляю! – ответил Тедди, поднимая свой бокал. – За моего удачливого друга. Ты ее не заслуживаешь.

– Что это значит? – любопытно спросил Генри.

– Ничего, ерунда, – рассмеялся Тедди. – Пей и не будь таким угрюмым, хорошо?

Генри тяжело вздохнул и залпом опрокинул в себя почти целый бокал крепкого напитка. Его терзали противоречивые чувства, и он сейчас был совершенно не в состоянии в них разобраться. С одной стороны, он уже начал видеть в предстоящем браке определенные плюсы. А с другой стороны... Он всеми силами пытался не думать о том, что его холостяцкая свобода и запретные развлечения в другой, менее элегантной части города навсегда останутся в прошлом. Генри отодвинул бокал с остатками скотча и уставился на блестящие красные грейпфруты, лежащие на блюде в центре стола.

– Ну так как, мисс Диана, – звенящим голосом обратилась Изабелла через стол, – Вы с мисс Холланд уже выбрали цвета для свадьбы? Знаете, сейчас самым модным для невест оттенком считается розовато-лиловый. На моей свадьбе...

– Розовато-лиловый – вчерашний день, – обрубил Диана. Несколько темных завитков упали на шею, словно подчеркивая ее неодобрение.

– О нет, – вмешалась Элизабет, – Это прелестный цвет. Хотя... – тут она понизила голос, словно заметила кусочки еды на чьем-нибудь подбородке, – Он слишком популярен.

– О, я понимаю, что вы имеете в виду, дорогая. Но представьте: ваши семь самых близких друзей в этом дивном цвете...

Генри снова попытался встретиться взглядом с Дианой, заглянуть в ее огромные живые глаза. Его постоянно отвлекали: вокруг стола суетились слуги, молодые люди хлопали в ладоши и пронзительно кричали, и Генри это начинало раздражать. Он все больше и больше чувствовал в Диане родственную душу, он знал, что она тоже считала все эти разговоры о свадьбе скучными и бессмысленными. И внезапно он осознал, насколько ему стали безразличны и неинтересны привычные балы, вечеринки, развлечения... Все, чего он жаждал сейчас, – поговорить с Дианой и очередной раз убедиться, насколько совпадают их вкусы и предпочтения.

Ее взгляд долго блуждал по потолку и стенам, но в конце концов Генри дождался своего. Она все же посмотрела на него, и долгое время он удерживал ее взгляд. Затем Диана встряхнула волосами, решительно встала из-за стола и поспешила выйти из комнаты.

– Сэр, могу я забрать вашу тарелку?

Генри в замешательстве поднял глаза на одного из нанятых официантов.

– О, да, – ответил он, глядя, как исчезает наполовину съеденное блюдо из лосося в кремовом соусе. Отец все еще был занят дискуссией о ценах на сталь. Изабелла и Элизабет спорили о достоинствах барвинка и лаванды. Миссис Холланд пожирала счастливыми глазами обручальное кольцо своей дочери, а Пруды бормотала что-то невнятное, держа в руке стакан с красным вином. В углу тихо пела виолончель. Генри зажал в руке бокал с плескавшимся на дне скотчем и бесшумно выскользнул из-за стола.

Он вышел в коридор и направился в ту сторону, откуда раздавались шаги. Фигура в светло-розовом платье спешно удалялась от него. Она исчезла за углом, но Генри уже заметил ее. Он быстрым шагом последовал за девушкой, пытаясь не выронить из рук бокал.

Она свернула в другой длинный коридор. Внезапно он споткнулся на небольшом пролете и ввалился в оранжерею, чуть не подвернув ногу и едва не разбив стакан. До девушки, влечение к которой разгоралось с каждой секундой, оставалось всего несколько шагов. Один из ее больших пышных рукавов соскользнул, обнажив плечо, но Диана словно не замечала этого. Она подняла голову и встряхнула кудрями, любясь молчаливым великолепием этого места: стеклянный купол, влажный воздух, изобилие растений. Он молча стоял и смотрел, как она глубоко вздохнула, а затем приблизила лицо к большой голубой гортензии.

– Они прекрасны, не правда ли? Теперь вы знаете, почему моя семья никогда не посылает за свежесрезанными цветами... – Генри небрежно прислонился к двери и отпил глоток скотча, – Но, увы, они совсем не пахнут.

Диана медленно повернула голову в его сторону.

– А, это вы... Да, я знаю, что они не пахнут, – она посмотрела на гортензию и пожала плечами, – Думаю, вы хотите вернуть шляпу.

– Нет, она теперь ваша. На вас она смотрится куда лучше, чем...

– Да, вы это уже говорили, – с горечью в голосе оборвала его Диана. – Очень мило...

– Мисс Диана, почему вы столь строги со мной? – Генри саркастично улыбнулся, задействовав столь часто используемый тон и тему. – Разве вы не хотели, чтобы я последовал за вами? Почему же тогда вы так демонстративно сбежали?

– Я ушла, потому что более не могла выносить ваш взгляд! – Глаза Дианы затуманились гневом. Она отпустила цветок и посмотрела по сторонам, – Кажется, у вас только одно достоинство, мистер Шунмейкер, – продолжила она уже более сдержанным тоном. – Это ваша оранжерея. А сейчас мне нужно идти.

Она шагнула к двери, но Генри, не привыкший к столь пренебрежительному отношению к себе со стороны женщины, загородил ей дорогу. Глаза Дианы вновь возмущенно сверкнули, но это лишь прибавило ей очарования.

– Вы хотите, чтобы эта оранжерея стала вашей, а не Элизабет? – засмеялся он.

– О, я вас умоляю! – Диана оттолкнула его, и Генри, улыбаясь, покорно отстранился. Когда она проталкивалась мимо, он почувствовал жар ее тела и громкое биение сердца.

– Даже слышать такое противно. Я вам не игрушка, Геи...

Но, не успев договорить, девушка споткнулась и чуть не упала. Платье чуть задралось, и

она лихорадочно схватилась руками за стену.

– Вы в порядке, мисс Ди? – Генри не смог сдержать ехидный смешок.

Диана резко выпрямилась, гневно поправила подол, стиснула кулаки и обернулась к Генри.

– Я никогда не завидовала и не буду завидовать сестре со всеми ее дурацкими желаниями и фальшивыми успехами. Я их терпеть не могу. А с этого дня не могу терпеть и вас.

Она двинулась обратно по коридору размашистым, почти мужским шагом – такой походки он не видел ни у одной леди Нью-Йорка. Не успел Генри решить, хочет он остановить ее или нет, Диана уже исчезла.

Он допил скотч, вздохнул и посмеялся над собой, попавшим в очередную нелепую ситуацию. Выждав некоторое время, Генри вернулся в гостиную, где уже подавали десерт. Слава богу, никто не заметил его отсутствия. Но мимолетная радость быстро сменилась разочарованием. Все, что он видел перед собой – все эти лица с тоннами макияжа, склоненные над едой, пронзительный смех над старыми надоевшими шутками, – было столь жалким и скучным, что его захлестнула волна отвращения. За столом была только одна пара живых глаз, и они старательно его избегали. Когда он вернулся на свое место, вежливо кивнув Элизабет и ее матери, он казался себе отвратительным, как только что назвала его в приступе ярости Диана своим невероятно нежным голосом.

16

На званом обеде для друзей, устроенном в эту пятницу мистером Вильямом С. Шунмейкером, было объявлено о помолвке его сына Генри и прекрасной Элизабет Холланд, и по этому случаю подарено кольцо стоимостью в тысячу долларов. Хотя многие в обществе удивятся этой партии, я быстро разглядел все достоинства данного союза. Оба они из лучших семей и, несомненно, принесут в него изящество, стиль и дух своего класса. Дата свадьбы вскоре будет объявлена...

Из светских новостей «Нью-Йорк Империл», суббота, 24 сентября, 1899 год

– Что ты здесь делаешь? Лина отвернулась от окна в комнате Эдит Холланд на третьем этаже и явила сестре самое невинное выражение лица.

– О, я просто меняла простыни и... сегодня такое прелестное утро, мне захотелось выглянуть на улицу.

На самом деле она выбрала эту работу, потому что знала: Вилл отправился по поручению миссис Холланд, и она хотела увидеть его по возвращении. Она сгорала от нетерпения и каждую минуту подходила к окну в надежде, что он появится. Клэр подошла к ней и обняла за плечи.

– Последние несколько дней ты так много и усердно помогала мне, милая. Я хочу, чтобы ты знала, как я это ценю.

Лина пожала плечами, словно речь шла о сущих пустяках. За эту неделю она сделала больше работы, чем за несколько предыдущих месяцев, но это потому, что лишь за работой она могла забыть о том, что Вилл влюблен в Элизабет. Она уставала до оупения и заглушала душевные муки болью в руках и в голове. Она предпочитала чувствовать изнеможение и гнев, а не боль разбитого сердца.

– Я знаю, как тебе тяжело, – произнесла Клэр мягким, материнским голосом, – Ты ведь трудишься гораздо больше меня. Но, надеюсь, ты теперь понимаешь, что если мы будем стараться, у нас появится шанс на более достойную жизнь.

Лина положила голову сестре на плечо. Она не разделяла взгляды сестры, они казались ей наивными, но Лина ни чего не сказала. Она не хотела обижать сестру и понимала, что спорить с ней бесполезно.

– И мы обязательно найдем настоящую любовь, – мягко продолжила Клэр, – Как мисс Лиз.

– Что? – вздрогнула Лина, поднимая голову, чтобы посмотреть на сестру. Сердце ее вновь сжалось, но потом она поняла, что сестра говорит не о Вилле. Было заметно, что глаза Клэр сияли радостным волнением, вызванным очередной потрясающей новостью. А для Клэр любовь мисс Элизабет к какому-то конюху была бы не романтической историей, а настоящей трагедией.

– О чем ты говоришь? – Лина удивленно смотрела на сестру.

– О мисс Элизабет и Генри Шунмейкере, конечно же! Я только что об этом прочитала, – она игриво отпрянула и упала в покрытое парчой кресло у окна – Думаю, его роман с мисс Хейз был сплошным притворством. Он никогда не любил ее. Хочешь послушать?

– Да, да! – нетерпеливо ответила она. – Что там говорят?

Клэр улыбнулась и поудобнее устроилась в кресле. Она вытащила из кармана передника свернутую газету и стала медленно водить пальцем по строчкам.

– А, вот оно! Обед для друзей был дан в эту пятницу...

Лина внимательно слушала. Когда Клэр озвучила невероятную стоимость кольца для помолвки, послышался стук двери конюшни.

– Я сейчас вернусь, – оборвала она сестру.

– Куда ты идешь? – воскликнула Клэр – Я еще не дочитала...

– Я... наволочки, вышитые... я оставила их отмокать, и они будут в ужасном состоянии... – Лина уже была на полпути к двери, но вдруг повернулась и выхватила газету из рук сестры, – Можно, я ее возьму? Сейчас принесу! – добавила она, исчезая за дверью.

Она бежала по ступенькам, и сердце ее бешено колотилось. Ненависть к самой себе и к сопернице, чувство полнейшей безнадежности и отчаяния, терзавшие ее всю прошедшую неделю, сменились внезапной уверенностью, что она может все повернуть в свою пользу. Она скажет Виллу, что Элизабет помолвлена, а затем сможет прекрасно преподнести себя в качестве замены.

Через две минуты она уже была в кухне, где пахло вареными потрохами. Запах, знакомый с самого детства, когда они еще жили в собственной маленькой квартире. Лина и не знала, что Холланды могут есть то же самое. Повара нигде не было видно, девочка-поваренок чистила картошку. Она даже не повернулась на звук шагов, так что Лина проскользнула в конюшню практически незамеченной.

Она сразу же увидела его: он сидел в деревянном кресле, листая книгу.

– Ты читаешь «Империал»? – пробормотала она первое, что пришло в голову, а потом, помолчав, выпалила: – Элизабет лжет тебе!

Вилл раздраженно посмотрел на нее и растерянно оглянулся, словно стараясь понять, что делать дальше.

– Я... ты имеешь в виду мисс Холланд?

– Да. Именно мисс Холланд. И я видела, как она рано утром уходила из твоей комнаты. Так что я знаю о вашей связи.

Вилл сидел в кресле, опустив плечи и уставившись в пол. Помолчав, он глухо произнес:

– Я не знаю, о чем ты говоришь, Лина, но могу сказать тебе абсолютно искренне, что между мной и мисс Холланд ничего нет. И для тебя очень опасно говорить такие вещи, поэтому никогда больше...

– Вилл, послушай, я твой друг. – Она знала, что сейчас выглядит отвратительно, с расширенными глазами, искривленным ртом и дрожащим голосом, но не могла остановиться. Она должна сделать то, что задумала... – Не имеет значения, что ты мне скажешь. Можешь врать или молчать – мне все равно! Но, думаю, ты захочешь узнать, что твоя мисс Холланд помолвлена.

Вилл с блуждающим взглядом откинулся на спинку расшатанного кресла. Он избегал смотреть Лине в глаза и, казалось, не знал, что ответить. Потом тихо произнес:

– Откуда ты знаешь?

– Прочла в газете, как и все остальные. Только не думай, что это все слухи. Ее жених приходил сюда на прошлой неделе. Ты его видел, это мистер Генри Шунмейкер, – она протянула газету и продолжила более мягким голосом. – Можешь сам прочитать, если хочешь...

Вилл резко встал и отшвырнул от себя кресло. Оно отлетело назад и упало на покрытый соломой пол. Он прошел несколько шагов и остановился, дотронувшись рукой до столба. Лина видела, как ему больно, и подумала, что, возможно, недооценила глубину его чувств к Элизабет.

Повисла тишина, только лошади шумно дышали в стойлах. Вилл медленно покачал головой и затем дрожащей рукой заправил волосы за ухо. Лина даже на мгновение пожалела, что пришлось ему это сказать. Но только на мгновение.

– Что там написано? – спросил он глухим голосом.

Она немного постояла в нерешительности и, запинаясь, начала читать. Затем, опустив газету, тихо произнесла:

– Мне кажется, все еще может измениться, Вилл.

И тут он со всей силы ударил кулаком по деревянному столбу. Столб был довольно старым и не особенно прочным, поэтому древесина легко расщеплялась. Вилл ударял по нему снова и снова, с такой яростью, что Лина боялась, как бы он не навредил себе. Щепки летели во все стороны. Наконец Вилл ударил в последний раз, потом медленно повернулся, и она увидела, как с разбитых пальцев капает кровь. В конце концов он поднял на нее глаза.

Его лицо было настолько искажено болью и страданием, что она не удержалась и подошла к нему. Подняла кресло и заставила его сесть.

– Сядь, – сказала она. – Просто сядь...

Она осмотрелась в поисках воды, которой можно промыть раны. Взяла таз, из которого Вилл мыл лошадей, и окунула его руку. Осмотрев кровоточащую кисть и пальцы, вынула те занозы, которые смогла разглядеть. Обтерла кровь своей нижней белой хлопчатой юбкой, а затем вновь стала вытаскивать грубые кусочки древесины. Очистив кулак, Лина оторвала от подола длинную полоску и перевязала руку. Выглядело немного неумело и нелепо, но, по крайней мере, повязка впитывала кровь.

Свернутую газету она положила на пол у его ног. Потом забралась по лестнице в его маленькую комнатку, где, как она знала, он хранил виски. Утренний свет просачивался сквозь маленькое окошко, падая на книги и одежду. В кармане брюк она отыскала стеклянную бутылку, наполовину заполненную коричневой жидкостью, и спустилась с ней вниз.

Однако Вилл отмахнулся от бутылки. У него до сих пор дрожали губы от переполнявших его чувств, газета лежала на коленях. Должно быть, он еще раз перечитывал статью.

– Мне очень жаль, – только и смогла пробормотать Лина.

У нее в горле застрял комок, при одном взгляде на убитого горем Вилла на глаза наворачивались слезы. Она снова подумала, что его чувства к Элизабет намного глубже и сильнее, чем она представляла. И хотя еще полчаса назад она была уверена, что настал идеальный момент для признания в любви, несчастный вид Вилла заставил ее промолчать.

Спутанные волосы, мутный взгляд, перекошенное лицо... Она вновь протянула ему бутылку, и на этот раз он сделал большой глоток.

– Нет, все-таки я рад, что ты мне сказала, – сказал он, протягивая ей виски.

Лина отпила из бутылки, огненная жидкость обожгла губы, согрела желудок. Она взглянула на Вилла и тяжело вздохнула, покачав головой. Он растерянно посмотрел ей в глаза.

– Спасибо, что рассказала мне, Лина. Просто побудь со мной еще немного, хорошо?

Она улыбнулась, чувствуя, как от радости закружилась голова. Она нужна Виллу! Что может быть лучше? Если бы они могли провести вместе хотя бы несколько часов!

– Конечно, я останусь с тобой, – она взяла его руку и легонько сжала. – Останусь до тех пор, пока нужна тебе.

17

Ты по этой причине меня избегаешь?

Вилл.

Элизабет все утро не выходила из своей комнаты и постепенно начала привыкать к

одинокости. Она в очередной раз поблагодарила Бога, что у нее помимо прочего есть и такая роскошь, как собственная комната, в которую никто не мог войти без ее разрешения. Снова и снова ее мысли возвращались к Виллу. Она до сих пор ничего ему не рассказала, и это было подобно пытке. Элизабет не решалась признаться ему, но не решалась и солгать. Всеми силами девушка пыталась отсрочить неизбежное, и три дня назад она сочинила короткое послание, написав, что очень занята и придет, когда освободится. Записку она оставила у него на комод, когда Вилл уезжал по заданию хозяйки. Ответа не было до сих пор.

Но в воскресенье Холланды всегда принимали гостей, и Элизабет знала, что ей скоро придется покинуть свое убежище. Служанка вела себя странно: избегала смотреть в глаза, постоянно молчала или же вообще не приходила в то время, когда была нужна. Элизабет пока не хотела рассказывать об этом матери, потому что все-таки была привязана к Лине и жалела ее. Так что она сама уложила волосы в аккуратный пучок, облачилась в белую английскую блузку и строгого покроя голубую датскую юбку, но так и не смогла заставить себя надеть драгоценности – кольца с бриллиантом, который она с прошлой пятницы носила повернутым камнем внутрь, было более чем достаточно.

Ей становилось дурно при одной только мысли о Генри Шунмейкере и о предстоящей свадьбе. Он уже сполна продемонстрировал все свои худшие черты, все грани своего лицемерия; беспечности и эгоизма. И Элизабет уже сейчас понимала, насмотревшись на него, пьяного и жалкого, в пятницу вечером, что их совместная жизнь будет насквозь фальшивой, лишеной любви, близости и понимания. Она пыталась заставить себя не думать о Вилле – от каждого воспоминания о нем на глаза наворачивались слезы. Ей хотелось забыть обо всех запретах, броситься в его объятия, уехать с ним... Но ей было страшно даже представить, что тогда случится с ее семьей.

Приготовившись встретиться лицом к лицу с миром, она решительно распахнула дверь спальни и замерла при виде газетного листа, упавшего на пол. Он был аккуратно свернут и просунут в бронзовую ручку двери. Элизабет мгновенно поняла, что это был ответ от Виллы, и с трепетом подняла страничку светской хроники с объявлением о собственной помолвке. Внизу размашистым почерком Вилла было приписано: «Ты по этой причине меня избегаешь?». Нежные щеки Элизабет вспыхнули, горло мгновенно пересохло, дыхание перехватило, желудок скрутило, сердце бешено забило. Она сунула газету в карман, прислонилась к стене и попыталась успокоиться, но не могла унять волнение и остановить дрожь во всем теле. Она оглянулась, словно ожидала увидеть в конце коридора Виллу, и потом поспешила к лестнице для слуг, чтобы найти его.

Когда она уже прошла половину ступенек, внизу открылась дверь, появилась Клэр и начала подниматься по лестнице. Увидев хозяйку, девушка остановилась и удивленно подняла брови.

– Мисс Холланд! Что вы здесь делаете?

– О, – Элизабет замерла на ступеньке, несколько секунд придумывая ответ, – Я решила проверить, готов ли обед, прежде чем присоединиться к семье и гостям...

Клэр посторонилась, пропуская госпожу вперед.

– Ну что вы, в этом нет никакой необходимости! – она мягко взяла Элизабет за руку, – Я сама все сделаю. Вам нужно вернуться к гостям. Особенно сейчас, потому что... – она замолчала и смущенно пожала плечами. Элизабет заметила, как вспыхнули щеки Клэр, и поняла, что та хотела сказать что-то о помолвке, но не решилась. Клэр проводила Элизабет по коридору и открыла перед ней двери гостиной.

Переступив через порог, Элизабет увидела сестру в се обычной позе: в турецком уголке, полулежа на подушках, с томиком стихов. Клэр одела Диану в довольно скромное платье из струящегося индийского льна, в теплых розовых и коричневых тонах. Платье очень украшало девушку, подчеркивая ее природную прелесть. Кроме всего прочего, эта ткань удивительно подходила к ее роскошным волосам, делая их еще более притягательными.

– Доброе утро, Элизабет!

Девушка повернулась и столкнулась с довольно жестким взглядом матушки, упрямой в броню узкого черного платья с вышивкой и длинными рукавами. Та восседала у потушенного камина в кресле с высокой спинкой.

– Мистер Генри Шунмейкер только что прислал свою карточку. Я настаивала, чтобы он остался на чай, но, похоже, у него другие планы. Он хочет прямо сейчас покататься с тобой в Центральном парке. Именно так, Клэр?

Элизабет медленно повернулась и посмотрела на Клэр, все еще маячившую у двери.

– О, да, он именно так и сказал, – выдохнула служанка. Элизабет оглянулась и перехватила взгляд Дианы до того, как та спрятала лицо в книге. – Он ждет снаружи, – продолжила Клэр более уверенным голосом, – И кажется крайне нетерпеливым. Даже не зашел в дом.

– Ну что ж... Очень хорошо, – промолвила миссис Холланд.

Элизабет все еще стояла в проходе, не зная, что делать: войти и сесть или выйти, чтобы встретить Генри. Она смотрела, как мать, властная и неприступная, царственным шагом приближается к ней. Элизабет молчала, все еще не зная, как поступить. Ей все время страстно хотелось, чтобы ее подбодрили, одобрили, чтобы мать вела себя с ней помягче. И в эту минуту она почувствовала, что ей необходимы материнское объятие, поцелуй, ласковое слово. Но еще с детства мать приучила девочек к строгости и сдержанности, так что Элизабет промолчала.

– Мне нужно остаться и встречать гостей. Твоей тете Эдит нездоровится – бедняжка, думаю, она никак не может оправиться от той тяжелой пищи, которой потчевала нас Изабелла де Форд. То есть Изабелла Шунмейкер. Поэтому сопровождать тебя на прогулке будет Вилл. Он уже подготовил лошадей, ведь даже когда мы...

– Нет! – Руки Элизабет помимо воли взлетели к вспыхнувшим щекам при одной лишь мысли, что Вилл и Генри столкнутся лицом к лицу. В ушах зашумело, она покрылась холодным потом.

– Что с тобой? – раздраженно отозвалась миссис Холланд. Она строго взглянула на дочь и положила руки на спинку кресла.

– Я... – Элизабет лихорадочно пыталась придумать причину, по которой она не могла поехать кататься в такой чудесный сентябрьский день. Она сминала в кармане записку Вилла и думала о том, как ужасно будет встретиться с ним сейчас, – Я просто...

– Ты просто что? Элизабет, не заставляй меня краснеть из-за тебя. Твой жених ждет! Не стой как истукан, не позорься перед ним.

– Но я... – пролепетала Элизабет. Она вновь увидела, каким тяжелым взглядом одарила ее мать, и пошла, что у нее нет выбора, что в любом случае придется идти. Собравшись с силами, она схватилась за последнюю спасительную ниточку: – Я хотела сказать, что нам нужно соблюдать приличия. И будет очень хорошо и правильно, если Диана поедет со мной.

– Нет! – раздался резкий возглас младшей сестры.

– Но Диана, прошу тебя! – настойчиво произнесла Элизабет, едва сдерживаясь, чтобы не топнуть ногой.

Диана подоткнула подушки и раздраженно вздохнула.

– Я не собираюсь идти на долгую, скучную прогулку только потому, что ты боишься собственного жениха.

– Диана, ты ведешь себя очень странно, – холодно промолвила мать. – Отправляйся с сестрой, пока не вывела меня из себя!

– Не то чтобы я его боюсь, просто... – начала было Элизабет. Подняв глаза, она увидела, что сестра уже встала. Так ты все-таки идешь!

– Да, иду, – мрачно ответила Диана, поправляя платье, смявшееся от лежания среди подушек. – Но не думай, что я буду с кем-нибудь разговаривать.

– Девочки, – вмешалась миссис Холланд, – прекратите вести себя так странно – это ужасно некрасиво. И не забудьте шляпы. Я буду невероятно расстроена, если перед столь значимым событием у вас появятся веснушки.

Диана послала матери широкоую, насквозь фальшивую улыбку и направилась к двери. Элизабет последовала за сестрой в коридор, откуда сквозь стекло в парадной двери увидела Генри, ожидавшего у порога. Он был в узких черных брюках со стрелками и цилиндре, надвинутом на затылок. Молодой человек смотрел в сторону ворот и казался погруженным в глубокие раздумья. Элизабет повернулась к сестре, мрачно, исподлобья, глядевшей на дверь. Это, конечно же, не спасет ситуацию, но все лучше, чем остаться один на один с Генри и

Биллом! Элизабет попыталась улыбнуться Диане, выразить благодарность, но помяла, что губы не слушаются ее.

Из гардеробной появилась Клэр с двумя большими соломенными шляпами. Сначала она водрузила одну из них на голову Диане и завязала под подбородком широкие белые ленты, а потом помогла Элизабет.

Спасибо, Клэр, – голос Элизабет дрогнул, когда служанка затянула ленты, – Разожжешь в гостиной камин к нашему возвращению? Мне кажется, здесь довольно прохладно.

На улице их встретил ясный сентябрьский день, запах стряпни, доносившийся откуда-то неподалеку, и бескрайнее голубое небо, которое лишь кое-где закрывали пушистые белые облачка, и несколько зданий, возвышающихся выше шести этажей. Элизабет на мгновение восхитилась прекрасной погодой, но тут же ей вновь стало нехорошо – она увидела Генри, вальяжно повернувшегося к ним, и услышала фырканье четырех вороных скакунов, которые приближались к подъезду. Она обрадовалась, что ее шляпа была сдвинута на лоб из-за забранных в пучок волос. Спасительная тень позволяла спрятать глаза. Только прямой взгляд Вилла удерживал девушку от того, чтобы не упасть в обморок на месте.

– Мисс Элизабет, – сухо процедил Генри и поцеловал протянутую руку. – Мисс Диана, вы ведь присоединитесь к нам, не правда ли?

Последовала пауза, и Элизабет рискнула обернуться, чтобы увидеть, что замышляет Диана.

– По правде говоря, я совсем этого не желала, – грубо ответила младшая сестра. – Но мне неприятно остаться без прогулки в Центральном парке в такой прекрасный день. Иногда свежий воздух и природа оказываются самыми ценными в жизни вещами.

– Как же мне повезло, две леди вместо одной!

Элизабет послышалась ирония в его словах, и она почувствовала еще большую неприязнь к Генри. Взяв Диану за руку, чтобы не упасть, она стала спускаться по лестнице.

– Могу я помочь вам, мисс Холланд? – предложил Вилл с натянутой вежливостью.

– Я помогу, – вмешался Генри. Элизабет хотела подать Виллу знак, но рука Генри оказалась на ее талии, и он провел девушку до самого экипажа. Элизабет, пытаясь успокоить колотящееся сердце, опустила на обтянутое красной кожей сиденье ландо.

Экипаж качнулся, когда Генри уселся рядом с ней, а Диана устроилась напротив. Затем Элизабет услышала свист кнута и лошади тронулись с места, набирая скорость. Девушки схватилась за железный подлокотник, одной рукой придерживая края шляпы. Она так и не решалась поднять голову и сидела, созерцая соломенный край и голубую юбку, занявшую полсиденья, и прислушиваясь к звукам улицы. Вскоре она поняла, что экипаж свернул на Лексингтон-авеню.

– Почему не по Пятой авеню? – окрикнул Генри Вилла, – Дамы любят эту дорогу, именно там могут похвастаться нарядами.

Диана фыркнула, а кучер не издал ни звука. Элизабет закрыла глаза, стараясь не думать о том, что сейчас творится в голове у Вилла.

– Эй, конюх! – раздраженно повторил Генри – Вы разве не слышите? Пятая авеню!

– Вы разве не читаете газет? – спокойно, но уверенно отозвался Вилл.

– Иногда, – хмыкнул Генри, – Но особого внимания им не уделяю.

– Ну, если бы вы уделили им внимание сегодня, то знали бы, что на Пятой авеню сейчас творится настоящий хаос из-за подготовки к параду в честь возвращения адмирала Дьюи с Филиппин. Он выиграл битву в бухте Манила, – Вилл саркастично усмехнулся. – Наверное, вы даже не знаете, что идет война.

Элизабет спрятала под шляпой улыбку, услышав растерянный ответ Генри:

– Я знаю, что идет война. Ладно, поехали по Лексингтон.

Только единожды за всю поездку по парку она оторвала взор от своей юбки и слегка приподняла край шляпы, чтобы взглянуть на Диану, которая сидела, уставившись куда-то вдаль. Элизабет не знала, чего она ждала... Ей была необходима хоть какая-то реакция со стороны Вилла, хоть какие-то слова, пусть даже самые ужасные. Но он молча правил экипажем, гордо выпрямив спину и запрокинув голову. На нём, как всегда, была голубая рубашка с закатанными рукавами, которая так нравилась Элизабет. Она кинула быстрый взгляд на Генри,

чье бесстрастное лицо было повернуто в сторону, и снова перевела глаза на Вилла. Как же ей хотелось знать, о чем он думает! Ландо ощутимо трясло, когда они на изрядной скорости ехали по кочкам. Леди с зонтиками, прогуливающиеся среди вязов, с опаской повернулись в их сторону, удивившись такому безрассудству. Элизабет безумно хотелось, чтобы Диана с Генри исчезли, хотя бы на мгновение. Тогда бы она коснулась руки Вилла, он бы расслабился и придержал лошадей. Он бы понял, что она по-прежнему его любит.

Задумавшись, она не сразу услышала слова Генри.

– Мисс Диана, полагаю, вы будете стоять у алтаря рядом с сестрой?

Этот вопрос заставил Элизабет вздрогнуть. Само упоминание о свадьбе было ей отвратительно. Видимо, для Вилла оно было и вовсе невыносимо, потому что он вновь взмахнул кнутом, и лошади быстро пронеслись по маленькому каменному мосту.

– Нет. Видите ли, они с Пенелопой Хейз в тринадцать лет дали друг другу обещание, – раздраженно отозвалась Диана, – Но мне в любом случае неинтересны такие вещи.

Когда лошади сошли с моста и прибавили шагу, Диане пришлось схватиться за сиденье, чтобы не выпасть из экипажа. Она вскрикнула и одной рукой схватилась за край ландо. Глаза Генри гневно сверкнули в сторону Вилла.

– Что творит ваш кучер? – прошипел он Элизабет. – Он соображает, кого везет? Он что, не понимает, как это опасно? Особенно для девушек...

Вилл, несомненно, услышал замечание, потому что резко направил лошадей на газон, и через несколько мгновений экипаж, подпрыгнув, наконец, остановился. Только рука Генри не позволила Диане выпасть на землю.

– Какого дьявола? Ты ее чуть не убил! – воскликнул Генри, поддерживая Диану и поднимаясь.

– На самом деле я в порядке, – сухо ответила девушка.

От езды ленты шляпы ослабли, ветер сорвал ее с головы Дианы и понес над газоном. Порыв воздуха растрепал и ее волосы, вихрем рассыпав кудри по плечам.

– О, моя шляпа! – воскликнула Диана, отбрасывая волосы с лица и указывая пальчиком, куда унесло шляпку.

Элизабет, приподнявшись, увидела, как та катится по траве. Генри, который уже был почти готов к драке с Виллом, спрыгнул на землю и помчался за шляпой с криком: «Подождите, я принесу ее!»

– Нет, не принесете! – воскликнула Диана и, не дав Элизабет опомниться, спрыгнула на траву.

Подобрав юбки, она бросилась за Генри по зеленому полю, усеянному отдыхающими. Тут и там сидели мужчины в соломенных канотье и их спутницы, с надменными взглядами и перетянутыми талиями. Все они с любопытством глазели, как дети благородных семейств, Шунмейкер и Холланд, громко крича, неслись по лужайке. Однако у Элизабет не было времени, чтобы обдумывать, насколько неприлично они себя вели. Вилл спрыгнул с козел и повел лошадей на дорогу.

Элизабет повернулась и осторожно, чтобы не угодить под колеса, подошла к возлюбленному. Когда он обернулся, девушка с удивлением увидела на его лице не ярость, а спокойствие и решимость. А затем заметила большую нелепую повязку на руке.

– Что случилось? – Она инстинктивно потянулась к повязке.

Вилл покачал головой и отвел руку. Солнце отражалось в его голубых глазах, лучи придавали его светлым прядям рыжий оттенок. Казалось, он уже знал, что собирался сказать.

– Ты же ведь не хочешь этого, – произнес он глухим, сдержанным голосом.

Элизабет оглянулась. Отдыхающие, похоже, не обращали на них ни малейшего внимания, но она еще никогда не говорила с Виллом на людях, и сердце ее сжалось от страха.

– Вилл, мне очень жаль, – выдохнула она. – Прости, что...

– Не говори ничего, – сказал он, приближаясь к ней.

– Но ты должен понять, это из-за моей семьи, мы...

– Я не хочу слышать о твоей семье. Я уезжаю, Элизабет. Уверен, у тебя есть веские причины, но если ты останешься здесь и выйдешь замуж за этого мужчину, будешь жалеть. И все еще хочу, чтобы ты была моей женой, Лиззи, но это невозможно, пока мы здесь. Это

возможно лишь на Западе. Именно туда я и отправляюсь, – Он опустил глаза, крепко сжимая поводья. Через несколько секунд Вилл перевел дыхание и посмотрел прямо на Элизабет, – Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Элизабет поднесла ладони к лицу. Ей было невыносимо больно смотреть в светло-голубые глаза Вилла, горевшие такой страстью, такой надеждой. Девушка почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы, и отвернулась. Она боялась, что не сможет больше сдерживаться, если взглянет Виллу в глаза. Чувство беспомощности и тоски захлестывало ее. Она долго стояла так, оцепеневшая и несчастная, посередине Центрального парка, закрыв лицо руками.

18

*Не ищите юношей в ночи –
Они говорят комплименты,
но оставляют ирамы на сердце.
Ищите юношей в парке –
Там найдете настоящих джентльменов.
Песенка швеи, 1898 год*

– Пойдите! – кричала Диана, стрелой промчавшись по расстеленной на траве красно-белой скатерти и чудом не столкнувшись с ребенком, не успевшим уйти с дороги. Мысли не успевали за ногами, но в одном она была уверена: Генри ни за что не должен коснуться ее шляпы. – Мне не нужна ваша помощь!

Услышав ее слова, он сбавил скорость. Кроме всего прочего, Диане не понравилось, как Генри разговаривал с кучером. Она злилась: Вилл был частью их семьи, а его неповиновение и быстрая езда Диане давно нравились. Она уже почти догнала Генри, когда услышала резкий гнусавый голос какой-то очевидицы: «Так вот как Холланды стали воспитывать своих дочерей».

Фыркнув, она одарила худосочную миссис презрительным взглядом и побежала дальше. К тому времени, как Диана наконец поравнялась с Генри, она вся покраснелась, волосы окончательно растрепались. Остановившись, она почувствовала, как сильные порывы ветра продувают насквозь ее платье и разгоряченное тело покрывается гусиной кожей. Она посмотрела на Генри и произнесла как можно холоднее:

– Благодарю, но мне не нужна ваша помощь.

Он посмотрел на нее своим прищуренным слащавым взглядом, к которому она сейчас была совершенно невосприимчива, и ответил:

– Ну что ж... Если вы настаиваете, я не буду помогать.

Диана обернулась туда, где стоял их экипаж, но не увидела ни сестру, ни Вилла. Потом она озадаченно взглянула на шляпу, которая умудрилась приземлиться прямо в подернутый тиной пруд посреди парка. Белая лента уже уплыла прочь. Девушка обреченно вздохнула, подобрала юбки и шагнула к болотистому берегу.

– Ну что ж, Диана, – вкрадчиво начал Генри. Она оглянулась: он не смеялся над ней, не издевался, а просто внимательно смотрел. Ее платье тем временем уже коснулось тины.

– Не хотел навязываться, но... Чтобы достать эту шляпку...

Диана растерялась. Она беспомощно перевела взгляд на стайку детей за его спиной. Повернулась и увидела, что шляпа уплыла еще дальше. Наверное, с центра поля открывалась захватывающая картина. Диана помедлила и выжидающе посмотрела на Генри. Тот приподнял брови в вежливом удивлении.

– Так вы хотите, чтобы я достал ее?

– Ну... – нахмурилась Диана – Полагаю...

Генри улыбнулся и, подойдя к девушке, чуть приобнял ее за бедра. Это прикосновение успокоило Диану, гнев ее улетучился. И почему ей казалось столь важным, чтобы он не коснулся ее шляпы? Генри быстро стянул ботинки и носки и ступил в воду. Безупречно

отглаженные черные брюки намокли и прилипли к ногам.

– Ага! – воскликнул молодой человек, с плеском выуживая шляпу из воды и держа ее на вытянутой руке. Тут он заметил стаю уток, у одной свисала из клюва белая лента – Ваша лента, посмотрите... Боюсь, теперь у нее новый хозяин, – добавил он, указывая на уплывавшую прочь серо-коричневую утку.

– Но как же я завяжу шляпу без нее? – воскликнула Диана, скрещивая руки на груди и делая капризное лицо – Если у меня появятся веснушки, не знаю, что со мной сделает матушка!

Генри посмотрел на утку и скорчил задумчивую гримасу. Диана поняла, что он действительно замышляет бой за ленту, и не смогла удержаться от смеха. Генри, услышав, что она смеется, оглянулся.

– Я пошутила, – сказала она.

Генри послал ленте прощальный взгляд и затем, высоко поднимая ноги, выбрался из пруда. Собравшиеся дети захихикали над его перепачканным видом, а Диана не смогла удержаться и искренне похлопала ему. Слишком жестоко было бы сейчас воспользоваться беспомощным положением босого человека, чьи дорогие брюки были испорчены тиной.

– Вот ваша шляпа, – вежливо произнес он, вновь напуская на себя строгий вид. – Но она промокла насквозь, так что я буду счастлив поддержать ее для вас. Если, конечно, вы не против.

– Благодарю вас, – она склонила голову.

Они еще какое-то время стояли на берегу пруда, не торопясь возвращаться. Ветер трепал розово-коричневую юбку Дианы и развеивал ее непослушные кудри. Генри любовался ею, а Диана улыбалась: сначала неуверенно и смущенно, а потом все шире и радостнее. Они глазели друг на друга немного дольше, чем следовало, а затем Генри решительно произнес:

– Мы должны вернуться.

– Да, думаю, пора, – ответила Диана.

Она смотрела, как он обувался, и придумывала слова, желая дать ему понять, что больше не сердится. Но затем Генри так ей подмигнул, что стало понятно: слова не нужны.

19

Каждая семья, где есть дочь на выданье, должна беспокоиться о стоимости свадьбы, организация которой, по традиции, ложится только на родственников невесты. Когда девушка из высшего общества решает выйти замуж, цена может оказаться заоблачной, и многие отцы невест по свершении этого счастливого события остаются без гроша за душой.

Миссис Гамильтон В. Бридфельт. Избранное из «Воспитания молодых леди», 1899 год

Элизабет услышала залиvistый смех сестры и открыла глаза, положив руки на блестящий бок лошади. Диана возвращалась с подобранной юбкой, Генри шел в нескольких шагах позади нее, неся желтую широкополую шляпу. Порывы северного ветра обдумали лицо и трепали верхушки деревьев, но солнце светило все так же ярко и ласково.

– Они возвращаются, – прошептала Элизабет.

Вилл вздохнул и печально посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

– Я уеду в пятницу, на последнем поезде с Центрального вокзала. Хочу посмотреть, как выглядит бухта с другой стороны. У тебя два пути: уехать со мной или остаться здесь навсегда...

Элизабет хотела прижаться к Виллу, приникнуть губами к его губам, подобрать нужные слова, уговорить его остаться здесь. Но она не могла. Вокруг нее были люди, вокруг нее был Нью-Йорк, и она должна была соблюдать правила. И она сделала то, чего от нее ожидали: отвернулась от лошади и сделала несколько шагов навстречу Генри и Диане, махая руками над головой.

– Вы все-таки поймали ее! – радостно воскликнула она так, словно возвращение шляпы было ее собственным триумфом.

Диана взглянула на Генри и рассмеялась.

– Бедному Генри пришлось поплавать, чтобы достать ее, – с затаенной гордостью произнесла она. – Правда, ленту уже не вернешь. Теперь она будет украшать какое-нибудь утиное гнездо.

Элизабет чувствовала на себе пристальный взгляд Вилла, но продолжала играть роль мисс Холланд. Выпрямившись, она уверенно шагнула вперед: кожаные туфли утопали в мягкой земле, в ушах шумел прохладный ветер. Жених взял ее за руку и помог сесть обратно в ландо. Затем Элизабет вновь опустила на глаза широкие полы шляпы. Лошади тронулись. И только тогда несколько слезинок, никем не замеченные, покатались по ее щекам...

Войдя в дом, Элизабет резким движением сняла шляпу и встряхнула головой. Несколько прядей растрепались, но у нее не было времени поправлять их. Она небрежно, наспех, руками зачесала их назад и обратилась к Клэр, терпеливо стоявшей в полутемном холле.

– Где миссис Холланд? – Элизабет открыла дверь и заглянула в гостиную. Движения ее были нервными и порывистыми, словно она боялась пропустить или не успеть что-то очень важное. Комната оказалась пуста: очевидно, мать с тетей уже не ждали никаких посетителей, – Клэр, где наша матушка?

Элизабет повернулась и увидела, что Диана обняла Клэр и положила голову ей на грудь. Старшая из сестер Броуд всегда питала к младшей мисс Холланд материнские чувства, даже когда сама была девочкой. Смутившись, Клэр пожала плечами и посмотрела на Элизабет с извиняющейся улыбкой:

– Я ее не видела.

– Что с тобой? – обратилась Элизабет к Диане, – Прости, что так настойчиво уговаривала тебя поехать со мной. Тебя, наверное, сильно расстроила эта прогулка, да?

Диана медленно повернула голову и печально взглянула на сестру.

– Нет, я рада, что поехала, – произнесла она глубоким низким голосом, и Элизабет вполне устроил такой ответ.

Она сейчас была не в том состоянии, чтобы разбираться и истинных причинах дурного настроения младшей сестры. Ей надо было найти мать, и чем скорее, тем лучше. И еще лучше, если Диана не будет присутствовать при их с матерью разговоре.

– Может, тебе стоит подняться к себе и немного полежать? – Она старалась говорить спокойным и доброжелательным тоном.

– Может быть. – Диана отпустила Клэр и двинулась к лестнице так заторможено, словно у нее не было сил даже переставлять ноги.

Когда сестра ушла, Элизабет повернулась к Клэр, намереваясь задать свой вопрос в третий раз.

– Я не знаю, – сказала Клэр до того, как Элизабет произнесла хоть слово, – Я ее не видела, пойду посмотрю на третьем этаже.

– Спасибо, – ответила Элизабет.

Сразу после разговора с Виллом она почувствовала, что нужно срочно действовать. Единственное, о чем она могла думать, так это о том, что их с Генри свадьба ни в коем случае не должна состояться. И о том, что надо немедленно сказать об этом матери. Если бы она только перестала изображать из себя послушную дочь и «идеальную леди», ей удалось бы остановить весь этот кошмар, она смогла бы рассказать матери, чего она хочет на самом деле. Возможно, финансовое состояние семьи было не настолько ужасным, чтобы ей приходилось немедленно выходить замуж. Возможно, существовал другой путь выхода из кризиса, и ее семья могла поправить свои дела как-нибудь иначе. Может быть, у нее еще есть шанс воссоединиться с Виллом.

Клэр побежала вверх, а Элизабет решила еще раз проверить гостиную. Обернувшись, она вдруг увидела полотно в позолоченной раме, прислоненное к стене. Она собралась было узнать у Клэр, что это такое, но служанка уже ушла. Тогда Элизабет повернула картину и с удивлением увидела, что это Вермеер, висевший в ее спальне почти десять лет.

Одна из любимых картин отца – он купил ее у парижского торговца шедеврами живописи, когда миссис Холланд носила второго ребенка. Несколько крупных коллекционеров, из тех, что выкидывают миллионы на приобретение работ старых мастеров, выказывали интерес к этому

небольшому полотну, но Элизабет упростила отца не продавать его. На картине были изображены две девочки, с темными и светлыми волосами, читавшие книгу за деревянным столом у окна. Блондинка сидела слева, ближе к окну, и ее локоны светились, словно золото. Девочки переворачивали страницы книги, а солнечные лучи падали на их прекрасные одухотворенные лица.

Элизабет провела рукой по раме и нащупала лист бумаги, вложенный в уголок рамы. Имя мистера Бруссарда, значившееся на листке, было ей незнакомо. Девушка задумалась. Несмотря на то, что картина по праву принадлежала ей, ее почему-то не покидало странное ощущение, что она роется в чужих вещах.

Элизабет поспешила к знакомой узкой лестнице и заглянула в спальню матери, выглядевшую холодной и пустой, словно в ней давно никто не жил.

– Мисс Лиз...

Она закрыла дверь и увидела приближающуюся Клэр.

– Да? – Она немного смутилась от того, что осматривала собственный дом.

– Миссис Холланд внизу.

– Спасибо, Клэр.

Элизабет решительно повернулась и направилась к главной лестнице, устланной роскошной персидской дорожкой. Она прошла около половины ступенек и уже приготовилась сказать, что не выйдет замуж за Генри Шунмейкера, когда вдруг увидела в фойе мужчину. Он стоял около Вермеера и разглядывал через увеличительное стекло правый угол картины. Именно там, под изящным кувшином, была подпись художника. Элизабет хотела воскликнуть, чтобы он не смел трогать ее вещи, но какое-то странное чувство – а может быть, всего лишь природная вежливость – заставило ее промолчать.

– В нашем доме нет подделок, мистер Бруссард, – надменно провозгласила миссис Холланд, приближаясь к посетителю.

Мужчина, облаченный во все черное, с забившимися за воротник длинными волосами, повернул голову к хозяйке. Несколько секунд он довольно грубо тарасился на нее, а потом вернулся к полотну. Внимательно рассмотрев его еще раз, он вынул из сумки кусок ткани и завернул картину. Затем поднялся и достал из кармана пальто конверт.

– Здесь вся сумма, – мрачно отрезал он.

Элизабет с болью в сердце смотрела, как мать взяла конверт и заглянула внутрь. Вид ее картины в руках незнакомца вызвал у девушки печаль, постепенно перераставшую в бессильную ярость.

– Там все, – нетерпеливо повторил мужчина.

– Не сомневаюсь. Я должна была убедиться, что все в порядке.

Мужчина дождался кивка миссис Холланд, пожал ее руку и вышел на улицу. Дверь захлопнулась с грохотом, от которого, казалось, вздрогнул весь дом. Элизабет неподвижно стояла на лестнице, пока мать провожала гостя, и ее черный силуэт был обрамлен светом, падавшим сквозь стекло входной двери. Затем мать вздохнула, резко обернулась и прошла несколько шагов, прежде чем заметила Элизабет на лестнице.

– Что ты там делаешь?

Увидев, как мать продала одно из самых ценных достояний семьи, Элизабет подумала, что вряд ли сможет относиться к ней так, как раньше, с прежним уважением и трепетом. Женщина внизу больше не казалась ей грозным и безупречным блюстителем общественной морали. Она вдруг показалась маленькой, хрупкой, уязвимой. И... старой.

– Я просто искала тебя, чтобы кое-что спросить, – выговорила Элизабет.

– Что же это?

И тут Элизабет вдруг почувствовала, что не сможет произнести заготовленные слова. Ее сердце словно превратилось в кусок льда. Все ее высокие чувства, осознание собственной важности, желание быть с Виллом и уговорить остаться – все исчезло. Она внезапно осознала, что ее семья была не просто бедна. Их положение было безнадежным и критическим. И у нее был только один путь – выйти замуж за Генри. Другой возможности нет и не будет.

– Я... я просто хотела спросить, не хочешь ли ты на обед красное вино.

Последовала долгая пауза, во время которой миссис Холланд пристально смотрела на

дочь окаменевшим взглядом. Потом она моргнула и сказала:

– Нет, моя дорогая. Лучше оставим его на случай, если Шунмейкеры придут на обед.

Элизабет слабо кивнула. Ей больше было нечего сказать, поэтому она повернулась и, тяжело ступая, пошла искать миссис Фабер. Ноги ее словно налились свинцом, а сердце разрывалось от отчаяния. Она скажет миссис Фабер не подавать вино. Ни сегодня, ни в любой день, пока мисс Холланд не станет миссис Шунмейкер.

20

*Трансатлантическая телеграмма
Телеграфная компания Вестерн-юнион
Кому: Пенелопе Хейз
Куда: Нью-Йорк
1:25, среда, 26 сентября, 1899 год
Дорогая Пенелопа!*

Молва о связанном с тобой эпизоде на званом обеде дошла до меня даже в Лондоне. Я намеревался написать тебе подробное письмо и вскоре так и поступлю. Пока же помни, что в наших с тобой венах течет одна кровь.

*Будь сильной, сестренка, или мир будет к тебе очень жесток.
И больше никакой тошноты на публике!*

Грейсон Л. Хейз

Пенелопа Хейз сидела в роскошной огромной гостиной с черным полированным полом из орехового дерева и со стенами, обитыми бело-голубым шелком. Поглаживая своего бостонского терьера, она еще раз перечитала телеграмму. Потом бросила рассеянный взгляд в другой конец комнаты, где мать беседовала с Вебстером Юнгамом, архитектором.

Матушка хотела, чтобы все знали о том, что их семья вновь прибегает к его услугам. На этот раз – чтобы построить «домик» в Ньюпорте, сооружение с пятьюдесятью шестью комнатами и мраморными полами. Такую новость обычно не скрывают от окружающих, и матушка делала все возможное, чтобы задержать архитектора еще на какое-то время. Ведь тогда его увидит как можно больше гостей, которые сегодня наверняка придут навестить их семью.

Пенелопа, слегка прищурив глаза, рассматривала свою мать. Эвелин Арчер Хейз была одета в лавандовое платье, для которого была уже слишком стара, и которое невыгодно подчеркивало ее расплывшуюся фигуру. Пенелопа пообещала себе, что никогда не будет и вполовину такой же толстой.

Она поднялась, позволив Разбойнику спрыгнуть с колен, и подошла к одному из инкрустированных зеркал на всю стену, заполнявших пространства между полотнами старых мастеров, чтобы посмотреть на более изящное и привлекательное изображение.

– Пенелопа, следи за этим животным на моем полу, – раздался голос матери.

Пенелопа закатила глаза и капризно выпятила губки.

– Ты же знаешь, что у него подстрижены когти, – недовольно ответила она.

Миссис Хейз всегда была надоедливой особой, но с тех пор, как Пенелопа узнала о помолвке своего Будущего Мужа и Бывшей Лучшей Подруги, в каждом вздохе и в каждом слове матери ей слышались нападки на ее чувства. Она слышала, как миссис Хейз вернулась к своим разглагольствованиям, а затем смяла телеграмму и кинула в серебряную вазу, наполненную желтыми розами. Как же ей хотелось, чтобы старший брат был в Нью-Йорке и защищал ее! Но тон и содержание этой телеграммы привели ее в смятение.

Темные волосы Пенелопы были забраны в высокую прическу с локонами на затылке и открывали ее безупречный чистый лоб. В этом возрасте было модно носить крупные завитушки и кудрявые локоны, но Пенелопа прекрасно знала, что больше подходит ее классическому, чуть удлинённому типу лица. Она критически взглянула на свои брови и ущипнула себя за щеки, дабы вернуть румянец. Потом она без удовольствия взглянула на роскошное бирюзового цвета платье, похожее на морскую пену, провела пальцами по гладкой шелковой ткани. И тут одна из

служанок распахнула огромную арочную дверь и вошла в гостиную.

Мать подала служанке знак, словно не сомневаясь, что посетитель именно к ней, но девушка вежливо кивнула и подошла к Пенелопе. Ну конечно же.

Мисс Холланд только что прислала свою карточку, – поклонившись, сказала девушка.

Пенелопа резко выдохнула при звуке ненавистного имени и вновь посмотрела на себя в зеркало. Секунду она вертела кусочек картона в руках и размышляла. Больше всего ей хотелось отхлестать Элизабет по щекам, но это было бы слишком нежно и деликатно. Нет, эта дрянь заслуживает более жестокой и беспощадной мести, – напомнила она себе.

– Что ж... Мисс Холланд может навестить меня.

– Очень хорошо, – отозвалась служанка и исчезла в дверном проеме из красного дерева.

Пенелопа осмотрелась по сторонам и в который раз отметила, что комнаты в ее доме были намного лучше, чем комнаты в доме Холландов. Слабое утешение, конечно, но все-таки... И хорошо, что матушка здесь, хоть и поглощена беседой с архитектором. Это заставит Пенелопу держать себя в руках и не позволит ей повыдергивать блеклые кудри соперницы и выцарапать глаза. Платье, что было сейчас на Пенелопе, очень ей шло – глубокий вырез подчеркивал безупречную грудь, изящный ворот украшен крошечными волнами, вышитыми золотыми нитями. Девушка подошла к псу, который калачиком свернулся в золотой корзинке, высланной пурпурным бархатом, взяла его на руки и, прижав к груди, угрюмо прошла по комнате.

Она услышала объявление о приходе гостя, включавшее громкое и торжественное провозглашение ее ужасно неблагозвучного имени: мисс Элизабет Холланд. Пенелопу передергивало от одного только звучания... Она зарылась носом в черную шерсть Разбойника и, закрыв глаза, слушала робкие шаги Элизабет по прекрасному паркету Хейзов. Когда гостя приблизилась настолько, что слышно было ее прерывистое дыхание, Пенелопа заставила себя поднять голову и встретилась с ней глазами.

– Пенелопа... – Губы Элизабет дрожали.

Мисс Хейз, прищурился глаза, уставилась на гостью, одетую в платье из золотистого шелка. Воцарилось тяжелое молчание.

– Что? Ты проехала полгорода и не смогла придумать, что сказать?

– Нет, я... я так много должна тебе сказать. Мне так стыдно за тот вечер, и...

– Очень трогательно, – перебила ее Пенелопа, – что ты мне все это говоришь.

Она посмотрела мимо бывшей подруги и увидела, как мать с наигранной радостью встречает Аву Астор, невестку той самой миссис Астор, своей новой подруги.

Элизабет побледнела.

– Нет, нет, все совсем не так! Я понятия не имела, что ты влюблена в Генри Шунмейкера. Ты никогда мне не говорила. Пенелопа, ты должна мне поверить, я очень, очень сожалею о том, что произошло.

Пенелопа фыркнула и демонстративно отвернулась от Элизабет. Правда, перед этим она не удержалась и кинула пару взглядов на огромный алмаз, красовавшийся на левой руке подруги. Бывшей подруги...

– Все равно, я знаю его гораздо лучше, чем ты! Уверю тебя, Элизабет, миленького любовного романчика у вас не получится.

– Пенелопа, – Элизабет дотронулась до руки подруги, которую та тут же отдернула. – Я не могу объяснить все сейчас, но ты должна мне поверить: я не давала Генри никаких поводов! И когда он сделал предложение, я была вынуждена согласиться. Клянусь, я когда-нибудь объясню тебе все!

Пенелопа посмотрела на умоляющее лицо подруги, еле сдерживавшей слезы, и внезапно поняла, что Элизабет не хочет выходить за Генри Шунмейкера. Это не имело для Пенелопы почти никакого значения, так как она уже пять дней была совершенно разбита и почти физически больна от мысли, что потеряла его. Но было совершенно очевидно, что Элизабет нисколько не злорадствует и не смеется над ней. Кажется, она и вправду несчастна. К тому же с синяками под глазами, изможденная и явно невыспавшаяся. Все это хоть немного да утешило Пенелопу.

Она посмотрела на Элизабет уже куда более мягким взглядом и начала медленно

прохаживаться вдоль стены, скрестив перед собой руки.

– Ты меня унизила, – с горечью произнесла она.

– Я знаю, Пенелопа, но я не хотела этого!

– Они все смеялись надо мной, – она горестно всхлипнула, – Это было ужасно! И все из-за тебя.

– Знаю. Я не могу даже выразить, как мне жаль...

– И ты ничего не сказала. Ничего. Просто молча стояла, будто ничего не произошло.

Выслушав мою историю, ты могла хотя бы предупредить меня, но не сказала ни слова. Как ты могла так поступить?

Элизабет принялась теревить вышитый край своей золотистой накидки.

– Пенелопа, я просто лишилась дара речи, иначе бы я... – Она запнулась на мгновение, и это придало Пенелопе уверенности. Ее голос становился все громче и выразительнее.

– Можешь представить, чего мне стоило твое молчание? – Пенелопа поднесла руку к лицу и скорбно покачала головой, пытаясь за маской раненой обиженной жертвы спрятать свою злость.

Элизабет вновь опустила глаза и до боли прикусила губу.

– Нет, наверное, не могу – Элизабет заметила, что скоро испортит накидку, выдернув из нее все нитки, и усилием воли сцепила руки. Потом улыбнулась, пытаясь изобразить радость, – Но только подумай: ты сможешь еще встречаться и флиртовать с множеством разных интересных мужчин, а мне придется навсегда выйти замуж за одного, да к тому же нелюбимого. А ты еще сможешь влюбиться, и не один раз!

– Да, ты права, – сдержанно произнесла Пенелопа. Она приподняла локоток и подождала, пока Элизабет возьмет ее под руку. Вдвоем они медленно прошли мимо величественных полотен в маленькую бело-голубую гостиную, где за ними не могли наблюдать матушка, мистер Янгхем и Ава Астор. Пенелопа перевела дыхание и попыталась изобразить на лице и в голосе некое подобие любезности.

– Ладно, давай больше не будем об этом. В любом случае, Лиз, я не могу долго на тебя злиться. И хочу тебе сказать: где-то я даже рада, что он достанется тебе, а не одной из тех глупых девиц.

Элизабет растерялась от столь откровенного замечания, но быстро взяла себя в руки.

– Спасибо за понимание! Я так тебе благодарна.

Пенелопа попыталась ответить улыбкой, которую можно было истолковать как теплую. Щеки Элизабет заметно порозовели, дыхание стало ровным, руки расслабились. Но чувство вины все равно не покидало ее – Пенелопа видела это и готова была использовать в полной мере. Они присели на маленький диванчик, обитый розовым бархатом, а между ними устроился Разбойник.

– Мне плохо от одной только мысли, что я так оскорбила твои чувства! Было бы ужасно, если бы мы не смогли выполнить наше обещание быть подружками невесты. – Элизабет смущенно улыбнулась, медленно переводя взгляд от черных глаз собаки к голубым глазам его хозяйки.

Пенелопа ответила подруге почти ласковым взглядом. Она заставила себя взять Элизабет за руку, вновь посмотрев на кольцо, и легонько пожать. Этой свадьбе не бывать – если, конечно, она, Пенелопа, возьмется за дело! И она начинала понимать, что чем ближе будет к Элизабет, тем проще будет все испортить.

– Ты правда все еще хочешь, чтобы я была подружкой невесты? – прошептала она.

– Конечно! Кто же еще, если не ты!

– А Диана? Я хочу сказать... Твоя сестра не обидится?

Элизабет покраснела при упоминании сестры, и Пенелопа с затаенной гордостью поняла, что Элизабет пожертвовала отношением Дианы ради нее. Она не могла не рассмеяться при одной мысли, пришедшей ей в голову, и тут же озвучила ее:

– Может, тогда Агнесс Джонс?

Элизабет, похоже, шокировало такое предложение, а затем она тоже рассмеялась над нелепостью этой идеи. Напряжение между ними, казалось, начало исчезать.

– Это было бы катастрофой, – прыснула Элизабет, смахивая слезы.

– Пруди? Я хочу сказать...

– Пенелопа, ты единственная, кто может быть подружкой невесты.

– Хорошо. Отлично! – Пенелопа взмахнула ресницами и взяла обе руки Элизабет. – Решено!

– И еще... В пятницу вечером будет празднование в честь адмирала Дьюи в «Вальдорф-Астории». Это первый наш с Генри выход на публику как пары. Ты будешь там со мной? Как подружка невесты.

– Конечно, – Пенелопа старалась не улыбаться слишком радостно, хотя ее переполняли чувства. Ей уже предоставили первую возможность сделать все для разрушения этого союза.

– Конечно, мне понадобится новое платье для этого события, и последняя примерка состоится в среду у «Лорд & Тейлор», – Элизабет с явным облегчением излагала свой план. – Пойдем со мной, выберем что-нибудь для тебя.

– Хорошо. Но тебе следует подумать прежде всего не о платье, а о том, кто его сошьет. Что цвет белый, это понятно. Шлейф довольно длинный и...

– О, да, – перебила ее Элизабет, и не успела Пенелопа опомниться, как уже выслушивала бесконечный рассказ подруги о сложности выбора между оттенками слоновой кости и яичной скорлупы, о всех видах розовых цветов, о том, кто будет остальными подружками, и о том, как ее на самом деле смущает это огромное кольцо.

Пенелопа сидела и думала о том, что ей надо быть сильной. Сильнее, чем когда-либо.

Младшую сестру Грейсона Хейза больше не вырвет на публике, хотя будет нелегко сдержаться. Она представила себе сияющие глаза Элизабет Холланд на предстоящем свадебном вечере и вновь вспыхнула от ярости. Но несмотря на всю горечь и отчаяние Пенелопа Хейз выдержит. Ее волю не сломить так просто, и она в любом случае победит.

Девушка заставляла себя улыбаться. Улыбающийся друг – настоящий друг, напомнила она себе. И именно такой ей нужно казаться – по крайней мере, сейчас.

21

Из-за раннего прибытия флота адмирала Дьюи в бухту Нью-Йорка вчера и интенсивной подготовки к двум парадам – морскому в пятницу и наземному в субботу – город, похоже, наконец-то заговорил о чем-то еще, кроме помолвки отпрысков семей из высшего общества мистера Генри Шунмейкера и мисс Элизабет Холланд.

Со страницы редактора «Нью-Йорк Таймс», среда, 27 сентября, 1899 год

– Давай, Чемпион! – крикнул Тедди Каттинг, потрясая кулаком над головой. – Двигай, старая кляча! – добавил Генри менее веселым тоном.

Он сидел рядом с другом на расшатанной старой деревянной трибуне в Морриз-парке, попивая «Пабс» из бутылок с голубыми лентами и заедая соленым арахисом. В общем, они вели себя как мужчины отнюдь не из высшего общества. Ипподром в Бронксе гораздо лучше смотрелся из семейной ложи, но именно в этот день Генри избегал попадаться на глаза отцу. К тому же семейная ложа была слишком роскошной, призванная демонстрировать посетителям избранность и состоятельность владельца. А в данный момент Генри желал только одного: покуражиться в компании веселого приятеля и выпить достаточно пива, чтобы жизнь показалась счастливой и беззаботной.

– Даваааай! – вопил он, не отрывая глаз от рыжего скакуна.

Тедди сдвинул на затылок коричневый котелок, растрепав белокурые волосы, и шумно захлопал в ладоши, когда его лошадь приблизилась к финишу. Чемпион, с жокеем в красно-белой форме, шел вторым, но перед самым финишем вырвался вперед. Тедди в расстройстве хлопнул рукой по колену, когда увидел, что его скакун пришел четвертым.

– Ну что ж, еще двадцать баксов, – сказал он, запихивая списки лошадей под сиденья трибуны.

– Да ладно, – отмахнулся Генри, лихо заламывая черную шляпу и облакачиваясь на сиденье. – Дело не в деньгах.

– Ты-то откуда знаешь? – мягко улыбнулся Тедди. – На кого потратимся теперь? На Инфанту?

– Почему бы в следующий раз нам просто не поставить на всех лошадей? Тогда не надо будет беспокоиться о проигрыше. Что касается меня, так я просто радуюсь, что мы за городом, в стороне от всего этого безумия.

Приподняв брови, Тедди посмотрел на друга и не спеша отпил пиво из бутылки. Генри, сделав вид, что не заметил скептического взгляда, поежился и поднял воротник твидового пиджака. Морриз-парк, где проходили скачки «Белмонт-стейк», располагался в дальнем уголке Бронкса, небольшого района, который до сих пор сложно было представить частью Нью-Йорка. Его включили в черту города первого января этого года, вместе с Бруклином и Квинс, но он до сих пор оставался заторможенным и провинциальным, столь далеким и столь непохожим на грохочущий сияющий многолюдный Манхэттен. Город был занят подготовкой дождя из конфетти и праздничного фейерверка, чтобы достойно приветствовать победителей, только что вернувшихся домой.

– Я про празднование, – пояснил Генри, пытаюсь смягчить недовольный взгляд друга серьезным выражением лица. – Наша яхта, конечно же, примет участие в параде.

– А, ну да... – Тедди, похоже, не верил, хотя ложь была и для него делом привычным. Он взглянул на очередную опустевшую бутылку, – Герой южной части Тихого океана...

– Филиппин, – продолжил Генри отсутствующим тоном. С тех пор, как кучер Холландов обвинил его в невежестве, он стал более внимательно читать газеты, – Столько хлопот ради какой-то чужой далекой страны! На эту войну я бы, пожалуй, пошел...

– Да, мы все записались бы, если бы у нас было свободное время.

– Издеваешься?

Тедди пожал плечами.

– Если не хочешь признаваться, от чего бежишь, я-то уж точно не буду тебя заставлять.

Генри вздохнул и скрестил руки на груди. Тедди зажег сигарету, наполнившую воздух сладким дымом.

– Я уже который день живу так, – сказал Генри, наблюдая, как прекрасных холеных лошадей ведут в конюшню.

– Да, я знаю. Так противно, что мы все одеты по последней моде, дамы вздыхают нам вслед, шампанского хоть залейся, а тарелки из золота, но... Ты все это просто ненавидишь.

– Я не об этом.

– Тогда о чем? – недовольно вздохнул Тедди, – В чем проблема?

Пару мгновений Генри с осторожностью взирал на друга, подбирая слова.

– Просто я не уверен, что поступаю правильно. Не уверен в этой помолвке. Сейчас все готовятся к церемонии, обсуждаются свадебные наряды, а мне хочется исчезнуть. Чувствую, что моя жизнь полностью изменится после свадьбы. Это серьезный шаг, Тедди, а я к нему не готов. Я имею в виду... Ну, представь себе прогулку в такой прекрасный день, как сегодня, но со скучной миссис вместо тебя. Вместо того, чтобы веселиться и заниматься тем, что мне по душе, придется...

– Но будешь ли ты об этом думать рядом с такой прелестной девушкой?

Генри попытался улыбнуться, но не смог. Его лицо было мрачнее тучи, а в голове пронеслись невеселые мысли. Он усилием воли пытался подумать о невесте с симпатией, но, вспоминая оцепеневшую девушку с поджатыми губами, которая в поездке по Центральному парку вздрагивала от каждого его слова, понимал, что это бесполезно. На той прогулке она даже ни разу не взглянула на него. Да она похожа на холодную бесчувственную рыбину, особенно в сравнении со своей яркой, неугомонной, очаровательной сестрой.

– Да, все говорят, что Элизабет прелестна, – с горечью согласился Генри.

– И я говорю, что она прелестна! Это на самом деле так, и я удивлен, что тебе она не нравится.

– Тогда ты и женись на ней, – хмыкнул Генри.

– Я бы женился, – рассмеялся Тедди. – Но, боюсь, она уже помолвлена. Кстати, есть идея!

Может быть, ты захочешь поставить ее руку на следующих скачках?

– Представляю, какой будет скандал! «Юноши из высшего общества обмениваются невестами». Ты же знаешь, как внимательно газеты записывают каждый мой шаг...

– Я пошутил, друг, – Тедди положил руку на плечо Генри и слегка потряс его.

– Знаю, – Генри посмотрел на свои руки с длинными, безукоризненными пальцами. Руки, никогда не знавшие тяжелой работы. – Я просто не уверен, что она та самая. Элизабет чересчур скромна и воспитана, а ты прекрасно знаешь, что я – полная противоположность.

– Ну да, – отозвался Тедди, осушив бутылку и поставив ее под сиденье – Она определенно не твой тип, если ты об этом.

– В том-то и дело.

– Но у нее есть вкус и манеры, – Генри закатил глаза, – И она будет безупречна во всем, ради чего ты женишься. Она будет устраивать хорошие приемы, прекрасно устроит хозяйство, даст тебе красивых детей и никогда не будет жаловаться. Ты же, тем временем, будешь спокойно сидеть и наслаждаться жизнью, и никто не подумает о тебе ничего плохого. Будешь вести личную жизнь на стороне, встречаться со старыми и новыми девушками. Ни одна из твоих привязанностей не длится долго, не важно, кем она была. Так что, Элизабет как раз хороша, и, возможно, лучше всех, кого ты встречал. – Тедди, казалось, закончил разговор и махнул проходившему мальчишке с деревянным ящиком со льдом, в котором разносился «Пабс». Заплатив за два пива, он вручил одно Генри и чокнулся с ним.

– Поздравляю, друг мой! Думаю, ты сделал прекрасный выбор.

Генри приложился к бутылке, продолжая с мрачным видом наблюдать за скачками. Забег начался где-то в середине их разговора и уже шумно близился к завершению.

– Думаю, брак – просто не то, чего я хочу, – выдохнул он наконец.

Тедди ответил слабой улыбкой и посмотрел на лошадей, шедших голова к голове. Люди вскакивали с мест и громко вопили, надеясь силой своей мысли и голосовых связок повлиять на скорость скакуна и повернуть удачу в свою сторону.

– Ну тогда чего же ты хочешь? – спросил он с явной усталостью в голосе.

Лошади пересекли финишную прямую, и Генри вздохнул, осознав, что гонки на сегодня закончились. Большинство собравшихся разрывали программки, осыпали проклятьями и бросали на землю. С опущенными головами возвращались они к своим безрадостным однообразным будням. Какой-то упитанный румяный джентльмен, напротив, прыгал и потрясал кулаками в воздухе.

– Я сделал это! Я выиграл! – кричал он.

Генри почему-то смутился и отвернулся. Тедди удивленно смотрел на друга, словно тот не расслышал его вопрос. Но Генри все прекрасно слышал, и вопрос – чего он хотел? – эхом раздавался в голове. Но ответа он не находил...

Однако стоило ему закрыть глаза, как перед внутренним взором оказывалась Диана Холланд, бегущая по траве, подобрав юбки так, что оказывались видны ее прелестные колени, и звонким голосом звала его по имени. Звучным и озорным голосом она говорила ему о том, что нельзя терять ленту от шляпы, иначе на лице появятся веснушки и матушка будет недовольна... Генри точно знал, чего он хотел, просто у него пока не было достойной идеи, как можно это получить.

22

Весь город жаждет увидеть мисс Элизабет Холланд и ее жениха, мистера Шунмейкера. Они впервые появятся вместе на публике завтра ночью в «Вальдорф-Астории», где будет дан бал в честь адмирала Дьюи. Я уверен, что он не единственный, кто с радостью увидит самого завидного нью-йоркского холостяка и его избранницу.

Из колонки светской хроники в «Нью-Йорк Империл», среда, 28 сентября, 1899 год

У Дианы кружилась голова, ее клонило в сон. И она уже почти задремала в этой душной комнате, где сестра примеряла наряд для завтрашнего мероприятия, когда услышала волшебное имя, которое тут же заставило ее встрепенуться.

– Ну что, скажи мне... Генри нежен с тобой? Проявляет как-нибудь свои чувства?

Вопрос этот с деланным безразличием задала Пенелопа. Она была в шифоновом платье с пышными рукавами, черным лифом и бежевой юбкой, украшенной черным шелком. А адресовала она этот вопрос Элизабет, которая в эту минуту стояла на деревянной скамеечке в комнате своего личного портного в «Лорд & Тейлор». Вокруг нее суетился не только сам портной, мистер Кэрролл, но и несколько помощниц.

Сердце Дианы затрепетало при упоминании имени Генри, Элизабет же не проявила к вопросу никакого интереса. Она взглянула на Пенелопу пустым холодным взглядом и пожала плечами.

– Нет, – медленно произнесла она. – Но завтра ночью наш первый совместный выход в свет, и... Может быть, он просто ждал этого события.

– Да, наверное, он так скромен с тобой из-за своей неуверенности, – быстро ответила Пенелопа.

Похоже, она уже пришла в себя после недомогания на прошлой неделе, отметила Диана. Но, конечно, девушки их круга были подобны мотылькам, летящим к свету, когда речь заходит о свадьбе, что подтверждала Пенелопа, не отходявшая от портного.

Мистер Кэрролл был невысок ростом, изящен и грациозен. В свои тридцать лет он уже почти облысел, но обаяния своего не утратил. На шее у него болтались обмерочные ленты, лицо было серьезным и сосредоточенным. Элизабет по-прежнему стояла спокойно и расслабленно, хотя портной снимал мерки для платья уже почти час, делая всевозможные пометки. Согласно эскизам, это должно быть очень изящное современное платье, закрывающее ключицы и запястья бельгийским кружевом, и при каждом измерении размеры его все сужались и сужались... Платье же для завтрашнего выхода было сшито из самого нежного розового шелка, юбка собрана волнами, каскадом ниспадавшими к полу. Вырез украшали сотни речных жемчужинок, нанизанных на золотые нити. Диана утром услышала, как мать восклицала что-то по поводу жемчуга – очевидно, это был подарок от мистера Шунмейкера.

С одного из диванов, обтянутых нежно-сливового цвета бархатом, Диана со скучающим видом смотрела, как Пенелопа указывала портному на неровный разрез. Весь магазин, расположенный в самом начале так называемой «Тропы Леди», то есть бесконечных рядов роскошных торговых заведений и модных ателье – пропах терпким мускусным запахом. Аромат поднимался с нижних этажей, где продавались перчатки, броши и чепчики. На всех стенах комнаты были зеркала, чтобы в любой момент молодая девушка могла полюбоваться своим отражением с нового, неожиданного ракурса. Обычно Диане нравилось посещать магазины только потому, что туда заходило много красивых молодых людей. Но сегодня ей было тяжело видеть отражения сестры во всех этих великолепных зеркалах, освещенных дрожащим светом люстры. Диана, нахмутив брови, видела, как ее собственное отражение тускнеет и меркнет в лучах сверкающих, расшитых золотом нарядов Элизабет.

Рядом с Дианой сидела сопровождавшая их тетя Эдит и одобрительно кивала. Она облачилась в строгое темно-коричневое платье, на шее красовался кремового цвета шерстяной шарф, который, по ее словам, защищал от простуды. Примерно каждые десять минут появлялась продавщица и показывала им аккуратно разложенные на бледно-розовых салфетках все новые детали и аксессуары – шляпки с перьями, шелковые платки, кожаные перчатки для оперы, браслеты и серьги, украшенные перламутром... А каждые полчаса она приносила им бокалы с шампанским, которое было припасено для особых клиентов.

– А с датой свадьбы вы уже определились? – продолжила Пенелопа, и было видно, как ее голубые глаза расширились от волнения и любопытства.

– О, еще нет... Не знаю. Наверное, зимой, а может быть, далее весной...

Диана взяла у подошедшей девушки один из бокалов и отпила шампанское. Странно, что сестра говорила так неопределенно, но Диана не придавала этому значения. Однако если бы она обратила внимание, то наверняка заметила бы, что Пенелопа, обычно крайне мало интересовавшаяся другими людьми, сегодня была на редкость обходительна и любопытна.

Хотя все знали, что любимой темой для разговоров у Пенелопы была она сама.

– Это совсем скоро, – отметила Пенелопа, – Может, ты попросишь Баки о помощи? С подготовкой свадьбы, я имею в виду. Ты ведь знаешь, он очень хорош в своем деле...

– Ты так считаешь? – Элизабет безразлично смотрела на свое безупречное отражение в зеркале, – Хорошо. Но, может быть, ты сама спросишь у него? Ведь ты знаешь его гораздо лучше, чем я...

Диана откинулась назад, коснувшись головой темно-синих обоев, и стала ждать своей очереди на переодевание. Она замечала, что между Элизабет и ее лучшей подругой явно происходило что-то странное – может быть, Пенелопа завидовала, что Элизабет первая выйдет замуж? – но никак не могла понять, в чем загвоздка. Пенелопа вела себя очень необычно... В этот день Диана с удивлением отметила и еще одну вещь: любое упоминание о Генри вызывало в ее душе бурю эмоций. Как бы там ни было, этот молодой человек вновь ее интересовал, и даже сильнее, чем прежде.

Двумя часами раньше, когда они обедали в Палм-Гарден в Вальдорфе, Элизабет неустанно говорила о том, как много значит для нее согласие Пенелопы стать подружкой невесты и сколь красивой будет свадьба. Когда Пенелопа удалилась, чтобы тайком выкурить сигарету в гостиной для дам, подальше от вездесущего взора тети Эдит, Элизабет шепотом извинилась перед Дианой за то, что не может нарушить правила и позвать двух подружек невесты.

– Я давным-давно просила об этом Пенелопу. Ты ведь простишь меня, правда? Ведь мы дали друг другу обещание...

– Я тебе уже говорила, что мне все равно, – громко и немного раздраженно ответила Диана, – Тем более Пенелопа как нельзя лучше подходит на роль подружки невесты | га свадьбе без любви.

Элизабет отпрянула, услышав ответ, хотя сестра вовсе не собиралась ее обижать. К сожалению, это была правда, и Элизабет больно ранили эти слова. И, похоже, девушка до сих пор не могла прийти в себя.

– Но ты ведь недавно видела его? – продолжила Пенелопа. Она стояла почти вплотную к Элизабет и проверяла кружево у горла.

– О, да. Мы были на прогулке в парке в... Ди, когда это было?

– В воскресенье, – уверенно ответила Диана. Ей даже не пришлось догадываться, кого его имела в виду Пенелопа, – И он был очень обходителен, – добавила она легкомысленно.

– Правда? – оживилась Пенелопа, перебирая пальцами жемчужины на груди Элизабет, но при этом глядя на Диану.

– Да, он был очень любезен, – согласилась Элизабет, – Спас улетевшую шляпу Дианы.

Диана часто думала о той прогулке в парке и ловила себя на мысли, что вновь и вновь вспоминает Генри. Зеленая трава, по которой они бежали, заросшая тиной вода, в которую он ступает босиком. Его лукавая улыбка и понимающий взгляд.

– Вы когда-нибудь ездили на запад на поезде с Центрального вокзала?

Диана очнулась от грез и удивленно взглянула на сестру. Элизабет все еще стояла с отсутствующим видом, и было непонятно, что побудило ее задать столь странный и нелогичный вопрос.

– Нет, только в Ньюпорт. Но это в северном направлении, если я не ошибаюсь, – объявила Пенелопа.

Диана видела в зеркале, как она наклонилась, чтобы проверить волны юбки Элизабет.

Элизабет вытянула шею, и многочисленные отражения последовали ее примеру.

– Как вы думаете, сколько поездов уходит каждый день с Центрального вокзала?

– Зачем тебе знать такие вещи? – бесцветным голосом отозвалась Пенелопа, не поднимая головы от платья подруги.

Элизабет окинула взглядом ярды розовой ткани, струящиеся по полу вокруг нее.

– Просто... Мир такой огромный. Вы никогда об этом не думали?

– Нет, – быстро ответила Пенелопа. Она встала, скрестила руки и непонимающе уставилась на Элизабет. – Что тебе нужно за пределами Нью-Йорка и Ньюпорта? Прошлым летом в Ньюпорте было так весело, кстати! Лучшее лето в моей жизни.

Затем она помолчала и многозначительно добавила:

– Генри, кстати, тоже был там.

– Нет, не был, – встряла Диана, – По крайней мере, не все лето. Часть сезона он провел в Саратогге. Я помню заметки о нем. – Старшие девушки с недоумением на нее посмотрели, и тогда Диана продолжила более спокойным тоном, – Ведь он там был, тетя Эдит? Разве вы не помните, все говорили, что сын Вильяма Шунмейкера приехал в город?

Тетя Эдит, сидевшая с откинутой головой и полузакрытыми глазами, встрепенулась в полудреме.

– В чем дело? – спросила она, на мгновение проснувшись – Не надо волноваться... – продолжила она сонным голосом, – Все эти страсти кипели, когда я была молода, а сейчас это никому не нужно... Пора забыть об этом...

Со всех сторон раздалось приглушенное хихиканье, достаточно тихое, чтобы не разбудить тетю, затем мистер Кэрролл вернулся к своей работе.

– Хорошо, моя великолепная леди, с вами я закончил, – пропел он.

Элизабет дружески подмигнула и позволила ему помочь ей спуститься на пол. Мистер Кэрролл давно был любимым портным сестер Холланд, они часто навещали его и считали, что у него безупречный вкус.

– Пенелопа, моя госпожа, ваш черед.

Подруги, взявшись за руки, направились в маленькую комнату, где собирались переодеться. Диана вздохнула и, глядя на удалявшихся девушек, с сожалением подумала, что они, пусть и ненадолго, остаются одни. Конечно же, они заведут разговор о Генри, и, может быть, она пропустит что-то интересное.

– О, простите меня, мадемуазель, – скороговоркой произнесла молодая девушка в простой черной юбке и светлой блузке – продавщица магазина. Она несла длинную узкую белую коробку. – Велено вручить от Генри Шунмейкера...

– Хорошо, – сказала Элизабет, оборачиваясь и слегка краснея.

– Для мисс Дианы Холланд.

– О! – воскликнула Пенелопа, резко поворачиваясь к Диане.

Девушка подошла к Диане, все еще сидевшей на диване, и вручила ей коробку. Затем отступила, застыв в ожидании.

– Почему Генри прислал подарок тебе? – громко спросила Пенелопа недовольным тоном.

Диана уставилась на идеальную гладкую поверхность коробки. Ей не верилось, что она держала в руках что-то от Генри, тем более в присутствии других людей. Она почти боялась того, что могло оказаться внутри, словно все ее тайные мысли о Генри открылись бы вместе с коробкой. Но Диана была решительной девушкой, по крайней мере, она пыталась такой казаться.

– Давай же, открывай! – нетерпеливо сказала Элизабет. Она выпрямилась, как это обычно делала их мать, и раздраженно смотрела на младшую сестру.

Диана тихонько вздохнула и с трепетом открыла крышку. Внутри оказалась прелестная, но совершенно обычная светлая шелковая лента, украшенная маленькими корабликами, вышитыми голубыми и желтыми нитками. Диана, с трудом скрывая разочарование, продемонстрировала ленту Элизабет и Пенелопе.

– О, лента, – бесцветно промолвила Элизабет, – Вместо той, со шляпы...

– Маленький детский подарок для нашей маленькой Ди, – съязвила Пенелопа, самодовольно улыбаясь, – Как трогательно! Видишь, Элизабет, Генри оказывает знаки внимания тебе, присылая безделушки твоей маленькой сестре.

В голову Диане пришло несколько остроумных ответов, но Пенелопа с Элизабет уже повернулись и направились переодеваться, а девушка, доставившая подарок, возвратилась к работе. Казалось, она тоже была разочарована тем, что не увидела ничего необычного и интересного.

Глядя на ленту, Диана чувствовала себя глупо. Пенелопа была права: это почти детская игрушка. Такой подарок можно дать ребенку, чтобы он перестал капризничать и замолчал. И, может, именно это Генри и хотел сделать... Она гневно выхватила ленту из коробки, развернув во всю длину, и на пол вдруг упал небольшой, аккуратно сложенный лист бумаги.

Диана испуганно огляделась и посмотрела, чем заняты остальные люди в комнате. Тетя Эдит до сих пор тихонько похрапывала, мистер Кэрролл занимался своим делом, что-то бормоча под нос и ничего не замечая вокруг. Диана нагнулась и быстро подняла бумагу.

Это полное сумасшествие, но я все время думаю о вас.

Г.Ш.

Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. Диана задрожала всем телом, вникнув в смысл этих слов. И это было почти так же прекрасно, как настоящий, неожиданный поцелуй.

23

Служанка богатой леди обычно получает в месяц столько же, сколько продащица в неделю, и еще ожидается, что она с благодарностью должна принимать поношенные платья и другие дары, которые больше не пригодятся ее госпоже. Отвратительно, что на пороге двадцатого века все еще существует подобное неравенство.

Со странички редактора «Нью-Йорк Имperiал», пятница, 29 сентября, 1899 год

Лина задумчиво бродила по фойе дома Холландов и чего-то ждала – впрочем, она и сама не знала, чего. Может быть, Вилл внезапно окажется за спиной и прошепчет на ухо, как он ценит ее нежный уход за его ранами... Хотя она знала, что это вряд ли произойдет, – все дни, начиная с прошлого воскресенья, он даже не подходил к ней. Он, казалось, полностью погрузился в собственные мысли. Лина знала, что Вилл думал только о Элизабет. И Лина уже начала жалеть, что не сказала ему о своих чувствах тогда, когда была возможность.

На улице было шумно и многолюдно. Сегодня весь город участвовал в параде, о котором накануне так много писали и говорили. Но служанка, разумеется, была заперта за дубовыми дверьми хозяйского дома, и ей оставалось лишь смотреть на улицу через окно. Она хотела быть там, в толпе, идти рядом с Виллом и есть свежеприготовленный попкорн. Или нет – лучше плыть вместе с Виллом на одной из тех больших яхт, что обошли все моря и океаны. Как прекрасно было бы подставить лицо свежему соленому ветру и каплям воды, почувствовать наконец свободу, отправиться навстречу чему-то новому... Лина вздохнула и вдруг почувствовала себя очень одинокой и несчастной.

Скорее всего, в городе было много солдат. Утром она прочитала в газете, что на параде их будет тридцать тысяч, и они прошагают через весь город, от могилы Джефферсона к «Баттерии». Она пыталась разглядеть на улице мужчин в форме, но увидела только Клэр, спешащую к дому. Рядом с ней шел один из юношей «Лорд & Тейлор» – известный магазин нанимал только молодых и привлекательных продавцов, чтобы угодить привередливым покупательницам, – и они несли два гигантских пакета с платьями.

Лина открыла дверь и отметила про себя, что продавец хоть и был хорош собой, но с Биллом ему никогда не сравниться.

– Вам помочь? – спросила она.

Сестра покраснела от напряжения, а юноша из «Лорд & Тейлор» лишь улыбнулся в ответ. Он был, скорее всего, чуть-чуть старше Клэр, на его почти детском лице пробивался едва заметный светлый пушок.

– Мы уже почти пришли, – сказала Клэр, забираясь на ступеньки. Они занесли коробки в дверь и положили на дубовый стол у входа. Клэр вздохнула и улыбнулась юноше-продавцу.

– Благодарю вас...

Он вяло пожал плечами и посмотрел на рыжеволосую служанку с ленивой уверенностью. Было ясно, что он, гордясь своей работой, ставил себя на несколько ступенек выше сестер Бруд.

Лина с явным неудовольствием заметила, что сестра зарделась и кокетливо опустила

ресницы. Господи, неужели она не понимает? Очевидно же, что ожидание юноши совсем не было связано с его интересом к ним. Когда молчание затянулось, он наконец спросил напрямик:

– А оплата?

– О, – Клэр стремительно начала краснеть и беспомощно взглянула на Лину, – Ну, мы не... по уверена, что если вы...

Он беззаботно кивнул и вытащил из кармана счет..

– Тогда передайте эту бумагу миссис Холланд. И... мистер Кэрролл просил напомнить ей о неоплаченных счетах.

– Да, конечно, – мягко ответила Клэр, беря лист бумаги. – Я ей передам.

– Уж пожалуйста, – отозвался он презрительным насмешливым тоном, от которого Лину передернуло, повернулся и стал медленно спускаться по ступенькам. Перед тем мне закрыть за ним дверь и последовать за сестрой, Лина увидела, как продавец обернулся и криво ухмыльнулся ей.

– Какой он красивый! – восхищенно прошептала Клэр, пока они поднимали большие коробки и несли их к лестнице.

Лина хотела было съязвить по этому поводу, но почувствовала лишь досаду и жалость оттого, что сестре нравятся такие мужчины. Их нанимали для флирта с богатыми покупательницами, а не с их служанками. Но сестра всегда жила в мире собственных иллюзий, и Лина решила, что лучше не расстраивать ее.

– Я так хочу их увидеть! – воскликнула Клэр, когда они пошли в комнату Элизабет и положили коробку на широкую кровать. Клэр нетерпеливо открыла крышку, развернула бумагу и бережно извлекла роскошное светло-розовое платье.

– Правда, красивое? – прошептала она с сияющими глазами, не в силах оторвать от платья восхищенный взгляд.

– Да, – неохотно признала Лина. Оно и правда было красивым, и хотя она обычно не интересовалась такими вещами, в эту минуту даже ей захотелось примерить это воздушное розовое облако.

– Она наденет его сегодня, когда первый раз появится в обществе с Шунмейкером. Будет выглядеть превосходно, я просто уверена!

Мысль о том, как прекрасна Элизабет, не доставила Лине удовольствия. Девушка нахмурилась и поджала губы. Эти слова напомнили ей, что сама она никогда не будет красоваться в шелках и драгоценностях и не сможет использовать все те женские чары, которыми Элизабет покорила ее возлюбленного.

– Лина, ты видела кольцо мисс Лиз? Вот это настоящая красота! – Клэр разложила платье на кровати и любовалась великолепной жемчужной отделкой.

– Да, разумеется, – Лина отвела взгляд от розовых волн и подумала о том, как изменилось бы лицо Вилла, увидь он ее в таком платье. Девушке всегда казалось, что розовый ей к лицу, но она никогда еще не примеряла таких роскошных парадов, – Оно слишком... огромное.

– В газетах писали, что это кольцо стоит тысячу долларов. Можешь представить себе? Целую тысячу долларов!

Лина презрительно хмыкнула и покачала головой.

– Нет, не могу. Это просто аморально! Я хочу сказать... Ты только подумай, сколько лет нам надо работать, чтобы накопить столько денег.

– Ну, мы зарабатываем по двадцать долларов в месяц, так что... – Клэр подняла глаза к потолку, словно пытаясь подсчитать. Потом пожалала плечами и махнула рукой, – не знаю, но точно очень долго!

– Дурочка, нам потребуется не меньше десятка лет. Подумай, что бы мы могли сделать с такими деньгами, куда могли бы поехать. Куда угодно! Могли бы сами принимать решения и не заниматься больше этой рабской, унижительной работой – Под нами Лина, конечно же, имела в виду себя и Вилла, и при этой мысли она не смогла сдержать улыбку, – То есть, если бы у нас было это кольцо, и мы его продали...

– Не говори так! – нежный мечтательный тон Клэр сменился на резкий и немного испуганный. – Нельзя говорить такие вещи. Тем более о Холландах, – добавила она.

Старшая сестра провела рукой по платью, расправляя складки, затем подняла его и

повесила на вышитую золотом ширму, за которой переодевалась Элизабет.

Лина подождала пару мгновений, а потом сказала:

– Это было странно, ты не находишь?

– Что именно? – Клэр недоуменно посмотрела на сестру.

– История со счетами.

Клэр нервно обернулась на дверь, затем на сестру и, наконец, прошептала:

– Могу я тебе кое-что сказать?

– Конечно, – ступая по мягкому восточному ковру, Лина подошла почти вплотную к сестре.

– Я думаю, у них... определенные финансовые проблемы.

– У кого? – Лина округлила глаза.

– У Холландов, – Клэр снова оглянулась, словно боясь увидеть в комнате одну из хозяек. – Недавно я видела того человека, мистера Бруссарда... того, кто продавал кое-что из коллекции покойного мистера Холлаида. Он был здесь и уходил... с вещами, – Клэр тяжело вздохнула, словно собираясь поведать нечто ужасное, – И... не только с теми, что вышли из моды.

– Но Холланды же так богаты... – Лина помолчала, пытаясь представить, что эта семья, со всеми своими прекрасными вещами, странными правилами и привычками аристократов, может нуждаться в деньгах. Хотя в последнее время она не жаловала хозяек и часто отзывалась о них дурно, идея о том, что они не так уж богаты, шокировала ее. Все переворачивалось с ног на голову! Значит, между ними и их господами не такая уж огромная пропасть... Вся их с сестрой жизнь, все их раболепное служение теперь казалось абсурдом.

– А в другой день, – прошептала Клэр, – я, кажется, кое- что слышала. Когда здесь был мистер Каттинг, и мисс Диана сказала...

Но их разговор был прерван скрипом открывающейся двери и появлением взволнованной Элизабет.

– О! – воскликнула она, явно удивленная тем, что обе служанки были в ее комнате.

– Мисс Элизабет, – спохватилась Клэр. Она шагнула ей навстречу и попыталась улыбнуться, – Я только что принесла платье из «Лорд & Тейлор», и мы просто проверяли, все ли с ними в порядке.

– Спасибо, – медленно выговорила Элизабет и пристально взглянула на сестер Бруд. Возможно, она задалась вопросом, что они делали вдвоем в ее комнате, – подумала Лина, ежась под подозрительным взглядом хозяйки. На мгновение служанка даже ощутила нечто вроде жалости к госпоже – ведь теперь несчастная мисс, возможно, небогата, и ей будет особенно тяжело жить без привычной роскоши и удобств. Но затем Лина напомнила себе о том, что Элизабет у нее отняла, и слегка расправила плечи.

– И, должна сказать, ваше платье просто изумительное, – продолжила Клэр высоким, слишком восторженным голосом, который заставил младшую сестру брезгливо поморщиться.

Ответ, казалось, устроил Элизабет.

– Спасибо, Клэр, очень мило с твоей стороны.

Она повернулась и посмотрела на Лину долгим пристальным взглядом. Служанка попыталась улыбнуться, но госпожа не ответила ей. Лине показалось, что Элизабет догадывается, как ее служанка на самом деле к ней относится. Впрочем, скрыть свою неприязнь к госпоже Лине удавалось далеко не всегда. Теперь она каждый день собирала маленькие грязные тайны о подруге детства. Прекрасный чистый образ, который она так старательно лелеяла, раскололся на части. Лина знала, что девушки из высшего общества делают с чужими тайнами – долго и тщательно собирают, а потом используют для своей выгоды. Ну что ж... У Лины были свои интересы, и она тоже могла сыграть в такую игру. Она прекрасно осознавала, что жалость к себе и сетования на свою несчастную судьбу ничего не изменят. Надо действовать по-другому! Она сыграет в игру Элизабет, и рано или поздно Вилл поймет, что мисс Холланд коварна и двулична. А потом увидит Лину совершенно с другой стороны – не как служанку, а как прекрасную леди, достойную его чувств.

Элизабет!

Мне очень жаль, но водный парад займет больше времени, чем я рассчитывал. Боюсь, я не смогу проводить вас на бал, но встречу в холле в восемь тридцать. Тогда и устроим наш выход.

С уважением,

Г. Шунмейкер.

– Вы готовы к тому, что произойдет сегодня ночью? – услышала Элизабет вопрос Лины и удивленно пожала плечами. Мисс Холланд рассеяно смотрела на свое отражение в большом овальном зеркале. Она была уже напудрена, нарумянена, с покрашенными губами и подведенными глазами. Волосы уложены в изящные локоны и украшены мелким жемчугом. Ах да, вопрос... Это была единственная фраза, которую она услышала от Лины за целый день, а может, и за неделю. Она прикусила губу и нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

– О, ваш выход с молодым мистером Шунмейкером, конечно, – добавила Лина со столь непривычной фамильярностью, что Элизабет вздрогнула. – Это же ваше первое появление в обществе как пары, – язвительно добавила она, еще туже затягивая в корсет талию госпожи. Элизабет вздохнула и поймала себя на том, что упоминание о Генри ей неприятно. Он казался ей сейчас совсем далеким и чужим, потому что единственное, что занимало ее мысли в последние дни, – это обещание Вилла уехать. Уехать навсегда. Сегодняшний день для нее никаким образом не был связан с Генри. Сегодня уезжал Вилл – и только это имело значение!

– Лина, который час? – спросила она, с тревогой думая о том, где сейчас возлюбленный. Может быть, он еще не уехал...

– Восемь часов, мисс Холланд, – скороговоркой ответила Лина, и сердце ее тоскливо сжалось.

Конечно же, Вилл посвятил ее в свои планы. И разумеется, он уже ушел. Пробило восемь часов, и последний поезд с Центрального вокзала уже должен был отправиться. Лина так яростно дернула за завязки корсета, что Элизабет чуть не задохнулась.

– Ведь мистер Шунмейкер будет сопровождать вас на этот вечер? – спросила Лина, заканчивая затягивать корсет.

– Нет, мы встречаемся уже в отеле, так как Генри пришлось задержаться на «Элизиан», – автоматически ответила Элизабет. Небрежно написанное послание час назад принес слуга, которому пришлось для этого прорываться через толпу на Ист-Ривер. И хотя по реакции матери она поняла, что должна расстроиться от такого поворота событий, ей было совершенно все равно, – Так называется яхта Шунмейкеров, – добавила девушка таким же бесцветным голосом. – Она участвовала в параде в честь адмирала Дьюи.

Элизабет стояла перед зеркалом и ждала, когда Лина поможет ей надеть платье, как вдруг с улицы раздался какой-то гул. Даже в этом спокойном районе вокруг парка в вечерние часы становилось по-праздничному шумно. С Бродвея доносились грохот салюта и крики собравшихся, звуки сталкивавшихся повозок и топот солдат. Элизабет же сейчас любой шум напоминал об отправлении поезда.

– Это просто солдаты, мисс, не беспокойтесь, – сказала Лина, возвращаясь с платьем.

Что-то в ее услужливости раздражало Элизабет.

– С чего это ты стала такой разговорчивой? – пробормотала она.

– Простите, я просто...

– Это ты меня прости, Лина, – быстро ответила Элизабет. Она попыталась улыбнуться служанке и напомнила себе, что бедная девушка тоже по-своему любит Вилла и когда-то они были друзьями. Она припомнила, как Лина всегда крутилась вокруг него, когда они играли все вместе и были озорной маленькой троицей. До того, как все стало сложным и запутанным, до того, как Элизабет осознала глубину своих чувств к Виллу. Ей пришло в голову, что Лина тоже могла знать о его отъезде, что она тоже могла грустить, – Прости, я не хотела тебя обидеть. Думаю, я просто нервничаю из-за сегодняшней встречи с Генри.

Лина понимающе кивнула и вернулась к своему привычному молчанию, помогая Элизабет с платьем. Оно сидело превосходно, украшенный жемчугом лиф выгодно подчеркивал тонкую талию. Увидев себя в платье, Элизабет вдруг подумала, что будь она храбрее и сделай то, о чем просил Вилл, то никогда, не носила бы больше таких одежд. На мгновение она возненавидела все эти шелка, жемчуг, золото и даже саму себя – за то, что так легко продалась, что переступила через свою любовь. Конечно, было много причин выйти замуж за Генри, но в тот момент ненависти к себе ей казалось, что она продалась всего лишь за цену этого вечернего наряда. Элизабет с трудом сдерживала рыдания, но не могла расплакаться при Лине, которая как раз сидела перед ней на корточках и помогала надеть туфли на высоких каблуках.

– Ты готова? – В комнату вошла Диана.

Ее платье было более простым, чем у Элизабет, но смотрелось на девушке великолепно: с короткими рукавами, изящным вырезом в форме сердечка и пышной сиреневой юбкой, шлейфом скользившей по полу. Широкий пояс великолепно подчеркивал изящную фигуру.

Элизабет знала, что наряд сестры перешит из старого платья, – Холланды могли позволить себе одежду только для одной дочери. Но Диана выглядела такой прелестной, что Элизабет невольно улыбнулась, радуясь за сестру. По крайней мере, хоть одна из них была счастлива...

– Да, почти, – Элизабет пыталась выглядеть уверенной и спокойной, несмотря на подступающие слезы и разрывающую сердце тоску.

Она еще раз посмотрела в зеркало и постаралась улыбнуться, а затем, взяв сестру за руку, повела на первый этаж. Она бы поблагодарила Лину или как-то еще выразила ей признательность, если бы все ее мысли не были сосредоточены на отъезде Вилла.

Когда сестры оказались в фойе, мать уже ждала их, облаченная в свой обычный черный цвет. Она с явным удовольствием посмотрела на прекрасно одетых улыбающихся дочерей и отметила, что весьма довольна их внешним видом. Даже нежные щеки Дианы покраснели от какого-то счастливого ожидания. Элизабет кивнула матери, изо всех сил стараясь сохранять свой обычный невозмутимый вид.

В комнату бесшумно вошла миссис Фабер, чтобы помочь хозяйкам надеть вечерние пальто. Когда Элизабет подошла к большой дубовой двери, у нее перехватило дыхание. Она взглянула на экипаж Холландов, запряженный четверкой черных лошадей, и, заметив кучера, поморгала, чтобы удостовериться, что зрение ее не обманывает. Это был Вилл, прямо перед ней! Спокойный и печальный, он сидел и смотрел на Элизабет в столь обычной своей манере, что она начала краснеть. Казалось, в этот миг у нее от радости выросли крылья. На какое-то время она даже забыла, что ей нужно делать сегодня вечером.

Мать с сестрой, не заметив, как Элизабет остановилась и покраснела, прошли вперед, спустившись по семи каменным ступенькам, и стали ждать, пока Вилл поможет им сесть в экипаж. Элизабет подошла ближе, сгорая от желания коснуться его, в том числе и чтобы удостовериться, что он не игра ее воображения. На Вилле были короткая шерстяная куртка с поднятым воротником, черные брюки, привычные коричневые ботинки и котелок, который он надевал только по вечерам. Сажая девушку в экипаж, он опустил глаза, но Элизабет чувствовала его руки на талии и замирала от счастья, успокоенная знакомым прикосновением.

А потом лошади повезли их в направлении «Вальдорфа».

– Ты улыбаешься, – удивленно отметила мать.

– О, – Элизабет непроизвольно поднесла пальцы к щекам, – Мне стало легче, вот и все. Хорошо, что мы уже едем.

– Да. Позор, конечно, что Генри встречает тебя там, а не в нашем доме...

Элизабет не могла прогнать с лица глупую улыбку, и ей было неважно, что там говорила мать. Она чувствовала себя легче перышка, летевшего сквозь город. Город, в котором все еще царило безумное, безудержное веселье...

– Впрочем, ладно. Это тоже неплохо. Важно, что в бальную залу вы войдете вместе.

– Да, – с легкостью ответила Элизабет.

Точно таким же тоном она отозвалась бы сейчас на все замечания матери. Вилл не бросил ее! Он понимает, что она делает это для своей семьи. Они никогда не будут вместе, но между

ними не будет и громадного расстояния в сотни километров. Она сможет видеть его, когда захочет, и, может быть, он будет любить ее и в статусе миссис Шунмейкер.

Несмотря на запруженные улицы, вскоре они уже были на углу Пятой Авеню и Тридцать четвертой улицы. Элизабет, улыбаясь, ждала, когда Вилл распахнет дверцу. Казалось, что весь Нью-Йорк высыпал на улицы, направляясь к «Вальдорф-Астории». Гостиница в пятнадцать этажей мерцала каждой своей башенкой и шпилем, всеми бесчисленными окнами, и несомненно была главным украшением района. Перед зданием в несколько рядов стояли экипажи.

Когда Диана с матерью вышли, Элизабет взяла Вилла за руку и медленно спустилась вниз. Коснувшись земли, она отпустила его руку, а он продолжал сжимать ее пальцы.

Она повернулась и увидела, как он наклонился и поцеловал ее руку. Тепло его губ волной пронеслось по всему телу Элизабет. Вилл внимательно смотрел на нее, а Элизабет не отрывала взгляда от его спокойных, уверенных глаз, красивого носа и полных губ, которые она целовала столько раз. И тут она поняла, что он что-то беззвучно шепчет ей. Там, перед всеми собравшимися у «Вальдорф Астории», Вилл безмолвно, одними губами говорил, что любит ее...

– Вилл! – рывкнула миссис Холланд. Оцепеневшая Элизабет отдернула руку и услышала обычные инструкции матери. – Вилл может вернуться домой, потому что обратно их привезут Шунмейкеры, – с облегчением поняла, что никто ничего не заметил. Она нашла в себе смелость робко улыбнуться любимому и прошептать, как она рада, что он остался. Затем повернулась и последовала за семьей в отель.

– Сегодня прекрасная погода, – повернув голову, Элизабет увидела дородную женщину в тяжелой золотой парче. Она ее не узнала и решила, что это одна из миллионерш с Запада, которых с каждым днем в Нью-Йорке становилось все больше. – Погода Дьюи, вот как я это называю, – добавила женщина, широко улыбаясь.

– Да, очень мило. – Только после слов о прекрасной погоде Элизабет поняла, что на улице и в самом деле очень приятно: ясное небо, легкий ветерок, и относительно тепло для позднего сентябрьского вечера. Впервые за неделю она почувствовала, что все будет хорошо.

– Приятного отдыха, – улыбнулась она женщине и повернулась к Диане.

Сестра взяла ее за руку и потянула в большой сверкающий вестибюль. Они быстро шли по коридору с мраморными стенами янтарного цвета, огромными зеркалами и мозаичным полом. Вдоль стен на мягких обитых бархатом креслах сидели гости, смеялись, громко разговаривали и рассматривали друг друга. Стоял невообразимый шум, все вокруг бурлило, и Элизабет начала понимать, почему газеты называли это место «аллеей павлинов».

– Его тут нет! – с жаром провозгласила миссис Холланд.

– Кого? – спросила Элизабет. Она видела раздражение матери, но все еще не могла стереть с лица улыбку. Она была слишком счастлива: Вилл не уехал, он здесь, и он по-прежнему любит ее...

– Генри, кого же еще! Все говорят, что он все еще на яхте.

Элизабет смотрела, как мать скрестила руки на груди и плотно сжала губы. Она закипала от ярости, оскорбленная тем, что не удалось продемонстрировать публике помолвку дочери. Вдруг позади нее выросла Пенелопа, облаченная в прекрасное платье цвета спелой хурмы, с низким, украшенным бисером вырезом.

– Да, часть гостей уже вернулась с «Элизиана» на берег, – сообщила она. – И, похоже, Генри тоже освободился.

– Ну что ж, – весело ответила Элизабет, – Он будет здесь довольно скоро. Нет причин волноваться, и можно наслаждаться вечером.

Она взяла Пенелопу за руку и тепло поцеловала в щеку. Так хорошо, что она рядом! Миссис Холланд мрачно взглянула на дочь, резко повернулась и направилась в огромную бальную залу отеля. Элизабет взглянула на сияющие лица сестры и подруги и пожала плечами. – Кто-то должен сказать матушке, что это не она выходит замуж за Генри Шунмейкера.

Девушки рассмеялись и, взявшись за руки, окунулись в атмосферу сияющего шумного праздника. Все трое выглядели счастливыми как никогда...

25

Было устроено столько вечеров, запланировано столько празднеств и торжеств, что в конце концов это привело к тому, что их виновника видели гораздо меньше, чем слышали о нем. Настоящий герой, сокрушивший испанцев в Тихом океане, – адмирал Джордж Дьюи.

С первой полосы «Нью-Йорк Империл», пятница, 29 сентября, 1899 год

Сидеть в бальной зале «Вальдорф-Астории» для Дианы было равносильно погребению в самом роскошном мавзолее из всех когда-либо построенных. Стены, потолок и даже пол – все блестело ослепительным золотым светом, а зеркала отражали блеск комнаты. Свет лавиной изливался с сорокафутового потолка, освещая лица гостей. Здесь была вполне привычная компания – дочери и сыновья старых нью-йоркских магнатов, новые миллионеры в черных фраках и роскошных платьях, моряки в эполетах и при офицерском оружии. С каждым днем, отмечала Диана, она узнает все больше и больше, и мир открывается перед ней во всем многообразии.

– Ты видела Агнесс? – спросила Пенелопа у Элизабет.

В перерывах между танцами девушки сидели на одном из бархатных диванов, держа в руках бокалы с шампанским и обмахиваясь веерами. Их юбки – лавандовая, розовая и красная – струились по полу. Каждый раз, когда открывалась дверь, они смотрели, не Генри ли это пришел, но его затянувшееся отсутствие никого из них не расстраивало. Получив записку, Диана не могла думать ни о чем, кроме Генри, но если он придет, то ей до конца вечера придется смотреть, как он танцует с ее сестрой.

– Агнесс и впрямь не помешало бы новое платье, – понизив голос, произнесла Пенелопа, отрывая Диану от мыслей о Генри.

– О, взгляни, она танцует с солдатом! Думаю, из нее получится хорошая солдатская жена.

– Потихе... Не надо быть такими вредными, – произнесла Элизабет почти шепотом. Она изобразила смущение, но Диана услышала насмешку в ее голосе. Иногда Диане казалось, что в сестре живут два человека, которые постоянно воюют друг с другом за право быть пайнкой или стервой.

– Я выйду замуж за солдата, – весело отозвалась Диана. Воображение немедленно нарисовало ей Генри в военной форме, статного, гордого и красивого. – Тогда я смогу посмотреть мир.

– Но, Ди, ты и сейчас можешь посмотреть весь мир, – фыркнула Пенелопа. Диана вспомнила ее замечание о том, что ей не нужно ничего, кроме Ньюпорта и Нью-Йорка, и, решив, что их представления о мире несколько различаются, промолчала, откинувшись на гору подушек.

– Вы видели своего соседа, Броуди Фиша? – Пенелопа повысила голос, стараясь перекрыть шум. – Он очень мил, как мне кажется.

– Да, – согласилась Элизабет, – Такие широкие плечи, не правда ли?

– Ну что ж, когда выйдете замуж и заскучаете, можно будет развлечься с ним, – фыркнула Диана.

Элизабет приложила ладони к вспыхнувшим щекам. Именно такой реакции Диана и ждала от сестры – чопорной и оскорбленной в лучших чувствах. Впрочем, она уже пожалела, что так неудачно пошутила, – щеки сестры буквально горели, лицо покрылось пятнами. Диана ласково сжала ее руку.

– Лиз, мы все прекрасно знаем, насколько ты нравственна, и не подумаем о тебе ничего плохого, если тебе нравятся его плечи, – Она окинула взглядом танцующих и прохаживающихся по залу мужчин – молодых и старых, в смокингах и военной форме. Но все они блекли в сравнении с юношей, который почему-то не торопился оказаться здесь, – И мне они тоже нравятся.

– Просто я бы никогда... – пролепетала Элизабет, перед тем как сменить тему. – Как

думаете, о чем сейчас беседуют наши матери?

Девушки обернулись и увидели суровые лица миссис Холланд и миссис Хейз. Они сидели в противоположной части комнаты на золоченой, обитой бархатом кушетке, оглядывали толпу и время от времени что-то нашептывали друг другу. Диана помнила, что когда-то их матушка не общалась с миссис Хейз, несмотря на то, что отец поддерживал приятельские отношения с отцом Пенелопы. Очевидно, теперь все переменялось. Даже их родительница больше не могла позволить себе быть высокомерной. Диана взглянула на мать с нескрываемым злорадством и блаженно улыбнулась своим мыслям...

– Мисс Холланд, мисс Хейз. – Подняв глаза, Диана увидела Тедди Каттинга, опустившего голову в легком поклоне. Безупречный черный фрак, светлые волосы уложены набок, на лице легкий загар.

– Тедди, – улыбнувшись, протянула Элизабет.

– Здравствуйте, мистер Каттинг, – Пенелопа подарила ему легкую улыбку.

Тедди поцеловал девушкам руки. Диана рассеянно смотрела мимо него, сквозь кружащихся танцоров. Их мать попрощалась с миссис Хейз и теперь гордо шествовала вдоль стены.

Девушка пыталась разглядеть, к кому же направлялась матушка, но в этот момент Тедди произнес:

– Я бы хотел, чтобы этим вечером каждая из вас подарила мне танец. Если позволите, я начну с младшей. Диана, разрешите пригласить вас?

Она в замешательстве взглянула на Тедди. Он был одним из поклонников Элизабет и, казалось, настолько увлечен старшей сестрой, что младшую просто не замечает. Странно, что в эту минуту он именно ей улыбался и протягивал руку. Принимая ее, Диана краем глаз заметила, что мать заговорила с представительным мужчиной, лицо которого показалось девушке знакомым.

– Генри не появлялся? – спросил Тедди, пока они скользили по бальной зале.

Диана постаралась не улыбаться даже при звуке его имени, но потом заметила, что Тедди все равно оглядывается на Элизабет с Пенелопой. Она вновь задумалась, почему Тедди пригласил именно ее. Может, Генри упоминал ее имя?

В конце концов, все знали, что они с Тедди закадычные друзья, и поэтому если бы он стал рассказывать о ней кому-то, то лишь тому, с кем сейчас она танцевала.

– Нет, я его не видела.

Руки Тедди едва касались ее, словно он чего-то боялся. И интересно, почему, – подумала Диана. Уж не потому ли, что он думал о ней как о возлюбленной своего друга Генри? Возможно, ему даже нравился такой расклад – ведь в этом случае у него был шанс завоевать Элизабет, которую он всегда обожал.

Диана пыталась следить за ногами – она танцевала не столь безупречно, как сестра, но вроде бы пока успевала за партнером. Во время танца она наконец узнала собеседника матери – это был Вильям Шунмейкер. Он, казалось, увлеченно беседует с мисс Холланд, но кулаки его были сжаты, лицо покрыто красными пятнами, а глаза сверкали гневом.

Диана подумала было, как наверное ужасно жить с таким строгим, отцом, когда Тедди вновь заговорил:

– Элизабет, кажется, в порядке.

– О... – Диана запнулась, с любопытством глядя ему в глаза. Слишком уж трогательно было наблюдать, как Тедди восхищается ее сестрой. Они повернулись, и Диана увидела счастливое и безмятежное лицо Элизабет. Они с Пенелопой держались за руки и смеялись, прикрываясь веерами, – Да, – согласилась она. – Пока Генри нет рядом, она кажется вполне счастливой.

Тедди рассмеялся над этой, как ему показалось, шуткой. Но как только слова слетели с губ, Диана поняла, что сказала чистую правду. Как странно, подумала она, глядя на сестру, что паша «идеальная леди» так радуется отсутствию столь престижного жениха.

– Утром мы с ним были на яхте. Нужно было настоять и уйти вместе, – твердил тем временем Тедди, – Когда я уходил, Генри был с Баком – это, очевидно, один из шаферов. И Бак заверил меня, что жених прибудет вовремя. Не знаю, что там у них произошло, но похоже, зря я

оставил Генри с этим подозрительным типом.

Диана взглянула на взволнованное лицо юноши, освещенное золотистым светом, и удивилась, почему тот так сильно беспокоится о друге. В конце концов, Генри не маленький и мог сам о себе позаботиться! Они вновь повернули, и теперь, за изящными прическами дам и широкими плечами джентльменов, она могла получше рассмотреть отца Генри.

– О, я вижу человека, который весьма расстроен отсутствием Генри, – хмыкнула она, мотнув головой в сторону матери и мистера Шунмейкера, все еще увлеченных беседой. Мистер Шунмейкер размахивал руками и, казалось, обрисовывал некий план. Тедди тоже взглянул в их сторону и печально покачал головой.

– Не хочу плохо говорить о Баке, но у меня сложилось впечатление, что он стремился напоить нас до полусмерти, – довольно громко произнес Тедди, вновь покосившись на Элизабет, – Я имею в виду нас с Генри.

Диана невольно улыбнулась, услышав имя Генри. Тедди произносил его с таким видом, словно знал об их отношениях. Музыка стихла, и все остановились. Диана с Тедди повернулись к двери вместе со всеми остальными гостями. Внезапно присутствовавшие разразились криками «Браво!».

Диана поднялась на цыпочки, стараясь разглядеть, что же случилось, и, наконец, увидела вошедшего человека.

Высокий, плотный, с длинными седыми усами, в красимой темно-синей форме с кисточками и большими латунными пуговицами, с длинной тонкой саблей на поясе. Он поднял руку и улыбнулся, услышав аплодисменты и возгласы: «Адмирал!» и «Ура!»

– Так вот он каков, герой Тихого океана! – воскликнул Тедди, тоже захлопав.

Некоторые из присутствующих достали маленькие американские флаги и принялись махать ими в воздухе. Диана тоже зааплодировала. И вот уже вся толпа стоя рукоплескала адмиралу. Вильям Шунмейкер гордо кивнул миссис Холланд и занял пустующее место справа от адмирала. Помакав толпе, он улыбнулся так, словно тоже был героем, заслуживающим самых высоких почестей и наград.

Диана улыбнулась, но не из-за военных подвигов адмирала, а потому что Генри так и не приехал. Он мог бы прийти и всю ночь танцевать с Элизабет, заставляя Диану завистливо издыхать. Аплодируя герою, она была уверена, что вместо этого Генри где-то там, далеко отсюда, думает о ней...

26

Дорогая П.,

Только что оставил юношу дома, как и планировалось. Парень кутил до утра, и думаю, что сейчас он нуждается исключительно в чашке хорошего крепкого кофе.

Ваш скромный слуга,

И.Ф.Б.

Пенелопа проделывала это уже тысячу раз. Привычным жестом накинула черную шерстяную накидку и опустила капюшон на глаза. Затем обогнула особняк Шунмейкеров и проскользнула к входу для слуг. Она шла по знакомым коридорам, осторожно подобрав юбки, к комнате, в которой должен был находиться Генри. Уже пробил полночь, позади остался званый вечер, на котором она, как всегда, была в центре внимания ухажеров и сплетников. Впрочем, она ничуть не устала, напротив, была полна решимости и сил. Весь вечер Элизабет являла собой пример для подражания – несмотря на унижение, спокойно улыбалась и танцевала. Разумеется, Генри так и не появился, перебрав шампанского, которое весь день усердно подливал ему Бак. Все получилось так, как и планировала Пенелопа: Генри пил весь день, а затем, на яхте, еще сильнее опьянев, впал в буйное веселье и начисто забыл обо всех обязательствах перед своей невестой. План сработал безукоризненно! Вот только Элизабет даже в поражении оставалась уверенной в себе, прелестной и всеми обожаемой. Пенелопа с удовольствием повыдергала бы ее белокурые локоны и в ключья растерзала ее дорогое розовое

платье. Но такой гордой девушке, как Пенелопа, не нужны были легкие победы, и уж тем более нападение на прелестное достояние «старого доброго Нью-Йорка» не принесло бы ей ничего хорошего. Так что она будет действовать другими методами... Девушка незамеченной прокралась по коридору на третьем этаже, лишь однажды обернувшись, дабы убедиться, что никто ее не видел, и вошла в кабинет, примыкавший к комнате Генри.

– Генри! – прошептала она, закрыв за собой резную дубовую дверь.

Он, закрыв глаза и зажав в зубах сигарету, лежал на массивном кожаном диване в центре комнаты.

– Генри, – повторила она чуть громче. Он услышал, вынул сигарету и повернулся к девушке.

– О! – ухмыльнулся он, слегка приподняв темную бровь. Обгоревший на солнце, всклокоченный и пьяный, как последний матрос, он все равно казался безумно красивым.

– Генри, ты выглядишь как бродяга!

Он опустил глаза на белую рубашку с расстегнутыми пуговицами и заляпанные грязью помятые светлые брюки и промолчал.

– Как прошел вечер?

– Тот, на котором ты так и не появился? – Пенелопа незаметно улыбнулась и плавным движением откинула капюшон.

– Да, именно он, – Генри вновь затянулся.

Пенелопа медленно стянула длинные белые перчатки и принялась лениво крутить их в руках.

– Скажи, а разве не на этом вечере вы должны были впервые появиться с Элизабет?

Генри выпустил вверх струю дыма.

– Я бы предпочел этого не делать, Пенелопа.

– Но разве тебе не кажется это важным? Забыть явиться на первое торжество после собственной помолвки... Знаешь, ее мать была в ярости!

– Правда? – грустно усмехнулся Генри и тяжело вздохнул.

– В прежние времена тебя бы это позабавило, – заметила Пенелопа, подходя ближе и усаживаясь у ног Генри. Тот лишь молча курил, уставившись на плечо Пенелопы. Она дотянулась до портсигара, лежавшего на животе юноши, и зажгла сигарету.

– Генри, – она подтянула колени так, что юбка раскинулась во все стороны, обнажив стройные ноги. Теперь, когда он был так близко, голос Пенелопы становился все тише и вкрадчивее, – Почему ты мне не сказал? Зачем было устраивать столь омерзительный сюрприз?

– Пенни... – Генри опустил голову на кожаную подушку дивана и уставился на фрески на потолке, в модном фривольном стиле изображавшие чаепитие в саду, – На самом деле я пытался тебе сказать. И ты узнала бы об этом гораздо раньше, если бы не привычка сжигать мои письма.

Пенелопа вдруг с ужасом поняла, что Генри вполне мог объявить о разрыве с ней в том злосчастном письме. Но главным ударом для ее самолюбия стало воспоминание о том, чем они занимались, пока догорало послание. Похоже, она рискует потерять контроль над ситуацией...

– Я понятия не имела, что... ничего не значила для тебя.

– Это не так – Генри докурил сигарету и бросил ее в граненую стеклянную пепельницу на полу. – Я не хотел, чтобы тебе было так плохо. Но видимо, мне все-таки придется причинить тебе боль...

Пенелопа резко поднялась, за спиной взметнулся мерцающий красновато-оранжевый шлейф. Она уловила в его словах какой-то странный подтекст, и он ей очень не понравился. Девушка подошла к книжным полкам, заставленным новыми, ни разу не прочитанными книгами, и выпалила:

– Почти то же самое сказала мне Элизабет!

– В самом деле? – Генри приподнялся на локоть и с любопытством посмотрел на Пенелопу.

– Да. А теперь объясни мне, что на самом деле происходит? Я же знаю, что ты ее не любишь. Она маленькая манерная ханжа, и если ты этого не знаешь сейчас, то очень скоро узнаешь, – Пенелопа быстро повернулась и пересекла комнату. Усевшись на пол рядом с

диваном, она взяла юношу за руку. – Генри, ты любишь меня. Разве ты не видишь, что я единственная, с кем ты сможешь быть? Никто не понимает тебя так, как я...

Генри выглядел все таким же задумчивым и отстраненным. Пенелопа уставилась на него, раскрыв рот и не зная, что еще сказать. Она уже озвучила все, что хотела, и логика ее слов казалась ей очевидной. Но Генри внезапно высвободил руку из ее ладони и поднялся. Волосы его, обычно идеально уложенные, растрепались и торчали в разные стороны. Пенелопа фыркнула:

– Куда это ты?

– Моя дорогая Пенни, – ответил Генри. Он вдруг сделался собранным и серьезным: поправил рубашку, отряхнул брюки, пальцами пригладил волосы. Через пару мгновений Генри опять был похож на того элегантного юношу, которым так гордилась Пенелопа. Правда, слегка пьян и во вчерашнем костюме, но все же... – Извини, но... Боюсь, тебе придется уйти. У меня срочное дело.

– Дело? В такое время? Среди ночи? – Пенелопа не верила своим ушам. Она откинулась на диван и состроила обиженное лицо – И это после того, как я пришла к тебе?

Генри подошел к столу, на котором стоял изящный самовар, налил кофе в маленькую серебряную чашечку и отпил. Затем повернулся к Пенелопе, пожал плечами и на секунду задержал на ней взгляд. Свет танцевал в его глазах.

– Знаешь, я совсем не чувствую опьянения.

– Знаю, – горько ответила Пенелопа. Весь день она ничего не ела и пила только воду, чтобы втиснуться в платье, а сейчас вдруг чувствовала отвратительную пустоту внутри, – Это я устроила.

– Правда? – Генри допил кофе и поставил чашку на стол, – Знаешь, я не удивлен. Ну что ж... Хорошо.

– Хорошо? Генри, я здесь, прямо перед тобой, – Она приподняла бровь и взглянула на Генри самым игривым и соблазнительным взглядом, на который только была способна. – Что тебе еще нужно?

Генри перегнулся через диван к Пенелопе, все еще сидевшей на паркетном полу, и легонько поцеловал ее в щечку.

– Сомневаюсь, что ты сможешь понять.

Пенелопа посмотрела на него и гневно сузила прекрасные голубые глаза, но Генри ответил ей почти беззаботной улыбкой.

– Ты ведь сможешь сама найти выход, правда? Прости, но не могу тебя проводить, но сейчас мне нужно пойти и принести извинения семье Холландов.

Пенелопа в оцепенении продолжала сидеть на полу. Дыхание у девушки перехватило, в глазах потемнело, и она все еще не могла поверить тому, что услышала. А Генри тем временем подхватил со спинки кресла свою шляпу и быстрым легким шагом вышел за дверь, даже не оглянувшись. Провожая взглядом его высокую стройную фигуру, Пенелопа ощутила себя такой отчаявшейся, униженной и одинокой, что ей стало страшно...

27

*Леди всегда должна сохранять спокойствие
и в любую непогоду оставаться веселой и жизнерадостной.
Утратив хладнокровие, она очень скоро потеряет
уважение знакомых и даже слуг.*

**Ван Камп. «Пособие по ведению домашнего хозяйства для леди»,
издание 1899 года**

Терпение Элизабет иссякло где-то на шумных улицах Манхэттена. Она не могла дожидаться возвращения домой и считала минуты, моля, чтобы этот прием поскорее закончился. Кроме того, девушку выводила из себя необходимость ежевечерне проделывать кучу бесполезных и утомительных вещей: например, тратить время на смывание косметики и

избавление от всех этих бесконечных слоев одежды. Сегодня это почему-то раздражало ее особенно сильно. Плюс ко всему, она совершенно не хотела видеть Лину, а ведь та наверняка скоро придет, чтобы помочь ей подготовиться ко сну...

Как только Элизабет решила, что мать уже в постели, она вышла из комнаты, бесшумно прокралась по коридору и осторожно спустилась по знакомой лестнице для слуг... К счастью, Генри так и не приехал на бал, так что Элизабет до сих пор чувствовала прикосновение губ Вилла на руке, не запятнанной пожатием ее фальшивого жениха. Она вернулась домой в экипаже Шунмейкеров – на этом настоял отец Генри, не на шутку разозленный отсутствием сына. Элизабет нетерпеливо смотрела в окна экипажа, на вспышки фейерверков, и отсчитывала про себя, сколько осталось до дома. Весь вечер она думала о любимом. Даже танцуя, грациозно плывя и улыбаясь Броуди Паркер Фишу или Тедди Каттингу, девушка думала только о том, удастся ли ей этой ночью увидеться с Виллом. Они любят друг друга и обязательно найдут выход – Элизабет была уверена в этом. От этих мыслей у нее кружилась голова и замирало сердце.

– Вилл? – прошептала она в темноту, открыв дверь конюшни, потом скинула туфли и поспешила к деревянной лестнице, приставленной к кровати. Соломинки на полу кололи ноги, но она не чувствовала этого. Задышавшись от волнения, Элизабет забралась наверх.

– Вилл, ты здесь?

Упав на колени, она ощупала матрац на кровати – ни подушки, ни одеяла... Поднявшись, девушка спустилась по лестнице и метнулась через конюшню к стойлам.

– Вилл? – позвала она чуть громче, – Вилл, ты здесь? Вилл?!

Она помнила, как когда-то приходила к нему и не смогла найти. Это было перед смертью отца, и в то время Элизабет была очень подавлена и расстроена. В тот раз она долго блуждала по конюшье, пока не нашла Вилла около одной из деревянных загоронок. Он сидел с полузакрытыми глазами, словно в полудреме. Он умел спать стоя, почти так, как спят лошади. Когда Элизабет разбудила его, он сообщил, что заболел Джаспер, любимый конь Элизабет. И поэтому Вилл сел рядом с загоном, где находился Джаспер, собираясь провести там всю ночь. Тогда они с Элизабет до рассвета сидели в обнимку, и он ее успокаивал.

Но сегодня все было иначе. Кучер, так заботившийся о своих питомцах, бесследно исчез. Девушка металась по всей конюшне, выкрикивая его имя, но вокруг были только лошади, глядящие из стойл блестящими черными глазами, и сладкий аромат сена, коловшего босые ноги. Вилла нигде не было, Элизабет почувствовала, что ей становится по-настоящему страшно. Она, чуть не плача, вернулась к кровати Вилла. Элизабет всегда боялась масляной лампы в конюшье из-за сена вокруг и никогда не зажигала ее сама. Впрочем, сейчас ее глаза привыкли к полумраку. Она вновь увидела пустой матрац. Белые деревянные ящики, которые Вилл использовал под книжные полки, тоже пустовали.

Элизабет была уже почти уверена, что одежды нет на месте, и даже не стала подходить к шкафу, чтобы проверить. Она обессиленно опустилась на то место, где обычно ждал ее возлюбленный. Волосы растрепались, и она дрожащими пальцами теребила пряди так, что жемчужины, украшавшие ее прическу, одна за другой покатались по дощатому полу. Девушка вдруг отчетливо вспомнила, как Вилл склонился перед ней у гостинцы. Он смотрел на нее с затаенной страстью и шептал слова, в которых она услышала любовное признание. А его поцелуй она приняла за обычное проявление нежности. Элизабет вновь в мельчайших деталях прокрутила в памяти всю сцену и внезапно поняла, что ей хотел сказать Вилл и что означали его жесты. Он с ней прощался.

Элизабет откинула волосы с лица и почувствовала, что задыхается. Она больше не могла сдерживать слезы, и через мгновение рыдания сотрясали все тело. Она вытирала градом катящиеся слезы юбкой, вновь и вновь повторяя имя любимого. И вероятно, девушка просидела бы так до утра, но вдруг услышала громкий насмешливый голос:

– И о чем ты плачешь?

Элизабет застыла.

– Простите... – Она слишком боялась поднять глаза и узнать, кто же так бесцеремонно вторгся в ее тайную жизнь.

– Твое платье помялось. Не это ли тебя так расстроило?

Элизабет медленно подняла глаза и увидела Лину, стоящую у двери со скрещенными на груди руками. Именно на том месте, где она сама всегда замирала, прежде чем войти. Лина стояла, постукивая левой ногой.

– Нет, – ответила Элизабет. Она выпрямилась и заговорила более уверенным голосом, – Не из-за этого.

– Да, а из-за чего же тогда? Из-за Вилла? – Лина презрительно покачала головой и с иронией добавила: – Твоего Вилла?

– Что?! – Элизабет в недоумении уставилась на служанку. Она внезапно вспомнила, как та плакала, когда Элизабет с Виллом не брали ее в свои детские игры. Сейчас у Лины был такой же взгляд – обиженный, тяжелый, злой, пугающий. Элизабет встала и начала спускаться по лестнице. Она услышала треск ткани и увидела, как от платья оторвался лоскут, но не остановилась. В тот момент она не могла думать о столь незначительных мелочах. Она спустилась и повернулась к Лине как раз в тот момент, когда та произнесла:

– Ты никогда его не заслуживала!

Элизабет была в замешательстве. Она понимала, что не может сейчас ни спорить, ни убеждать служанку сохранить ее тайну. Какое-то время они с ненавистью смотрели друг на друга. Переведя дыхание и немного успокоившись, Элизабет вдруг увидела гримасу боли на лице Лины и поняла, что девушка тоже страдала из-за Вилла, из-за его отъезда.

– Ты ничего не знаешь, – уверенно и спокойно произнесла Элизабет. Она чувствовала, как к ней возвращается спокойствие. – И ты уж точно сейчас не там, где должна быть!

Лина неестественно улыбнулась.

– И где же я должна быть, мисс? Наверху в вашей комнате, помогая снять платье? Тяжело работать в отсутствие хозяйки.

– Да, именно там ты и должна находиться! И не забывай, что ты обязана меня слушаться. Ты работаешь на нашу семью. – Элизабет окала губы и с силой хлопнула рукой по бедру. Она с нарастающей уверенностью смотрела на Лину, на ее уродливое черное платье, нелепую фигуру, перекошенное лицо, веснушки па носу и маленькие глаза, потом приподняла свою прекрасную бровь и промолвила самым начальственным тоном, который только могла изобразить:

– Боюсь, ты сильно разочаруешь свою бедную сестру. Только ради нее я тебя не увольняю.

Она подобрала юбки и прошествовала мимо Лины к двери кухни, а у лестницы обернулась и властно уточнила:

– Только поэтому я пока что тебя не увольняю!

Лина уставилась на хозяйку с бессильной ненавистью, но ничего не ответила. Элизабет слегка вскинула голову и смерила Лину долгим надменным взглядом – этот жест хоть на мгновение позволил девушке почувствовать себя сильной. Осознание того, что Вилл уехал и, возможно, они никогда больше не увидятся, выжигало ее изнутри. Но она усилием воли сдерживала слезы, неторопливо и гордо удаляясь от служанки. Она знала, что поднимается по этой лестнице последний раз в жизни...

28

Дорогая Элизабет!

Похоже, я тебя так и не дождусь. Стараюсь не терять надежды, что вскоре ты за мной последуешь. Я отправляюсь в Калифорнию и буду каждый день молиться о том, чтобы однажды увидеть тебя. Или, если ты вдруг решишься, встретимся на Центральном вокзале, последний поезд отправляется в 11 часов.

Навеки твой,

Вилл Келлер

Лина нашла записку в шкафу Вилла, в кармане синей куртки. Она зажгла лампу, осторожно касаясь фитилька спичкой, и внимательно рассмотрела письмо. Оно было написано на листке плотной кремовой бумаги, похожей на ту, что использовала для писем Элизабет.

Лина пробежала пальцами по золоченым краям и подумала, что Виллу наверняка было трудно устоять перед обладательницей таких прелестных вещиц. Когда-то Лина тоже благоговела перед всей этой роскошью, но теперь она увидела совершенно другую Элизабет – одинокую и несчастную в своей богатой спальне. Служанка покраснела от ярости, вспомнив слова бывшей подруги, жестокие и высокомерные. Но постепенно ярость вновь сменилась мучительным осознанием того факта, что Вилл уехал, и уехал навсегда. Лина села на матрац, сцепила руки над головой и попыталась представить его рядом с собой, но расстроилась еще сильнее. Единственный юноша, которого она любила, исчез из ее жизни, а она ведь так ни разу и не поцеловала его. Она прижала ладони к глазам, чтобы не заплакать, посидела в странном оцепенении еще пару минут и медленно встала. Самое ужасное, что он уехал, даже не вспомнив о ней, – наверное, он вообще ни о ком не думал, кроме своей лицемерной мисс. Но надо было что-то делать! Лина глубоко вздохнула и подумала, что, возможно, еще не все потеряно. Она подошла к шкафу и сняла с крючка синюю куртку, – такие обычно носили моряки, и она видела ее на Вилле прошлой зимой, когда он расчищал снег или запрягал лошадей. Должно быть, он оставил ее для Элизабет, на случай, если та соберется ночью последовать за ним – позаботился о том, чтобы любимая не замерзла по дороге – но Элизабет ее не заметила. Лина напялила куртку и опустила записку в карман. Затем собрала жемчужины, упавшие с волос хозяйки, и через маленькую дверь вышла на улицу.

Ночь благоухала; Лексингтон-авеню, несмотря на поздний час, была заполнена людьми. Они все еще праздновали возвращение героя и продолжали веселиться, расхаживая по улицам с флагами и обнимаясь. Лина плотнее запахнула куртку Вилла. Эта вещь вряд ли была ей нужна, но в одежде еще хранились его запах, аромат сена и мыла, так что девушка решила, что не будет ее снимать. Лина быстро зашагала к Центральному вокзалу. Избалованная Элизабет, конечно же, никогда не пошла бы ночью на вокзал и тем более не уехала бы с Виллом неизвестно куда. Испугалась бы за себя и за свою репутацию. Но Лине такой поступок казался возвышенным и единственно возможным. Увидев перед собой здание вокзала, с его величественным фасадом, высокими башенками и овальными окнами, она прибавила шагу. Внутри было практически пусто. Только несколько человек, завернувшись в одеяла, спали на длинных деревянных скамьях. Лина не посмотрела на большие настенные часы, по в пустынном темном зале казалось, что стояла глубокая ночь. Она промчалась через зал ожидания, стуча каблуками по мраморному полу, и подбежала к кассе. Девушке пришлось постучать по стеклу, чтобы разбудить кассира. Когда тот, наконец, услышал, Лина наклонилась к нему, надеясь на чудо. Он наверняка сможет понять ее и помочь, она почти уверена!

– Да, мадам, – пробормотал юноша-кассир, смотря на нее сонными глазами.

– Я хотела бы узнать... – начала Лина и запнулась. Внезапно ей пришло в голову, что она могла показаться сумасшедшей: с безумными глазами, без багажа и в одежде, совершенно не подходившей для путешествия. – Не могли бы вы мне подсказать, – продолжила она, стараясь, чтобы голос звучал более уверенно, – не появлялся ли здесь ночью молодой человек, который собирался поехать на запад? Возможно, в Калифорнию.

– Молодой человек? – медленно повторил кассир и понимающе улыбнулся, – Какой именно?

– Примерно вашего возраста. – У Лины кружилась голова, и она с трудом подбирала слова. – Он путешествует в одиночестве.

– Молодой человек, путешествующий один? А почему вы пытаетесь узнать, где он, так поздно ночью?

– Это не ваше дело, – Лина запахнула куртку и постаралась выглядеть построже. Она пыталась вести себя, как Элизабет в подобной ситуации, и потому нахмурила брови, гордо повела головой и поджала губы, – Так вы можете мне или будете задавать неподобающие вопросы?

– Я бы с удовольствием вам помог, – протянул кассир, не отрывая от нее глаз. Лина чувствовала, что молодой человек определенно испытывал к ней интерес, однако ее это совсем не радовало, – Но я обслуживаю железные дороги Нью-Йорка, Нью-Хейвена и Хартфорда. Если ваш молодой человек собирался в Калифорнию, он выбрал бы Центральную Нью-Йоркскую ветку.

– О, – ответила Лина растерянно. Должно быть, она выглядела очень грустной и смущенной, потому что кассир приподнялся, вежливо указал ей на другую сторону громадного зала ожидания и мягко произнес: – Спросите в кассе следующего зала, прямо за той аркой.

Лина благодарно кивнула, повернулась и, почти задыхаясь, побежала в указанном направлении.

– Если не сможете его найти, приходите ко мне в гости... – раздалось сзади. Лина повернулась и увидела, как кассир подмигнул ей. Девушка не была уверена, что он с ней флиртует, поскольку была совершенно неопытна в подобных делах, но этот жест вдруг показался ей добрым знаком. Она вымученно улыбнулась и понеслась дальше по мраморному полу.

В другой кассе Лина обнаружила пожилого человека, бодрого и румяного. Он носил бакенбарды, которые, однако, ничуть не маскировали его широкое сияющее лицо.

– Говорите, он высокого роста?

– Да, высокий, большие голубые глаза, красивое лицо. У него совсем немного багажа, и путешествует он один.

– Здесь многие подходят под это описание, – мужчина помолчал, перебирая бумаги, и Лина нетерпеливо посмотрела по сторонам – Но не в столь поздний час. Мне кажется, я знаю, о ком вы говорите, и этот человек уехал на одиннадцатичасовом поезде до Чикаго. Если вы говорите, что он направляется в Калифорнию, он наверняка пересядет на другой поезд, идущий через Окленд.

– Сколько сейчас времени? – спросила Лина упавшим голосом. Она поняла, что одиннадцать часов уже давно прошли.

– Десять минут второго.

– Когда следующий поезд до Чикаго?

– Только утром, юная леди. В семь часов.

Лина с содроганием подумала о возвращении в дом Холландов и о встрече с Элизабет.

– Мне, пожалуйста, один билет до Чикаго!

Кассир окинул ее недоверчивым взглядом.

– Хорошо. Сколько у вас денег?

Лина опустила глаза и ощупала карманы в надежде, что Вилл оставил Элизабет деньги на билет. Но, разумеется, там было пусто. Естественно, ведь Элизабет так богата!

– У меня их совсем нет, – всхлипнув, пробормотала она.

– Ну что ж, – громко хмыкнул кассир, – приходите, когда они у вас будут.

Чувствуя себя раздавленной, Лина отвернулась от окошка и пошла между длинными рядами скамеек, похожих на церковные скамьи. Ей захотелось присесть на одну из них. Возможно, ее подберут и отправят в дом для падших женщин. Что ж, это будет достойное завершение худшего дня в ее жизни. Лина подумала, что предпочла бы оказаться где угодно, только бы не видеть больше Элизабет.

Лина медленно подошла к дверям и, обернувшись, окинула взглядом стеклянный купол вокзала. За ним, на востоке виднелся бедный район Датчхилл, где селились ирландцы. Оказавшись там, девушка, как она, рисковала остаться им навсегда. Вилл – прекрасный, совершенный Вилл – смог найти средства, чтобы сбежать от Холландов, а вот Лине только и оставалось, что уйти пешком. Она еще немного постояла у двери и шагнула за порог. Выйдя на улицу, девушка увидела, что праздник все еще продолжается. Крики, аплодисменты, фейерверки в ночном небе... Прямо над ней расстилалась необъятная, сверкающая вселенная. Но вся эта ослепительная красота казалась Лине жестокой насмешкой: ведь ее собственный мир с сегодняшнего дня стал еще меньше, безысходнее и невыносимее. Она ненавидела свою работу и себя саму, но больше всего она ненавидела Элизабет. Ведь именно Элизабет все разрушила, забрала у нее самое драгоценное, украла у нее единственного мужчину. В эти минуты Лина чувствовала себя слишком уставшей и разбитой, чтобы строить планы и думать, как бы выбраться на волю. Но, взглянув еще раз на расцвеченное огнями нью-йоркское небо, она твердо решила, что где-то обязательно должен быть выход и она его найдет.

Матери со старомодными взглядами уверены, что окна на ночь нужно закрывать, дабы предотвратить возможность проникновения посторонних лиц в спальни их дочерей. Мы же ратуем за современный подход: свежий воздух полезен для здоровья девушек, и в теплые ночи окна можно оставлять приоткрытыми.

Ван Камп. «Пособие по ведению домашнего хозяйства для леди», издание 1899 года

Несмотря на то, что фейерверки все еще расцвечивали небо, Диане казалось, что веселое празднование постепенно стихает и удаляется от них. Она посмотрела в зеркало, подмигнула себе и улыбнулась своим мыслям. Таким сладким и таким недостойным... Сердце ее переполняла радость, и Диана в эти минуты чувствовала себя абсолютно счастливой. Ей хотелось летать от восторга, когда она вспоминала прошедший день, наполненный волнующими загадками, многозначительными взглядами, тайными и опасными любовными посланиями. Диана мечтательно вздохнула, подвинула маленький стульчик, на котором сидела, поближе к большому зеркалу в золоченой раме, и пригладила рукой непослушные кудри. Почти час назад Клэр помогла ей раздеться, смыть краску, вымыть ноги и уложить волосы на ночь. Но спать Диане не хотелось. Она совсем не устала, напротив, чувствовала удивительный прилив бодрости. Девушка посмотрела на себя в зеркало и кокетливо надула губки. Она определенно нравилась себе в этой длинной белой сорочке, через которую слегка просматривалась ее маленькая аккуратная грудь.

– Это вовсе не сумасшествие, – горячо прошептала она своему отражению, проводя пальцами по соскам, – что вы не можете забыть обо мне, Генри Шунмейкер.

– Не могу с вами не согласиться!

Диана вскрикнула и чуть не упала со стула. Вздвогнув, она инстинктивно прикрыла руками грудь и съежилась от страха. Медленно повернувшись к окну, выходящему в сад, девушка с изумлением увидела человека, о котором думала весь день.

– Что вы здесь делаете? – прошептала она, подбегая к большому двойному окну, оставленному открытым, дабы впустить немного ночной прохлады. Генри стоял снаружи, на узком резном балконе, растрепанный, в закатанных брюках и белой рубашке, немного смятой и запачканной, и, улыбаясь, смотрел на нее с восторгом и затаенной страстью.

– То есть... Как вы сюда попали? – запинаясь, продолжила Диана, потому что Генри, похоже, собирался только восхищенно смотреть на нее и молчать.

– Я свернул с Девятнадцатой улицы, перелез через решетку Ван Дорансов, а потом через вашу. А оттуда легко попасть на балкон, – Генри взмахнул рукой и поклонился девушке, – И вот я здесь!

Диана смущенно кусала губы и не знала, что сказать, – она ожидала чего угодно, но увидеть сегодня в своей спальне мужчину своей мечты... Легкое розовое покрывало на кровати, горы книг на столе, старая медвежья шкура у камина – все это казалось очень старомодным и в то же время очень девичьим.

– Я думала о вас весь вечер, – застенчиво произнесла она, и щеки ее вспыхнули.

Генри все еще стоял между окном и чугунной решеткой балкончика, и Диана заметила, что его лицо обгорело на солнце.

– Хотел бы я сказать то же самое, – Диана открыла было рот, но тут Генри подмигнул, не дав ей вымолвить ни слова, – Но я с утра до вечера был пьян и лишь теперь, уже выпив изрядное количество кофе, могу признаться, что тоже думаю только о вас.

– Правда? – Диана покраснела еще сильнее и почувствовала, что сердце ее сейчас выпрыгнет из груди. – Я не ожидала...

– Ди? – раздался приглушенный голос из-за двери. Генри инстинктивно пригнулся. Диана подумала сначала о матери, потом о Клэр, и ее прошиб холодный пот. Она умоляюще посмотрела на Генри и приложила палец к губам. Как же ей хотелось коснуться его! Обнять, расстегнуть все пуговицы на рубашке и опуститься на мягкий ковер. Генри взмахнул рукой, расширил глаза и растерянно взглянул на дверь, потом на Диану...

– Ди? Можно мне войти, я...

Генри беззвучно спросил, что ему делать, и Диана энергично замахала руками в его сторону. «Уходи», – одними губами прошептала она. Он быстро повернулся, не переставая улыбаться, и исчез за перилами балкона. Диана услышала треск ломающихся веток, но не осмелилась обернуться, потому что в этот момент открылась дверь.

– Ди? – робко произнесла Элизабет, просовывая голову.

– О, – Диана испуганно уставилась на сестру, чье платье было мокрым и порванным, а волосы растрепаны так, словно она побывала в эпицентре урагана.

– Ты почему так легко одета? Простудишься! Надо прикрыть окно, – и тут раздался треск, стук падения и звук, похожий на возглас боли, – Что там творится?

– Все хорошо! Это просто люди возвращаются с парада, – быстро и уверенно сказала Диана, спеша закрыть окно прежде, чем это сделает сестра. Она с трудом поборола в себе порыв выглянуть с балкона и убедиться, что с Генри все в порядке. Похоже, ее сестре сейчас было гораздо хуже, – Что с тобой, Элизабет? Твое платье... – Она указала на рваный грязный подол роскошного одеяния сестры, которое теперь выглядело так, словно им мыли кухню.

– О, я... я упала с лестницы! Хотела взять воды, но юбка, должно быть, зацепилась, и...

– Ты что, плакала? – перебила ее Диана. Глаза сестры припухли и покраснели.

– Нет. То есть немного. – Элизабет робко взглянула на сестру, – Это просто... – Губы у нее дрожали, и она выглядела несчастной и незащищенной.

Диана удивленно смотрела на нее, силясь понять, что именно сестра пытается ей сказать. Юную мисс Холланд в эти минуты обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, она радовалась, что Генри ушел, и к тому же ушел незамеченным. Диану настолько смутило его внезапное появление, и она так боялась сказать или сделать что-нибудь не то... С другой стороны, она жалела, что Генри так быстро исчез, и немного злилась на сестру за столь несвоевременное вторжение. Но глядя на Элизабет, она понимала, что не может на нее злиться. Сестра выглядела сейчас такой слабой и несчастной, что у Дианы защемило сердце от жалости и тревоги...

Элизабет опустила плечи и вздохнула, словно пытаясь подобрать слова.

– Ты помнишь картину Вермеера, которую подарил мне папа?

Диана подняла глаза к потолку и возразила:

– Он подарил Вермеера мне – она очень хорошо помнила эту историю. Отец заказал картину из Парижа, когда миссис Холланд ждала второго ребенка, и предполагалось, что полотно будет висеть в комнате младшей дочери. Но потом маленькая Элизабет поразила всех глубоким пониманием композиции, и тогда отец разрешил, чтобы до шестнадцатилетия Дианы картина висела в комнате старшей сестры. Однако к тому времени отец умер, и никто уже не хотел обсуждать вопрос о перемещении картины.

– Но потом ее повесили у тебя! – добавила она с ноткой горечи.

– Возможно, – сказала Элизабет. По ее голосу Диана поняла, что сестра всего этого не помнит, и пожала плечами. Ей не нужно было спорить о таких мелочах, когда красивый мужчина, обрученный с сестрой, тайно посещает ее ночью через окно. Элизабет глубоко вздохнула. – Думаю, теперь это не имеет значения. Я просто хотела... То есть, если все будет в порядке... – Элизабет вновь съежилась и закрыла лицо руками, чем окончательно привела Диану в замешательство.

– Ну, успокойся. Можешь спать здесь, если хочешь, – Диана подошла к сестре и обняла ее. Потом помогла снять платье, пытаясь не думать о Генри и тех прекрасных мгновениях, когда он стоял у ее окна. Главное, что их не обнаружили. И главное, что сейчас она может помочь сестре, утешить ее – Диана еще ни разу не видела ее такой несчастной и подавленной. Но даже когда сестры, впервые за долгие годы, легли спать на одной кровати, Диана долго еще не могла заснуть. Почти до утра она сгорала от страстного желания поцеловать единственного холостяка Нью-Йорка, который уже не мог ей принадлежать...

Одно из многих празднеств, устроенных прошлым вечером в честь возвращения к нашим берегам адмирала Дьюи, – бал в «Вальдорф-Астории» – должен был ознаменоваться появлением недавно обрученной пары, мистера Генри Шунмейкера и мисс Элизабет Холланд. Мисс Холланд присутствовала, как всегда прекрасная и возвышенная, а вот мистер Шунмейкер так и не появился, давая циникам повод усомниться в серьезности его намерений относительно будущей женитьбы. Удивительно, насколько ветреными и легкомысленными могут быть молодые люди.

Из раздела светской хроники в «Нью-Йорк Имperiал», суббота, 30 сентября, 1899 года

Генри разбудили удары газетой по лицу. Он с трудом пошевелил рукой, повернулся на бок и обнаружил, что спал в одежде, да еще и не на кровати. Во рту стоял отвратительный привкус, голова раскалывалась, а руки были исцарапаны так, словно он дрался со стаей уличных котов. Для изысканного Генри Шунмейкера, который всю ночь грезил о нежных прикосновениях Дианы Холланд, это утро не предвещало ничего хорошего.

– Генри... открой, черт возьми, глаза! – раздался низкий разгневанный голос отца. Вильям Шунмейкер говорил гнусаво и раздраженно даже в хорошем настроении, а сейчас он явно был не в духе, – Хочешь апельсинового сока?

Генри разлепил один глаз, потом второй. Расплывчатое видение отца стало обретать устрашающе четкие контуры.

– А у тебя есть апельсиновый сок? – спросил он, едва шевеля губами.

– Нет!

Генри окончательно проснулся и постепенно начал понимать, где находится. Его собственный кабинет, примыкающий к спальне, чудесное темное прохладное место, где особенно приятно укрыться, если болит голова. В этой маленькой комнатке он вчера прилег отдохнуть после поездки на яхте. Интересно, а что было вчера?..

Генри перевел взгляд с сумрачного отца на бледную девушку, маячившую за его спиной. Облаченная в черное платье с белыми воротником и манжетами, она держала на подносе графин с ярко-оранжевым напитком. Генри жадно посмотрел на спасительную жидкость, потом перевел взгляд на отца.

– Хильда, не давай ему ничего, – отец нервно прошелся по комнате, сцепив руки за спиной, – Я вижу, Генри, ты уже пришел в себя. Но мне кажется, ты не слишком отчетливо помнишь прошедшую ночь. Однако я узнал некоторые детали и хочу тебе помочь кое-что вспомнить. Именно поэтому мы с Хильдой пришли сюда...

Генри посмотрел на девушку. Она служила у них довольно давно и уже привыкла хранить его секреты. Теперь же Хильда стояла, опустив голову, и старалась не смотреть в глаза юному хозяину. Он еще раз взглянул на сок и затем на отца, облаченного в тройку из дорогой бежевой ткани. Генри подумал, что такой костюм должен производить особое впечатление на железнодорожных рабочих и слуг. Он скривил губы и отвернулся, пытаясь дать отцу понять, что на него эти уловки не действуют.

– Продолжай, Хильда, – властно изрек отец. – Повтори Генри то, что сообщила мне.

Девушка помолчала в нерешительности и, только когда отец бросил на нее многозначительный взгляд, торопливо сказала:

– Я видела молодую леди, уходившую вчера поздно ночью. На ней было красное платье, и вела она себя довольно шумно. Платье выглядело новым и очень дорогим.

Генри почувствовал слабость во всем теле. Он помнил, как вчера в своем роскошном платье приходила Пенелопа. Но как он мог так опрометчиво оставить ее одну! Обхватив голову руками, он слышал, как отец велел Хильде удалиться на кухню. Увы, вместе со сладким апельсиновым соком...

– Не думаю, что ей стоит слышать следующую часть нашего разговора, – старший Шунмейкер скрестил руки на груди. – Ты помнишь, как добрался до дома?

– Нет, сэр, – глухо ответил Генри.

– Тебя скинула лошадь, – обрубил мистер Шунмейкер, – У тебя синяки по всей левой стороне тела и порезы от неудачного приземления в розовый куст. Что-нибудь припоминаешь?

Генри покачал головой.

– Я был пьян, – произнес он, пытаясь изобразить стыд и уверенность в своем неведении. Конечно же, он прекрасно помнил свое позорное приземление, но при этом совсем не был уверен, что сможет внятно объяснить отцу причину, по которой проник в окно младшей сестры своей невесты. Иногда ему казалось, что быть постоянно пьяным – лучший выход из любой ситуации.

– Генри, я не дурак и прекрасно знаю, что ты был пьян. Ну, так ты поведаешь мне историю или придется сделать это самому?

– Ты, наверное, лучше знаешь, – грустно усмехнулся Генри.

– Прочти это сам, – с отвращением ответил отец, швыряя ему газету. Она с шелестом промчалась в воздухе и попала Генри прямо в лоб. Избегая взгляда отца, который продолжал в ярости расхаживать по комнате, юный Шунмейкер поднял сложенные листы и увидел, что нужная статья обведена красными чернилами.

– Все это очень печально, – изрек Генри, закончив читать.

Несмотря на ироничный тон, он именно это и имел в виду. Тот факт, что его видели пьяным разгуливающим по городу и публично осмеяли в газете, совершенно не радовал. Но сейчас Генри не сильно огорчился тому, что узнал о себе, – в эту минуту гораздо сильнее, чем стыд, его мучила жажда. Он понял, что хочет только одного – выпить целый графин сока. И тогда, может быть, он сможет взять себя в руки и как-то оправдаться.

– Действительно, – ответил отец, с еще большим сарказмом, чем это сделал Генри. Сын смотрел, как старший Шунмейкер, не разжимая сцепленных за спиной рук, замедлил шаг и приблизился к окнам, выходящим на Пятую Авеню. Он понизил голос, который от этого, правда, не стал менее грозным. – Куда уж печальнее... А ты хочешь узнать, где я был прошлой ночью, Генри?

Сын молча смотрел на отца. Рано или поздно ему все равно расскажут об этом. Скорее даже рано.

– Я был в «Вальдорфе» с мэром и самим адмиралом Дьюи. Ты знаешь, что его прочат в президенты? Это был прекрасный политический шанс! И я никак не ожидал, что ты разрушишь все мои планы.

Генри попытался прилизать волосы и руками разгладить рубашку, чтобы выглядеть хоть немного достойнее. Отец тем временем отвернулся от окна и вновь уставился на сына.

– Я хотел – вместе со всем городом! – увидеть тебя с твоей прелестной невестой в «Вальдорфе». И можешь представить всеобщее разочарование, когда ты не появился? В этот вечер весь Нью-Йорк жаждал сплетен, и ты предоставил им достаточно поводов. Ты в очередной раз продемонстрировал всем свою безответственность, Генри, – Отец, сжав губы, отвернулся, а юный Шунмейкер так и не мог ничего придумать в свое оправдание. Он просто молча смотрел, как отец перевел дыхание, одернул фрак и вернулся к своему обычному раздраженно-деловому тону, – Вот что мы сделаем, Генри! Своим вчерашним поступком ты превратил вашу помолвку в фарс, и многие уже считают ее насквозь фальшивой. Но мы перекроем этот досадный эпизод более значительным эпизодом. Но только гораздо более позитивным...

Генри, который часто становился невольным объектом газетных новостей, не хотел сейчас даже в мелочах спорить с отцом. Он поднял на старшего Шунмейкера печальные глаза и виновато вздохнул. Отец медленно приблизился к нему. Генри неотрывно смотрел в его мрачное лицо, покрытое красными пятнами, и думал, сможет ли когда-нибудь стать хорошим сыном и положить конец бесконечным конфликтам.

– Более значительным эпизодом? – повторил он механически.

– А, так ты понимаешь, о чем я! Как мило. Да, куда более значительным. Завтра ты пойдешь к Холландам и будешь с ними особенно любезен. А сегодня вечером я отправлю к миссис Холланд Изабеллу, чтобы немного разрядить обстановку. Ладно, разберемся с этим ближе к обеду.

Генри попытался вникнуть, но чувствовал себя слишком больным и издерганным.

– Так... в чем идея? – уточнил он, морщась от очередного приступа головной боли.

Вильям Шунмейкер оживленным взглядом посмотрел на сына и гордо улыбнулся.

– Мы передвинем свадьбу на более ранний срок. Величайшую свадьбу девятнадцатого столетия, вот как назовут ее в газетах! Людям это понравится.

– Ты говоришь о моей свадьбе? С Элизабет? – спросил Генри с оцепенением, все еще плохо соображая, – Передвинем... На какое число?

Генри с ужасом наблюдал, как отец извлекает из кармана золотые часы. Он улыбался, довольный собственной затеей и уверенный в своей изворотливости. И из-за этого Генри чувствовал себя еще более неуютно.

– Если хочешь остаться без наследства, я буду вынужден... – отец проницательно посмотрел на него, – Я предпочел бы этого не делать, но если придется...

– Нет, сэр, мне не хотелось бы доводить до этого – Генри опустил ресницы, ненавидя себя за трусость.

– Ну что ж, тогда, Генри, мой мальчик, если у тебя нет никаких планов на воскресенье, – это будет восьмое октября, – мы вас поженим.

Генри в оцепенении посмотрел на горделивую усмешку отца и понял, что времени у него почти не остается...

31

Говорят, невеста выглядела подавленной и печальной после того, как ее жених не явился на бал в честь празднования возвращения Дьюи.

Из новостной ленты «Нью-Йоркских новостей», воскресенье, 1 октября, 1899 год

Два дня торжеств, парадов и безудержного веселья истошили Нью-Йорк, и воскресное похмелье удерживало горожан дома. Элизабет чувствовала это опустошение и затишье, даже находясь в собственной гостиной. Те немногие гости, что нашли в себе силы выбраться в этот день к Холландам на чай, выглядели не лучшим образом. Элизабет не читала газет, но если бы и прочла, то вряд ли стала отрицать, что выглядит несколько подавленно. Правда, совсем по другой причине, но это уже никого не касается. И это хорошо, подумала она, что у общества нашлось веское оправдание ее дурному настроению.

Однако ее подруге детства Агнесс Джонс даже в голову не могло прийти, что у кого-то нет ни малейшего желания обсуждать вчерашний парад.

– А воздушное представление было просто божественным, – восторженно восклицала она, сложив руки на клетчатой юбке. – Кто бы мог подумать, что в городе есть специалист по воздушным змеям! И они могут быть такими огромными и красивыми, а не просто детскими игрушками...

Элизабет слабо улыбнулась и отвела глаза в сторону. Она предпочла бы, чтобы тетя Эдит, сидевшая у камина и с притворным отвращением читавшая газету, присоединилась к их беседе и отвлекла внимание не в меру словоохотливой подруги. Агнесс, похоже, пребывала в восторге от собственного монолога, и остановить ее не было никакой возможности. Элизабет, впрочем, даже поддержала бы этот разговор, если б у нее были силы.

Орехового цвета волосы Агнесс были собраны сзади, лишь несколько прядей выбивались по бокам. Глаза ее восторженно горели, а щеки покраснелись от волнения.

– И все эти ярко освещенные маленькие кораблики! Никогда не видела ничего подобного. А на балу... – Агнесс вдруг замолчала и опустила глаза, словно раздумывая, стоит ли ей высказывать свое мнение на столь щекотливую тему, – Я хотела спросить... Насчет... Ты очень сердита, что Генри не появился в пятницу вечером?

– О, – медленно произнесла Элизабет, возвращая взгляд от окна к Агнесс. Она часто ловила себя на том, что все утро смотрит в окно, надеясь на появление Вилла. – Нет, не очень. Спасибо, что спросила...

– Это хорошо! Лучше быть не очень сердитой, чем очень! – с воодушевлением изрекла Агнесс и радостно засмеялась.

Элизабет слабо кивнула и рассеянно улыбнулась. И как только Агнесс умудрилась

вырасти настолько бестактной? Элизабет никогда не отвергала друзей, какими бы грубыми или беспечными они ни были, напоминая себе, что это не по-христиански. И к тому же, никогда не знаешь точно, кто настоящий друг, а кто нет. Вот, к примеру, Пенелопа... Несмотря на заносчивость и грубые манеры, которые иногда проскальзывают в ней, она доказала свою преданность. Согласилась быть подружкой невесты даже несмотря на то, что Элизабет выходит замуж за ее возлюбленного.

Агнесс отвлекла Элизабет от возвышенных мыслей, шумно отхлебнув чай.

– Тебе придется придумать что-нибудь из ряда вон выходящее, если планируешь свадьбу на этот сезон! Вы должны привлечь внимание к своей паре чем-нибудь особенным! Только на этой неделе я слышала о трех помолвках. Мартин Вествельт сделал предложение Дженни Тарлоу...

Элизабет рассеянно улыбалась и пыталась сохранить спокойствие, пока Агнесс, размахивая руками и громко восклицая, рассказывала последние брачные новости. Неудивительно, что Диана пряталась от нее в своей комнате, читая романы и разговаривая сама с собой. Всего пару ночей назад Элизабет слышала, как сестра вела пространную оживленную беседу, хотя рядом никого не было. Ей, и правда, стоит прекратить заниматься с учителем, или она совсем превратится в дикарку. Это хоть немного утешало Элизабет – по крайней мере, такое бездействие пойдет семье на пользу – она сама хотя бы не будет переживать, что ее младшая сестра закончит, как... Агнесс. Но все-таки сильнее всего Элизабет подкосила потеря Вилла. После его отъезда она совершенно не могла есть и чувствовала постоянное головокружение.

– И Дженни выглядит такой счастливой! Лиззи, ты не сможешь сдержать слез, когда увидишь, насколько она счастлива...

Элизабет едва кивнула, думая, что, возможно, Агнесс и права. Но рассказы о настоящих помолвках, заключенных по взаимному желанию, после ухаживаний, влюбленности и благословения родителей, не приносили ей радости. Новости о счастливых влюбленных лишь усиливали ее боль, заставляя думать о нежных губах и сильных руках Вилла, о его чувствах и о том, что они расстались навсегда. И единственное, что ей теперь остается, – смириться со своей судьбой и пытаться изображать радость по поводу предстоящей свадьбы. Наверняка же все вокруг уверены, что она тоже выходит замуж по любви. И кто знает, может быть, когда-нибудь она и сама поверит в этот обман...

– Мисс Элизабет?

Девушка обернулась в сторону двери, где стояла Клэр, и гут поняла, что служанка зовет ее уже несколько минут. Так всегда получалось, когда Элизабет задумывалась о Вилле, – она погружалась в собственные мысли, а окружающие удивленно тарачились на нее и не верили, что она ничего не слышит.

– Да, Клэр? – Элизабет выпрямилась в кресле, инстинктивно положив руки на подлокотники.

– Мистер Шунмейкер прислал свою карточку.

– О, – Агнесс подмигнула подруге. – Тогда я пойду.

– Спасибо, что навестила меня, – промолвила Элизабет, даря старинной подруге слабую улыбку.

Агнесс наклонилась, чтобы поцеловать Элизабет в щеку, и, когда отстранилась, прошептала:

– Ради бога, постарайся выглядеть хоть немножко счастливее! Ведь твой жених здесь.

С лица Элизабет медленно сползла улыбка, но она ничего не могла с этим поделать и только безучастно смотрела, как Агнесс спешно покидает гостиную.

– Клэр, пригласи мистера Шунмейкера, – рыжеволосая служанка почтительно склонила голову, и Элизабет с содроганием вспомнила, сколь отвратительной была недавно Лина. – И еще, Клэр! Не нужно все делать самой, твоя сестра прекрасно может приготовить чай и принять пальто.

Клэр покраснела и кивнула, исчезая за дверью. Элизабет поправила волосы, проверила пуговицы на блузке и сжала колени под длинной льняной юбкой цвета слоновой кости, а когда подняла глаза, Генри уже стоял в дверях, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. На нем был

нарядный темно-серый фрак для приемов и такого же цвета широкие брюки, и он буквально сверлил Элизабет взглядом. Вздыхнув, девушка в который раз отметила, что он ей неприятен. Нахмуренные брови, поджатые губы, резкие черты красивого надменного лица. Генри кивнул хозяйке, и она ответила на приветствие. Затем он пересек комнату и поцеловал руку Элизабет.

– Присядете? – предложила она.

– Благодарю вас. – Он окинул комнату быстрым взглядом, прежде чем опуститься в соседнее кресло.

Интересно, о чем он сейчас думает: о старомодности оливковых ветвей на обивке или о картинах в золоченых рамах и множестве персидских ковров?

– Будете чай?

– Да, было бы замечательно, – Ответ показался ей несколько сухим, но затем пришлось признать, что и она сама была не слишком радушна.

Ей было интересно, почему Генри продолжает поминутно оглядываться. На кого он так тревожно смотрит? На тетю Эдит, сидевшую около выложенного мрамором камина? Элизабет снисходительно усмехнулась. Она могла бы прошептать ему, что тете нет до их разговора никакого дела, если бы знала, что он хочет сообщить ей нечто важное. Но она так ничего и не сказала.

– Мисс Холланд, прежде всего я хотел сказать, что очень сожалею о вечере пятницы.

– О, не стоит беспокоиться, все в порядке...

– Нет, – голос Генри звучал механически, но тем не менее в нем слышалось что-то похожее на раскаяние, – С моей стороны непростительно было оставить вас одну, и если даже я не оскорбил ваши чувства, уверен, что поставил в неловкое положение.

– Немного... – согласилась Элизабет, опуская ресницы.

– Но я не хотел бы, чтобы вы заподозрили меня в сомнениях по поводу нашего брака, – он говорил медленно, запинаясь, словно с трудом подбирая слова.

– А разве нет? – Элизабет невольно приподняла бровь.

– Нет, совсем нет! На самом деле я... о, благодарю, – Элизабет смотрела, как вошедшая с подносом Лина налила Генри чай. Она изображала из себя послушную служанку, но все равно вызвала у Элизабет раздражение и гнев, – Без сливок, благодарю, – сказал Генри и взял тонкую фарфоровую чашечку с золотым ободком ручной работы.

– Мисс Элизабет? – спросила Лина.

– Да, пожалуйста, с сахаром и лимоном, – ответила Элизабет деловым тоном. – Мистер Шунмейкер, вы что-то хотели сказать?

Я говорил, что... – Генри нахмурился и принялся мрачно озираться по сторонам. Элизабет немного придвинулась к нему в ожидании ответа. Внезапно его взгляд остановился на ее лице. Элизабет прочитала в этом взгляде плохо скрываемую досаду тем фактом, что она сидит рядом с ним, – Я не хотел бы... На самом деле, я с нетерпением жду этой свадьбы. И... в любом случае... как вы относитесь к тому, чтобы перенести дату свадьбы на более ранний срок?

– Перенести? – недоуменно произнесла Элизабет.

Сама идея свадьбы с Генри казалась ей невыносимой, а мысль о ее приближении и вовсе не укладывалась у нее в голове. Но затем она подумала о своей матушке, которая будет спать спокойно, впервые за долгие месяцы, и наконец-то почувствует себя счастливой. У Элизабет, видимо, не оставалось иного пути, кроме как угождать окружающим.

Она пыталась по/добрать подходящие слова, чтобы ответить, но отвлеклась, в очередной раз расстроившись из-за неуклюжести и медлительности Лины, наливавшей чай у нее под боком.

– Да, на следующее воскресенье. Я знаю, что моя приемная мать уже говорила с вашей матушкой. По поводу организации, я имею в виду... – Генри неловко поерзал в кресле, прежде чем продолжить. – Смысл заключается в том, чтобы удивить всех и... – он внезапно замолчал и дернулся к Элизабет, – Осторожно!

Удивленная девушка не успела ничего понять, как вдруг почувствовала резкую боль от ожога. Она вскрикнула и вскочила, отдернув от бедра промокшую юбку, а потом медленно подняла глаза от своих ног к чашке в руке Лины и затем к ее злорадному ухмыляющемуся лицу.

– Ой, – произнесла служанка ровным спокойным голосом, словно бы ничего не

произошло.

И прежде чем она успела опомниться, Элизабет вскочила и выхватила у нее из рук чашку. Глаза девушки сверкали яростью.

– Я терпеть не могу твою небрежность, – произнесла она низким, полным ненависти голосом, с чувством проговаривая каждое слово. Никогда она еще не говорила таким тоном, – Убирайся прочь из моего дома!

– Это была случайность, – попыталась объяснить Лина ровным бесцветным тоном. Генри уставился в пол, а Эдит вперила изумленный взгляд на Элизабет, шокированная таким поворотом событий. В дверях появилась Клэр с глазами, полными ужаса. Но Элизабет в тот момент не заботили ничьи мысли и чувства.

– Нет, не случайность! Ты гадкая небрежная девчонка, и к тому же лгунья, и я не потерплю твоего присутствия в нашем доме. Клэр, прости, но чтобы через час духу ее здесь не было!

Лина столбом застыла посреди комнаты, с нескрываемой ненавистью уставившись на Элизабет.

– Это была случайность, – дрогнувшим голосом повторила она.

– Спасибо за пояснение, – процедила Элизабет ледяным голосом. Она чувствовала, как темные потоки расплзались по светлой ткани юбки, но не смотрела вниз. – Ты все равно уволена! Мистер Шунмейкер, мне очень жаль, что мы стали свидетелем столь неприятного инцидента. Прошу нас, давайте забудем о нем. Если позволите, я пойду к себе, чтобы привести себя в порядок. Элизабет подобрала юбку и направилась через комнату к главной лестнице. Она уже чувствовала подступавшие слезы, но держалась из последних сил. То, что Лина слышана весь этот разговор о свадьбе, наполняло ее яростью и стыдом. Она остановилась на пороге и повернулась к застывшим от изумления Генри, Лине, Клэр и Эдит.

– Генри, благодарю вас за визит, – промолвила она с достоинством, – Но боюсь, мне придется полежать некоторое время. Возможно, мисс Диана согласится развлечь мистера Шунмейкера?

Лицо Генри, до этого выражавшее смущение и беспокойство, внезапно посветлело, и на щеках вспыхнул румянец.

– Да-да, конечно! Вам непременно нужно отдохнуть.

Элизабет уже вышла за дверь и тут вспомнила, что так и не ответила на предложение Генри. Она по-прежнему не чувствовала к нему даже симпатии, но раз уж им придется пожениться, лучше сделать это быстрее, чтобы все наконец успокоилось. И чтобы все остались довольны – ну, кроме нее...

– Мистер Шунмейкер! Уверена, что свадьба в следующее воскресенье – прекрасная идея.

И, не дожидаясь его ответа, Элизабет быстрым шагом направилась к лестнице. Ну вот и отлично, говорила она себе. Пора уже положить конец всей этой агонии и примириться наконец-то с тем, что остаток жизни ей придется провести без Вилла.

32

Подружка невесты должна проявить незаурядную пытливость и постоянно собирать всякого рода сведения от друзей жениха, его семьи и даже прислуги. Невеста, разумеется, вынуждена избегать впечатления излишне любопытной особы. Но если подружка задает правильным людям верные вопросы, то может сослужить хорошую службу подруге, имея готовые решения возникающих сомнений и потребностей.

Брекенридж Л. А. М. Этикет высшего общества

Клэр в оцепенении наблюдала, как Лина взяла маленький чемодан, принадлежавший еще их матери, и бумажный пакет с приготовленными в спешке бутербродами. По щекам Клэр текли слезы, и она даже не пыталась их остановить. Стоя у ворот, Лина не могла заставить себя произнести ни слова. Она лишь кивнула сестре и, развернувшись, побрела прочь от дома –

единственного, который она знала и который долгие годы считала родным.

Она с трудом разбирала дорогу. Только запахнула покрепче синюю куртку Вилла и шла, сама не зная куда. Она потеряла все, что у нее было, и не хотела даже думать о том, что ждет ее завтра. Шорох колес, цокот копыт и знакомый голос заставили ее очнуться.

– Эй, послушай!

Лина остановилась и медленно оглянулась, чтобы посмотреть, кто же обращается к ней на улице. После минутного замешательства та узнала роскошную подругу Элизабет, Пенелопу Хейз. И она, похоже, изъявила желание поговорить с Линой.

Красавица восседала в высоком двухместном экипаже с большими колесами и смотрела на служанку с явным любопытством.

– Ты в порядке?

– На самом деле нет, – всхлипнула Лина. На Пенелопе были длинная шерстяная юбка и приталенная курточка с широкими рукавами, на голове маленькая шляпка. Лина, опустив глаза, смущенно взглянула на свое нелепое черное платье, поношенные туфли и большую мужскую куртку. – День был отвратительным, честно сказать.

Пенелопа подперла подбородок кулачком, обтянутым в тонкую серую замшу, и из-под густых ресниц продолжала смотреть на Лину с высоты своего экипажа.

– Да? Мне очень жаль...

Лина чувствовала, что ее изучали, словно канарейку в клетке. Странно – ведь Пенелопа никогда раньше не то что в глаза ей не смотрела, а даже голову в ее сторону не поворачивала.

– Благодарю вас, мисс Хейз, – Лина взяла чемоданчик в другую руку и постаралась припомнить все слухи об отношениях Пенелопы и Генри, которые рассказывала ей сестра. Интересно, как эта высокомерная девица восприняла новость о помолвке Элизабет и Генри? Уж наверное, без особой радости... Сердце у Лины затрепыхало от радости, и понадобилось всего несколько мгновений, чтобы озвучить вопросы, возникшие в голове. – Это правда, что вы равнодушны к Генри Шунмейкеру?

– Кто это сказал? – резко спросила Пенелопа. Казалось, ее шокировал такой вопрос от прислуги. Но Лина больше не была служанкой.

– Не помню. Кажется, я прочла это где-то, – ответила она, испуганно оборачиваясь назад, на дом номер семнадцать. Похоже, никто их не видел. – Простите, если я...

– Куда ты идешь? – перебила ее Пенелопа и беззаботно махнула рукой, словно прощая Лине ее грубость.

– Куда глаза глядят, – ответила девушка, убирая с лица выбившиеся пряди и решая, что нет смысла скрывать правду. – Дело в том, что меня уволили.

– Что ты говоришь! Это чудовищно! – воскликнула Пенелопа, изобразив ужас на лице. Лине показалось, что та изо всех сил старается проявить сочувствие – Что же ты теперь будешь делать?

Лина тем временем мучительно терялась в догадках, что же на самом деле связывало Пенелопу с мужчиной, который сидел сейчас в гостиной Холландов. Она пожала плечами.

– Не знаю...

– Почему бы тебе не забраться ко мне? – Пенелопа широко улыбнулась и подала знак кучеру. – Я направлялась к Холландам; ты ведь знаешь, мне предстоит быть подружкой невесты. Но если они такие гадкие, то вполне могут подождать. Мы подвезем тебя, куда захочешь.

Лина сделала вид, что серьезно раздумывает над этим предложением. Через несколько мгновений она кивнула головой, и кучер помог ей забраться в экипаж. Девушка уселась на белое кожаное сиденье рядом с Пенелопой, и мисс Хейз велела ехать дальше.

– Меня зовут Лина, – представилась она, ставя между ними свой чемодан.

Они покатали мимо парка Грамерси, и Лина тоскливо вздохнула, остро ощутив боль потери.

– Я помню, – отозвалась Пенелопа.

Лина задумалась над этой очевидной ложью. По всем правилам, она сейчас должна была склонить голову, выражая благодарность. Но ее выгнали из старой жизни, и новая Лина еще не знала, по каким правилам она собирается жить.

– Почему вы так добры ко мне?

Пенелопа слабо улыбнулась и огляделась вокруг себя. Они как раз выехали из района между Шестой и Третьей авеню, ниже Пятьдесят девятой и выше Четырнадцатой улиц, где проживали «сливки общества», и попали в район рабочей бедноты, преждевременно состарившихся людей с многочисленными детьми. Грязные тенистые улицы были запружены транспортом. В таком месте Пенелопа не боялась показаться в компании уволенной служанки Холландов.

Оглядываясь по сторонам, Лина испытывала что-то близкое к отвращению. Она хотела хоть как-то дать Пенелопе понять, что этот мир не имеет с ней, Линой, ничего общего.

– Итак... Что же ты натворила? – полюбопытствовала Пенелопа, поворачиваясь к спутнице. Они сидели очень близко, и Лина не могла не заметить, насколько чистое и гладкое у девушки лицо.

– Ничего... – Лина помнила, что следует тщательно подобрать слова. – Произошло недоразумение с чашкой, и все и кончилось плохо. И... Думаю, они всегда хотели превратить меня в тупую рабочую скотину, как моя сестра, Клэр. Не то чтобы она глупа... – Лина потеряла руки, чувствуя, насколько сухая и грубая у нее кожа. – Но я не собиралась всю жизнь оставаться служанкой.

– И что же? Из-за чашки тебя уволили? – недоверчиво протянула Пенелопа. Она еще ближе подвинулась к Лине и улыбнулась.

– Ну не совсем. Настоящей причиной было... – Она запнулась и перевела дыхание. – Думаю, меня уволили, потому что я слишком много знаю.

Теперь пришла очередь Лины смотреть Пенелопе в глаза. Она сделала паузу, позволив фразе повиснуть в воздухе. Потом глубоко вздохнула и решила продолжить.

– Прислуживать ей – настоящее унижение, – Лина тут же пожалела о своих словах и на мгновение опустила глаза, – То есть им. На самом деле я рада, что ушла.

– Так, значит. – Пенелопа сжала губы и задумалась. Экипаж резко вильнул, чтобы не сбить старьевщика, и девушкам, все еще глядящим друг на друга, пришлось вцепиться в борта.

– Я полагаю, – осторожно произнесла она, – что мы питаем неприязнь к одному и тому же человеку.

Лина вздохнула с облегчением. Все-таки она не ошиблась!

– Вы хотите сказать, что мы ненавидим одного и того же члена семьи Холланд? – Она заговорила увереннее, хотя все равно споткнулась на слове «ненавидеть». Сердце ее билось в такт движениям экипажа. Негодование и ярость по отношению к хозяйке долго копились в ее душе, но теперь, после изгнания из дома Холландов, разом выплеснулись наружу.

– Да, – Пенелопа растянула уголки губ. – Именно это я имела в виду.

Лина откинулась назад и уставилась на свои грубые руки. Она все еще не могла поверить в это чудесное стечение обстоятельств, в это неожиданное спасение, и очень боялась, что может все разрушить неосторожной фразой или излишней поспешностью.

– Думаю, я понимаю, что вы имеете в виду, – осторожно произнесла она. – И полагаю, что мои сведения будут вам интересны. Но, как вы видите, я в неопределенном положении. Мне нужен какой-нибудь... жест. Чтобы захотеть говорить.

– Конечно, – Пенелопа взяла Лину за руку, и бывшая служанка, повидавшая в доме Холландов немало прекрасных вещей, поразилась необыкновенной мягкости замшевой перчатки Пенелопы. – Но сначала дай мне хотя бы намек!

Лина так долго хранила в себе эту тайну, что не могла не поделиться.

– Элизабет не девственница!

Пенелопа повернулась и взглядела Лине в глаза, потом издала сдавленный смешок и покачала головой.

– Мы ведь говорим о Элизабет Холланд?

– У меня есть доказательства. – Лина залезла в карман и вытащила записку Вилла.

Она передала бумагу Пенелопе, и та принялась изучать водяные знаки, пока не удостоверилась, что это и вправду бумага Элизабет. Пробежалась пальцами по краю, и тут Лина впервые заметила, что у письма оторвана вторая часть. Наверняка там тоже был текст, и Лине смертельно захотелось его узнать.

Пенелопа дважды прочитала послание и недоверчиво спросила:

– Кто такой этот Вилл Келлер?

Лина судорожно вздрагивала, пока они ехали по чересчур неровной мостовой.

– Он... был кучером Холландов.

Пенелопа насмешливо фыркнула.

– Ты, должно быть, шутишь!

– Никаких шуток, – Лина грустно покачала головой и подумала, насколько было бы для нее лучше, если б все это было розыгрышем. – Я несколько раз видела, как она приходила к нему в конюшню поздно вечером и уходила утром. И иногда... Когда я приходила по ночам помочь ей раздеться, ее не было в комнате.

– Это давно началось? – Пенелопа все еще удерживала скептический тон, но глаза ее лихорадочно заблестели. Было очевидно, что рассказ девушки ее очень заинтересовал.

– Да. Уверена, что давно. И продолжалось вплоть до вечера пятницы, когда Вилл уехал.

Пенелопа откинулась на спинку сидения и провела ладонью по своему чистому лбу.

– Лиззи никогда не переставала меня удивлять, – промолвила она наконец, – Впрочем, она всегда играет очень тонко. – Пенелопа усмехнулась, приоткрыв безукоризненно белые ровные зубки.

– Любовь к бедняку! – продолжила она загадочным тоном. – А не к жениху.

– Именно так. – Лина помедлила и кашлянула в кулак. Она хотела бы знать, правду ли говорила Пенелопа об игре Элизабет и не этим ли мисс Холланд все это время удерживала внимание Вилла. В конце концов, он прекрасно понимал, что она никогда не будет принадлежать ему. Возможно, она его околдовала? – Но это еще не все, что я знаю о семье Холландов.

– Правда? Что еще ты можешь мне сообщить? – Пенелопа вновь наклонилась, глаза ее сверкали от нетерпения.

Лина покачала головой.

– Сначала я хочу узнать, что за это получу.

– О, можешь быть уверена, что будешь щедро вознаграждена. Я собираюсь снять тебе комнату на сегодня в маленькой гостинице на Двадцать шестой улице – чистую, имя называть не нужно. Завтра я приеду и за это письмо дам... – Пенелопа откинулась и помедлила, словно оценивая новую знакомую.

– Тысячу долларов, – произнесла Лина самым уверенным голосом, на который только была способна. Цифра, высказанная вслух, показалась ей сказочной. Стоимость кольца от «Тиффани», бесчисленных бальных платьев, экипажей... Этого с лихвой хватит, чтобы приехать к Виллу – и вернуть его обратно.

Пенелопа молчала, пока они ехали по авеню, еще более узкой, шумной и зловонной, чем Пятая. Наверху, заглушая цокот копыт, гремели поезда. Лина начала беспокоиться, что запросила слишком много. К тому же, главную тайну она уже рассказала, и нет никакой гарантии, что она вообще получит вознаграждение. Но Пенелопа пожала плечами и загадочно улыбнулась.

– Это большая сумма. Что ты скажешь о пятистах долларах?

– Благодарю вас, мисс Хейз. – Лина облегченно вздохнула. Тысяча долларов были невообразимой суммой, а вот пять сотен казались ей вполне реальными. С этими деньгами она сможет осуществить все, что задумала.

– Вот видишь, как все удачно сложилось, – многозначительно подмигнула ее новая подруга.

– Да, – повинувшись внезапному порыву, девушка наклонилась и забрала записку Вилла из рук Пенелопы. – Я все равно сохранию это до завтра. И, конечно, за условленную цену смогу рассказать вам нечто интересное.

Лина и сама не понимала, что заставило ее так быстро и уверенно выхватить письмо, и что она собиралась с ним делать, – но перспектива получить деньги была слишком заманчивой. Она уже не та робкая девчонка, которая бегала за Виллом, пока тот обожал призрачную Элизабет Холланд. Теперь у нее появился шанс измениться, стать красивой, яркой и изысканной леди – такой, от которой Вилл не сможет отвести глаз...

33

*Если в скором времени известный холостяк не женится
и найдет себе новое увлечение, многие из нас проиграют пари.*

*Из светской хроники «Нью-Йоркских новостей», воскресенье, 1 октября,
1899 год*

Диана видела, как тетя Эдит прошла по коридору и стала спускаться по главной лестнице. За ее спиной уныло волочился хвостом белый шлейф. Девушка встряхнула волосами и постаралась дышать медленно, втянув живот и расправив плечи. Она была в том же платье из индийской полосатой ткани, которое надевала в прошлое воскресенье, когда приходил Генри. Этим утром она надела его снова, намереваясь провести весь день в своей комнате за чтением очередного романа. И теперь уже ничего нельзя было поделать – на переодевание времени не оставалось. Да и тетя наверняка не одобрит ее желание надеть платье понаряднее для встречи с женихом сестры.

Когда она вошла в гостиную, Генри резко, неуклюже поднялся.

– Мисс Диана, – произнес он, наклоня голову и пряча улыбку.

Девушка подошла к Генри, мечтая, чтобы Эдит исчезла хотя бы на минуту – ох, как много они успели бы сделать! – и заняла соседнее с Генри кресло. В таком положении Эдит могла видеть только ее профиль, а сама Диана имела возможность наблюдать за своей тетушкой. Это было то самое кресло, в котором только что сидела Элизабет, судя по пятнам и потекам от чая на подлокотнике. Диана плотно сжала губы, хотя они так и норовили растянуться в блаженной улыбке, и медленно встретилась с Генри глазами.

Он нервничал, и она знала, что он тоже прекрасно понимает смысл присутствия здесь ее тетки.

Она сложила руки на коленях и произнесла высоким голосом, подражая манерам леди:

– Сегодня замечательная погода, мистер Шунмейкер, но боюсь, она может перемениться.

– Вы совершенно правы, – ответил Генри, подражая ее преувеличенно любезному тону, – Когда вы вошли, я ощутил дуновение холодного воздуха. Думаю, это к переменам.

– О боже, – Диана сопровождала свои слова подмигиванием. Генри скрестил ноги и принялся крутить пуговицу на жилете. Она не отрываясь смотрела на его скулы, пока он всеми силами старался не рассмеяться.

– Вам понравились все эти фестивали в пятницу вечером, мистер Шунмейкер? – Она смотрела на него и надеялась, что слова вечер пятницы означали для него то же, что и для нее, – Я слышала, вы были очень заняты... на «Элизиане».

– Да... – медленно отозвался Генри, – Я остался весьма доволен этим прекрасным вечером, он понравился мне куда больше, чем все фестивали вместе взятые. Начался он, правда, с досадных недоразумений, зато потом, ночью, он стал особенно... чарующим.

Диана почувствовала, что краснеет. Она отчаянно придумывала какой-нибудь умный ответ, но все мысли словно испарились из головы. Она вспоминала себя в тонкой сорочке у зеркала и восхищенного Генри у окна ее комнаты – единственное, о чем она могла думать в эту минуту. Девушка некоторое время молчала, а затем произнесла первое, что пришло на ум.

– А с чем вы сегодня пожаловали в наш дом?

Генри разом помрачнел, и Диана немедленно выругала себя за нехватку сообразительности. Она же прочла столько романов! Нужно было вернуть какое-нибудь изящное замечание, высказать остроумное предположение... Она уже придумала было одно, как вдруг услышала слова тетки:

– О, замечательная весть! Скажите же ей, мистер Шунмейкер.

Диана убрала прядь волос со лба.

– Что случилось? – спросила она нежным детским голоском.

Генри изучал ее несколько мгновений, сжав челюсти.

– Может быть, лучше вы сообщите, – предложил он с наигранной легкостью,

повернувшись к Эдит.

Только теперь Диана заметила синяк на левой щеке Генри. Видимо, он все-таки неудачно упал с балкона.

– Нет, мистер Шунмейкер, скажите сами!

Генри молча поерзал в кресле, растерянно оглянулся и снова взглянул на Диану. Девушке показалось, что в комнате резко похолодало. Она с таким напряженным ожиданием смотрела на Генри, что испугалась сердечного приступа.

– Ваша сестра и я... мы решили... передвинуть дату свадьбы.

– Дату свадьбы? – Диана быстро опустила глаза. Она с ужасом поняла, что до этой минуты не верила до конца в реальность предстоящей свадьбы. Генри и Элизабет были просто помолвлены... и даже не по любви. Казалось, что свадьба еще нескоро, что все еще может перемениться, что время будет тянуться бесконечно... – Но зачем? – спросила Диана внезапно охрипшим голосом.

Генри кинул осторожный взгляд на Эдит, а затем долго смотрел Диане в глаза и молчал. Она поняла, что сказка закончилась и нужно забыть обо всех глупых мечтах и призрачных надеждах.

– Это просто замечательно! – бодрым голосом продолжил Генри, словно уже все объяснил и выслушал поздравления Дианы. Девушка, однако, сдержалась. Никогда еще ей не удавалось так мастерски скрыть свои чувства... – К сожалению, я вынужден вас покинуть, – продолжил Генри, – Если свадьба действительно состоится на этой неделе, нужно очень много успеть сделать. Сейчас я должен сообщить Изабелле о согласии Элизабет перенести свадьбу на следующее воскресенье, и она займется подготовкой.

Диана подняла глаза и увидела, что Генри уже встал со своего кресла. Он мельком взглянул на тетю Эдит, а затем быстро подвинулся, закрыв Диану от ее цепкого взгляда, и поклонился, поцеловав девушку в шею. А выпрямившись, официальным тоном произнес:

– Хорошего дня, мисс Диана.

Поцелуй заставил Диану затрепетать. Притворяясь спокойной, она сидела и растерянно смотрела, как Генри попрощался с тетусшкой и быстро удалился. Диана осталась наедине с Эдит в комнате, где происходили все главные события ее семьи, как радостные, так и печальные.

Диана посмотрела на кресло, с которого только что поднялся Генри, и заметила маленький томик Уитмена, видимо, выпавший из кармана гостя. Дотянувшись до книги, она немедленно принялась искать любимый отрывок. Ей нравилась сама идея – найти его именно в книжке, принадлежащей Генри.

Но Диана не успела отыскать то, что собиралась, потому что ей на колени упала закладка. Там, написанные уже знакомым почерком Генри Шунмейкера, чернели строчки, предназначенные лишь ей одной.

Я бы хотел показать вам гиацинты в нашей семейной оранжерее. Прошу вас, приходите. Буду ждать вас в среду, после девяти вечера.

Диана убедилась, что тетя Эдит не смотрит на нее, и затем пробежала взглядом по комнате. Многие антикварные печи, предметы искусства и картины при дневном свете казались тусклыми и невзрачными. Все вокруг показалось Диане серым, скучным и бессмысленным. Все меркло на фоне переполняющих ее чувств. Пульсация крови, биение сердца и головокружительное ощущение поцелуя Генри – только ради этих восхитительных мгновений стоило жить. Диана начала понимать, почему в романах именно запретная любовь считается самой сильной и самой настоящей...

34

*Понедельник, 2 октября, 1899 года
Дорогая Пенелопа, у меня потрясающие новости.
Мы решили перенести свадьбу на следующее воскресенье!*

*Сегодня мне нужно выбрать ткань для наших платьев,
иначе их не успеют пошить к сроку.*

Встретишь меня в «Лорд & Тейлор» в час дня?

С любовью, Элизабет

Как всегда, в ознаменование важных событий Пенелопа облачилась в красное. В тот день она выбрала платье ярко-пурпурного цвета с рукавами-болеро. Девушка заказала этот наряд из Парижа для предстоящего сезона и очень радовалась покупке, особенно сейчас. Алой кометой носилась Пенелопа по «Лорд & Тейлор», следуя за Элизабет мимо больших рулонов роскошного белого муслина, шелка и тесьмы. Элизабет оделась в светло-голубое и была очень созвучна всем этим свадебным оттенкам, с той лишь разницей, что ее платье было сшито из простого хлопка.

– Здесь и правда ничего нет, – вздохнула Элизабет, повернувшись к Пенелопе и сморщивая маленький носик. – Ах, если бы у нас было время посетить Париж!

– Мы непременно найдем что-нибудь подходящее. – Пока никто не видел, Пенелопа ненавидящим ледяным взглядом в упор рассматривала повернувшуюся к ней спиной Элизабет.

Как странно, что эта маленькая жеманная девочка столько времени прятала тайную страсть, – причем к обитателю конюшни! Пенелопа все еще не могла поверить, что столь сдержанную и всегда безупречную Элизабет Холланд тоже обуревали желания, и она могла так бездумно рисковать своей репутацией.

Сложись все иначе, Пенелопа с удовольствием бы выслушала всю ее историю, от начала до конца. Но было уже слишком поздно...

– Ты просто волнуешься, только и всего, – продолжила Пенелопа, стараясь смягчить тон. – Поэтому и не можешь ничего выбрать.

– Наверное, ты права, – рассеянно отозвалась Элизабет. Она как раз гладила пальцами чудесный муслин цвета слоновой кости. – Эта свадьба должна быть великолепной, ты же знаешь!

– Не волнуйся. Уверена, что все получится даже лучше, чем ты можешь представить. Но, Лиз, как ты собираешься справляться без служанки, особенно в эти дни? – Пенелопа придвинулась к Элизабет и тоже потрогала восхитительную ткань.

– Разве я тебе об этом говорила? – Элизабет помедлила, и на мгновение Пенелопа испугалась, что невольно выдала себя. Но мысли подруги были настолько спутаны, что она не заметила столь незначительную оплошность. – Да, без служанки была бы катастрофа, но, к счастью, миссис Шунмейкер одолжила мне двух своих. А та девушка, Лина, совершенно ни на что не годилась. Мне следовало уволить ее намного раньше.

Пенелопа приблизилась, коснувшись плечом плеча Элизабет. А эта Лина действительно та еще штучка! Запросила за свои сведения столь солидную сумму. Конечно, если бы пришлось, Пенелопа отдала бы и вдвое больше, но девица, похоже, и так на седьмом небе от счастья. Мисс Хейз легко выудила пять сотен у отца под предлогом благотворительного взноса в фонд организации, строившей приют для сирот. А затем, чтобы хоть немного поставить Лину на место, поселила ее в маленькой гостинице на улице, славившейся своими борделями.

– Вот эта ткань очень милая, – заметила она.

– Да, ты права. Мистер Кэрролл! – Элизабет окликнула портного, который бегал по магазину, торопясь выставить все ткани, которые могли бы подойти для столь громкой и значительной свадьбы. Масштабность заказов повергала его в нервную дрожь, и Пенелопе стало любопытно, кто же из них двоих – мистер Кэрролл или сама Элизабет – больше переживает.

– Слушаю, леди, – мистер Кэрролл примчался, держа обмерочные ленты.

– Что вы думаете об этой ткани? – спросила Пенелопа, указывая на белый шелк.

– Может, лучше та, цвета слоновой кости? Но и это неплохой вариант. Мне кажется, будет просто великолепно! – ответил портной, взмахивая руками.

– Пока я смотрю остальные ткани, отложите эту.

– Да, госпожа, – отозвался мистер Кэрролл и занялся работой, а Элизабет повернулась к следующему раду. В этот момент солнце выглянуло из-за туч, и через арочные окна в комнату

ворвались потоки света, расцветившая многочисленные рулоны тканей яркими бликами.

Пенелопа прокашлялась.

– Лиз, могу я у тебя кое-что спросить?

Элизабет подняла на подругу глаза и нежно улыбнулась.

– Да, конечно.

– Ты... нервничаешь?

– По какому поводу?

Пенелопа нарочито посмотрела по сторонам и вновь уставилась на ненавистную соперницу.

– Ну, ты же ведь что-то знаешь... *о брачной ночи.*

Элизабет деликатно закрыла лицо руками, но Пенелопа не заметила румянца. Странно, но ей куда больше нравилась такая вот новая, неожиданная, чем та, привычная, столь невыносимо совершенная Элизабет.

– Почти ничего.

– Думаешь, это больно? – Она подмигнула подруге и легонько поддела ее плечом.

– Нет, – пожалала плечами Элизабет, а потом спохватилась и быстро добавила: – Не знаю почему, но этого я совершенно не боюсь. Странно, думаю...

– Не это странно. – Пенелопа посмотрела Элизабет в глаза и резко скинула приторную маску. – На самом деле совсем не странно!

Сжав губы, она наблюдала за тем, как соперница покраснела и распахнула глаза. Несколько долгих мгновений девушки смотрели друг на друга.

– Я просто не думала об этой стороне брака, – обороняясь, пролепетала Элизабет.

– Конечно нет, зачем об этом думать? – согласилась Пенелопа холодным шепотом, – Когда ты уже занимаешься этим с прислугой.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – пробормотала Элизабет. Солнце вновь зашло за тучу, и в комнате воцарился полумрак.

Пенелопа закатила глаза.

– Хочешь тратить время на пустые отговорки – что ж, прекрасно! Но я точно знаю, что ты проводила ночи с неким Вильямом Келлером, кучером, – она не смогла сдержать торжествующую улыбку. Как же легко, оказывается, можно поставить Элизабет на место! – И у меня есть доказательство.

– И что это за доказательство? – Голос Элизабет дрогнул.

– Письмо. От него тебе, оставленное в ночь отъезда из города, – Пенелопа театрально взмахнула рукой. – Просьба последовать за ним, на которую ты не обратила внимания.

– Вилл оставил мне письмо?

– О, да. Прости, Вилл.

Было заметно, насколько потрясла Элизабет эта новость. Зрачки ее расширились, дыхание перехватило. Она закусила губу и до боли стиснула руки.

– Пенни, ты не должна никому об этом рассказывать.

– Да неужели? И почему же?

– Ты все еще злишься из-за Генри, – медленно произнесла Элизабет.

– О, это даже не описать словами! Да, Лиз, моя дорогая подруга, я все еще злюсь. Генри был моим! Мы великолепно смотримся вместе и должны быть вместе. Но нелепая ошибка судьбы, досадное недоразумение все переворачивает с ног на голову. Не знаю, как так получилось, но кое- что я могу сделать. Я собираюсь уничтожить тебя, Лиз. – Пенелопа послала Элизабет злобную ухмылку. – Но, честно признаться, дорогая, ты проделала всю работу. А я просто выпущу твоего грязного голубка на волю.

Элизабет опустила глаза, все еще стискивая руки. Пробившийся в комнату свет сделал девушку похожей на ангела. Впрочем, это не могло смягчить Пенелопу.

Элизабет прикусила губу и встретилась глазами с бывшей подругой.

– Пенни... – прошептала она, – Никто не любит скандалы.

– Я люблю.

– Знаю. Вот почему ты это ты... А я это я. Но если разрушишь мою жизнь, никто не будет на твоей стороне.

– Никто не узнает, что именно я...

– Если ты попытаешься женить на себе возлюбленного падшей любимицы общества? О, Пенни, не глупи. – Глаза Элизабет сверкнули, она решительно шагнула вперед, и на мгновение Пенелопа увидела яркое и страстное создание, жившее внутри идеальной леди с холодными манерами.

– Пенни, – продолжила она все еще уверенным голосом, хотя на ее лице читалась мольба, а глаза увлажнились от подступивших слез. – Могу я прочесть письмо?

Отступив немного назад, Пенелопа нетерпеливо вздохнула, вытащила письмо и подержала перед лицом Элизабет, чтобы та успела разглядеть свою собственную бумагу для почты.

– Получишь его, если сделаешь то, что я скажу! – Пенелопа резко повернулась, демонстрируя девушке спину, обтянутую ярко-красным шелком. Она слышала, как та сделала пару робких шагов.

– Что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты пришла ко мне домой в среду утром, в десять часов – и я придумаю, как нам разрушить ваш брак с Генри, не погубив твою репутацию.

– Но я...

– Лиз, – оборвала ее Пенелопа. Пробежав рукой по шелковой юбке, вышитой золотом и серебром, она через плечо бросила выразительный взгляд на Элизабет, чьи глаза были наполнены страхом и отчаянием, – На самом деле у тебя нет выбора.

Лоб Пенелопы покрылся испариной, желудок скрутило. Нужно было срочно уходить. Она приподняла алую юбку и направилась к выходу, громко стуча каблуками. Она была уверена, что Элизабет будет ждать ее в среду все с тем же отчаянным выражением на лице.

Дойдя до рядов небеленого сукна, Пенелопа оглянулась и смерила Элизабет холодным пронзительным взглядом.

– А теперь, Лиз, сама выбирай свое чертово платье!

35

К вопросу о цвете: красные, малиновые и пурпурные тона нужно выбирать с большой осторожностью.

Особенно это касается девушек, для которых важно, какое впечатление они производят на окружающих.

Ежемесячный женский журнал о моде, 1899 год

Утром своего первого по-настоящему свободного дня Лина с удовольствием перебирала в голове, чем она сможет заняться в ближайшее время. Выйдя из гостиницы на Двадцать шестой улице, она направилась к Шестой Авеню, гадая, какие возможности и сюрпризы принесет ей ее новая жизнь. Теперь, обладая такой большой суммой денег, Лина больше не желала склонять голову перед выходцами из высшего общества и прислуживать окружающим. Ей отчаянно хотелось стать богатой, свободной и независимой.

Почти все утро она потратила, рассказывая Пенелопе новые подробности отношений Элизабет и Вилла, приукрашая и выдумывая на радость своей благодетельницы. Правду о финансовом состоянии семьи Холландов Лина решила утаить до лучших времен, понимая всю ее ценность. В обмен на рассказы о влюбленных Пенелопа отдала Лине кое-что из своих старых платьев и украшений. Платья, похоже, давно вышли из моды, но для Лины они были поистине царским подарком. Главное, что простое черное платье служанки больше ей не пригодится! Она целый час вертелась у зеркала, примеряя обновки, и пришла к выводу, что больше всего ей идет красное платье из швейцарского муслина. Пенелопа сообщила, что это один из ее любимых нарядов, и прошлой весной она щеголяла в нем на самых роскошных вечеринках.

Обувь Пенелопы оказалась слишком маленькой и изящной, так что Лине пришлось остаться в своих старых разношенных ботинках.

Она взглянула на свое отражение в витрине цветочного магазина на углу Двадцать шестой

и Шестой и залюбовалась собой в красном платье. Да, конечно, оно было скроено на другую фигуру, но все равно смотрелось очень неплохо. Курносость, веснушки и полные губы отнюдь не считались в обществе эталоном красоты, но Лина считала, что в этой одежде она неотразима. Девушка выпрямила спину и гордо подняла подбородок, зная, что так выглядит гораздо симпатичнее. Лина пообещала себе сделать все возможное, чтобы в газетах ее имя написали перед именем Элизабет Холланд. Вот удивится Клэр! А ее изгнание из дома Холландов станет их несмыслаемым позором на всю оставшуюся жизнь. Конечно, Вилл тоже прочтет в газете ее имя. Лина представляла себе его восторг и изумление, вызванное столь стремительным взлетом и невероятными успехами бывшей несчастной подруги. Он сразу же влюбится в нее и упадет к ее ногам, чтобы сказать, как жестоко ошибался и как сильно тосковал по ней. Именно так Элизабет Холланд производила впечатление и завоевывала сердца. Никогда не стоит бегать за мужчиной, достаточно создать образ недотроги, так сказала Пенелопа. Лина снова улыбнулась отражению в витрине, которое менялось, как в калейдоскопе, и отправилась дальше. Вскоре она оказалась на Пятой Авеню. До дома Холландов было совсем близко, а ее прежняя рабская жизнь, уже казавшаяся ей далекой и призрачной, навсегда осталась в прошлом.

Проходя мимо сквера на площади Мэдисона, она увидела колоннаду и арку Дьюи, сооруженную специально для парада. За спиной Лины, над кронами высоких деревьев, возвышалась башня площади Мэдисон. Вроде как Вилл пару раз участвовал там в спортивных состязаниях. Оглянувшись, Лина увидела гостиницу на Пятой Авеню – одно из старинных местечек, где сестры Холланд с тетей часто пили чай. Вот что делают леди, когда им нечем заняться! Она взглянула на высокое шестиэтажное белоснежное мраморное здание с маленькими окнами, разгладила складки на своем алом великолепии и решила, что это знак. Что она просто обязана сюда зайти. Улица была запружена экипажами, всевозможным транспортом, спешащими куда-то мальчиками-клерками, прогуливающимися пешеходами в черных котелках и элегантных жилетах. Лина всего лишь направлялась выпить чаю, но чувствовала себя так, словно оказалась на своем первом балу. Впервые в жизни она будет сидеть за столиком, подзывать официанта и ждать заказ. Интересно, увидит ли она там Элизабет, решившую отдохнуть после «Лорд & Тейлор», расположенного совсем недалеко от гостиницы? Вот удивится ее бывшая хозяйка, когда обнаружит, что Лина больше не служанка, а мисс Каролина Бруд с пятьюстами долларами в сумочке и целой жизнью впереди!

Бережно придерживая юбку, девушка прошла мимо вереницы экипажей, протиснулась через толпу посыльных на входе и вошла в вестибюль, застеленный мягкими коврами, напоенный ароматом кофе и свежих цветов.

Она заглянула в чайную комнату, где свет отражался в хрустальных бокалах, а на стеклянной витрине лежали красивые слоеные пирожные. Замирая от восторга, шагнула внутрь и тут увидела одного из клерков гостиницы, услужливо спешащего к ней.

– Добрый день, мисс, – начал он, но внезапно прервался, опустив взгляд с платья на ноги, а потом пристально взглянул в лицо. Очарованная сказочной удачей девушка внезапно столкнулась с жестокой отрезвляющей реальностью.

– Вы гостя гостиницы?

– Нет, – с легкой грустью призналась Лина. – Я остановилась на Двадцать шестой улице...

Она увидела, что молодой человек вновь опустил взгляд, и тоже посмотрела на свои ноги. Это было ужасно: она ведь так и не опустила платье, и теперь грязные поношенные ботинки оказались на всеобщем обозрении. Служащий кивнул другим клеркам, одетым в форму бургундцев, и спустя мгновение подошел высокий широкоплечий мужчина.

Лина оглянулась по сторонам и вдруг поняла, что все леди приходили сюда в сопровождении слуг, женихов, подружек или пожилых дам. Девушка тяжело вздохнула. Неужели она надеялась вот так, легко и просто, сойти за леди из высшего общества? Первый клерк что-то шепнул второму, тоже бросившему презрительные взгляды на ее ботинки.

– Простите, – сказал второй клерк, – Вы с кем-то встречаетесь здесь?

– Нет, – ответила Лина с несчастным видом.

– В таком случае мы вынуждены просить вас уйти, – фыркнул первый, хотя этого можно было не произносить: Лине уже и так указали на ее место.

В эту минуту Лина была готова сквозь землю провалиться, только бы не видеть этих

пренебрежительных ухмыляющихся взглядов. Опустив голову, она вышла на улицу и двинулась по Бродвею к месту пересечения с Пятой Авеню.

Но пройти по Пятой – значит вновь вспомнить о пережитом унижении. А ей этого она как не хотелось! Лина игла очень быстро, не замечая ничего вокруг себя, и неожиданно налетела на широкую грудь какого-то мужчины.

– Простите меня, мисс!

Лина сразу же узнала его, но еще минуту не могла поверить, что он с ней заговорил, да еще так вежливо. Это был тот самый молодой человек из «Лорд & Тейлор», которого Клэр назвала очень красивым. Которого наняли в модный магазин очаровывать богатых покупательниц. Настоящих леди. А ведь ей несколько минут назад так жестоко напомнили, что она таковой не является...

– Простите, – сказала она, опуская взгляд.

– Нет, это вы простите, – робко произнес юноша. На нем была светло-бежевая рубашка под коричневым шелковым жилетом, пиджак висел на руке. Он действительно был хорошо одет, и Лина подумала, что должна сказать что-нибудь, но вместо этого молча смотрела в его карие глаза. – Не считайте это за грубость с моей стороны, но... Ваше лицо мне знакомо. Может быть, мне посчастливилось обслуживать вас в магазине; «Лорд & Тейлор»?

Лина невольно улыбнулась. Ну что ж, хоть один человек в этом мире не ставит ее ниже себя.

– А может, я видел ваш портрет в газетах? – Юноша улыбнулся в ответ. У него был длинный нос, пушистые волосы, и он был гораздо выше Лины, – Или вы были на балу?

Лина уклончиво пожала плечами. После случая в гостинице она чувствовала, что нужно быть осторожнее, дабы не допустить какую-нибудь оплошность. Но столь галантное и любезное обращение кружило девушке голову, и она не могла поверить, что все это происходит с ней.

– Ну вы же не можете быть совсем одна! О, вы, наверное, просто вышли пройти перед обедом. Ваши родители еще в гостинице?

Лина растерянно оглянулась и с некоторым злорадством увидела стоящих у гостиницы клерков, которые только что унизили ее.

– О... нет, я остановилась одна.

– Странно... Вы так знакомо выглядите... – повторил он, посмотрев на девушку в профиль.

Лина не могла согнать с лица счастливую улыбку.

– Думаю, лучше мне остаться загадкой...

– Вы позволите мне попытаться еще раз? Хотите чаю?

Лина вспыхнула и замолчала, решив прекратить опасную игру.

– О, я знаю, это звучит неприлично, но вы не первая девушка из высшего общества, которую я встретил в других частях города. И обещаю доставить вас обратно в целостности и сохранности.

– Дело не в этом, – возразила Лина. Она чувствовала себя ужасно неловко и очень боялась быть разоблаченной. – Просто я уже помолвлена, – объяснила она, вспоминая Вилла и то, что всю эту авантюру она затеяла ради него. Ну, возможно, не только ради него, но по большей части.

– О, хорошо, – лукаво улыбнулся он, – Обещаю, что никому не расскажу о вас.

Лина вздохнула... Больше всего на свете ей сейчас хотелось прогуливаться по улице с Виллом. Но вместе с тем ей так нравилось, что ее принимают за девушку из высшего общества, и она мечтала, чтобы это волшебство продлилось как можно дольше.

Когда глаза привыкли к свету, Лина разглядела, что пол посыпан опилками, а стены обклеены газетами. Юные официантки сновали от столика к столику, разнося высокие кружки с пивом. На маленькой сцене в углу высокая большегрудая певица выводила мелодию «Вся семья дома», которую Лине часто напевала Клэр. Несмотря на то что на улице светило яркое солнце, там, у стойки, было совсем темно.

– Это местечко совсем не похоже на Пятую Авеню, не правда ли? – улыбнулся юноша из

«Лорд & Тейлор».

Лина кивнула, хотя внезапно поняла, что совершила ужасную ошибку. Она с самого утра ничего не ела, и сейчас у нее кружилась голова, а в животе урчало от голода. Но гораздо больше девушку беспокоило другое: все деньги, что дала ей Пенелопа, лежали у нее на коленях в маленькой шелковой сумочке, а это заведение, похоже, кишело пьянчугами, ростовщиками, продажными женщинами и всякими опасными типами.

– Как вы сказали, вас зовут?

– Тристан Ригли, – представился он, широко улыбнувшись, – А вас?

– Каролина Бруд, – ее полное имя нравилось ей, но единственное, что не помешало бы – какое-нибудь звучное добавление к фамилии, например, Каролина Брудхерст или Каролина Брудвэлл.

– Простите, что отвлекся от нашей беседы. – Тристан кивнул бармену, и перед ними появились две кружки с темным пивом. Пена медленно сползала на стойку, – Уверен, что видел вас раньше, но не могу припомнить имени Каролина Бруд...

– Вообще-то я очень редко выхожу в свет, – Она отпила пива и поморщилась. Раньше Лина никогда даже не пробовала пенный напиток и лишь пару раз в жизни отпивала глоток виски из бутылки Вилла. Вкус пива девушке не понравился – неприятное, горькое, да к тому же отдает тухлятиной. Вспомнив слова одной из кухарок, что если нет еды, нужно пить и курить, Лина отпила еще пива и сказала:

– Должно быть, я сейчас выгляжу как самая обычная девушка из бедного квартала.

– Ничуть, – он вновь улыбнулся. Лина никогда не видела такой улыбки: она дарила тепло, нежность и легкий привкус смущения, – Вы прекрасная, очаровательная девушка, мисс Бруд.

– Только не надо пытаться очаровать меня, мистер Ригли, – предостерегла Лина, – Я ведь предупредила вас, что помолвлена. Он сейчас на Западе, но это не значит, что...

– О, понятно, – беззаботно отозвался Тристан, подмигивая Лине, и она подумала, что они с Виллом чем-то похожи, – Ваш парень недостаточно богат, чтобы порадовать родителей, и он решил заработать немного денег, чтобы завоевать вашу руку.

Лине польстила придуманная им история. Тем более ей так хотелось, чтобы это было правдой... Она зарделась и отвернулась, и Тристан решил сменить тему.

– Спорю, вы никогда такого не видели, – юноша повернулся на стуле, оглядывая длинную комнату с низким потолком, и кивнул, указывая подбородком в другую сторону, – Посмотрите: видите того парня в цилиндре?

Лина посмотрела в ту же сторону и увидела крепко сложенного человека со сломанным носом и близко посаженными глазами. Он сидел в окружении женщин, одетых почти также, как и она.

– Вон того уroda?

Тристан фыркнул.

– Это малыш Джек Галлахер! Всего два месяца назад убил человека в кулачном бою. Это была долгая схватка, а «то противник считался непобедимым.

– Ужасно. Но если он убийца, почему вокруг него столько симпатичных женщин?

– Это не симпатичные женщины, а шлюхи. И они с ним из-за его призовых денег.

– О... – Лина восхищенно смотрела, как Тристан, откинув голову, одним глотком осушил кружку. Потом он вытер губы ладонью и, прищурился глазами, посмотрел на девушку.

– Сможешь так же?

Лине всегда нравилось принимать вызов, и она, не задумываясь, в несколько глотков выпила целую кружку пива, Тристан махнул бармену:

– Еще по одному!

– Ну что ж. Хорошо, – согласилась девушка, уставившись на вторую порцию пива. Она уже чувствовала себя слегка пьяной, но гораздо сильнее ее голова кружилась оттого, что Тристан продолжал принимать ее за девушку из высшего света. В любом случае, в ближайшее время она не собирается идти домой. В смысле, в ту ужасную комнату на Двадцать шестой улице, с грязным полом и обшарпанными обоями, – Если вы настаиваете...

За несколько часов, проведенных в баре, Лина придумала о себе несколько вполне правдоподобных историй, стараясь излагать их по возможности кратко и туманно, а Тристан

жадно ловил каждое ее слово. После еще трех кружек Лина почувствовала, что медленно сползает со стула.

– Эй, – мягко окликнул Тристан, усаживая ее на место. – Осторожно.

– Благодарю, – Лина захихикала, рыгнув в кулак, и подарила юноше лучезарную улыбку, – Знаете, Кристиан, вы мне нравитесь, – она взглянула на него и подумала, что его имя звучит как-то странно, – Конечно, мой Вилл мне гораздо милее, и я никого не смогу полюбить так, как его, но мне очень приятно беседовать с вами.

Он поцеловал руку Лины.

– Думаю, я вас разгадал! Вы подруга Аделаиды Ветмор и приходили с ней две недели назад, чтобы выбрать броши.

Она засмеялась и покачала головой.

– Тогда, может, одна из внучек командора Вандербильта?

Лина приподняла бровь, а затем вновь покачала головой.

– Тогда вы были на балу в честь помолвки Шунмейкера? – улыбка исчезла с лица Лины, – Правильно? Вы одна из подруг Элизабет Холланд?

Лина содрогнулась от одного упоминания этой фамилии.

– Холланды, – с ненавистью произнесла она. – Они отвратительны. Особенно Элизабет.

– В самом деле? Она прекрасно воспитана и всегда так мила, когда я вижу ее в магазине.

Лина с отвращением поморщилась, напомнив себе, что если бы Элизабет не крутилась вокруг, то Вилл любил бы ее, Лину.

– Она всегда такая на публике. Но те, кто знает ее ближе, подтвердят всю ее испорченность, – Лина запнулась, поняв вдруг, что поступает опрометчиво. И тут вспомнила, как ее собеседник предъявил хозяевам счет. – В любом случае, я намного богаче, чем они сейчас.

– В самом деле? – ответил Тристан, медленно опуская кружку на стойку. – Но ведь Холланды такая уважаемая семья.

– О да – гордо промолвила Лина. Вот теперь она поступала совсем глупо, но уже не могла остановиться. – Да я могла бы купить их всех, если бы только захотела!

– И что бы вы сделали, если бы они принадлежали вам? – полюбопытствовал Тристан.

– Я бы заставила их мыть пол и стирать чулки, а затем отправила бы за лилиями, – она наслаждалась фантазией и не могла становиться.

– Думаю, такая работа будет отвратительна девушкам Холланд, – с озорным огоньком в глазах произнес Тристан.

– О, вы просто никогда не общались с ними наедине. Отвратительное семейство! Капризные, вздорные цацы, особенно Элизабет, – Лина хлебнула пива, – Хотела бы я, чтобы она вообще исчезла.

– Я мог бы это устроить, – Тристан приблизился к ней, – Знаю, вы смотрите на меня, такого приличного, в сюртуке и с хорошими манерами, и думаете, что целая пропасть отделяет меня от Малыша Джека Галлахера. Но если вы хотите, чтобы маленькая проблема с Элизабет Холланд нас больше не тревожила... – Он отодвинулся, приподняв светлые брови.

Лина поставила кружку на стойку и побледнела. Внезапно ей стало не по себе от такого поворота беседы. Но затем она взглянула на Тристана и, поняв, что он, должно быть, шутит, закрыла лицо руками и захихикала. Конечно, ужасно смеяться над этим, но было что-то невыразимо забавное в том, чтобы Элизабет отправил на тот свет человек, приносящий ее платья. В любом случае, это была всего лишь фантазия...

– Это пошло бы ей на пользу, – сказала она, вдоволь насмеявшись.

– Так давай же выпьем за это, Каролина, – Тристан чокнулся.

Очень скоро Лине стало тепло и хорошо, лица в комнате вытянулись, пение стало громче, а звон кружек оказался последним, что она помнила...

*Ты растешь, и меня все чаще и чаще охватывает тревога.
Я беспокоюсь, что случится с тобой, когда меня не станет.
Пожалуйста, всегда оставайся честной.
Той честной и правдивой девочкой, которую я знаю.
С любовью, твой отец.*

В среду Элизабет проснулась очень рано и уснуть уже так и не смогла. Впрочем, хорошо, что ей вообще удалось поспать в эту ночь. Сон был нервным, тревожным, наполненным невнятными страхами и слезами. Утром она чувствовала себя совершенно разбитой. И у нее не было никаких сил, чтобы выбрать новый наряд. Так что Элизабет облачилась во вчерашнее платье, решив, что на такую мелочь никто не обратит внимания.

До завтрака еще оставалось время, да и есть ей совсем не хотелось. И Элизабет направилась в комнату на третьем этаже, где женщины Холланд писали письма и хранили корреспонденцию.

Входя в комнату, Элизабет удивленно застыла, увидев кипу свадебных тканей, заказанных прошлым утром в «Лорд & Тейлор». Комната была самой простенькой во всем доме, с темным паркетом и примитивной металлической решеткой вместо камина. Темно-коричневые обои с рисунком из бархатных листьев. И на столике посреди этой скромной обстановки красовались ярды муслина и шелка, увенчанные листком бумаги. В записке от мистера Кэрролла содержалась просьба посмотреть ткани и сообщалось, что утром придет посыльный и заберет их в ателье на Двадцать восьмой улице. Но Элизабет все это совершенно не волновало. Больше всего на свете сейчас она хотела поговорить с отцом.

Письма, написанные Эдвардом Холландом старшей дочери, хранились в нескольких ящичках огромного шкафа из красного дерева. Она получала хрустящие белые конверты с марками Японии, Южной Африки или Аляски и хранила их все по датам, раскладывая по месяцам и перевязывая голубой ленточкой. Письма были наполнены спокойными описаниями иностранцев и тщательно сформулированными жизненными принципами. Отец много путешествовал, в основном по делам, хотя на самом деле больше всего хотел просто так поехать по миру и насладиться его разнообразием. Элизабет открыла один из ящичков и достала пачку писем. Еще до смерти отца она, случалось, приходила в комнату и выбирала первое попавшееся письмо в поисках мудрого совета или утешения.

Сейчас ей, как никогда, нужен был совет, и потому, закрыв глаза, она пробежалась пальцами по письмам, пока не выбрала одно. В конверте лежала короткая записка, видимо, прилагавшаяся к одному из подарков.

«Пожалуйста, всегда оставайся честной, – прочла она шепотом, – той честной и правдивой девочкой, которую я знаю».

Той честной и правдивой девочкой, которую я знаю.

Да, именно это сказал бы отец, окажись он рядом. Элизабет закрыла глаза, с ужасом и стыдом понимая, что своей нынешней жизнью она полностью опровергает эти слова. Но может быть, у нее еще есть время все исправить?

Девушка решительно повернулась и, держа в руке письмо, направилась в кабинет отца. Именно туда каждое утро приходила матушка, чтобы разобрать счета и просмотреть газеты. Газеты она всегда читала долго и внимательно, словно надеясь найти на их страницах какой-нибудь чудесный способ вновь разбогатеть. Элизабет постучала.

Не услышав ответа, она тихонько вошла в кабинет и увидела черную фигуру матери за большим дубовым столом отца. Такие же каштановые волосы, как у Дианы, но с седыми прядями, обычно заколотые десятками невидимок или спрятанные под шляпу, сейчас свободно струились по щекам. Она оторвалась от письма и пожелала дочери доброго утра.

– Мама, – промолвила Элизабет, – Мне нужно посоветоваться с тобой о свадьбе.

Мать кивнула, ожидая продолжения, но по-прежнему не отрывала глаз от письма.

– Я думала о том, чего ждал от нас папа, как он прожил жизнь, и как он хотел бы, чтобы сложились наши судьбы. Я сегодня читала его письма и наткнулась на одно, где он просит меня

оставаться честной и искренней. Брак с Генри Шунмейкером не будет честным и искренним, – Элизабет ждала от матери хоть какой-то реакции, но та даже не шевельнулась, – Уверена, папа хотел, чтобы я вышла замуж по любви. Я глубоко тронута интересом ко мне мистера Шунмейкера и уважаю его положение в обществе, но... Я знаю, что совсем его не люблю. И уверена, что не полюблю никогда.

Миссис Холланд по-прежнему не отрывала глаз от письма и лишь плотнее сжала губы. Она никогда не была красавицей, а после смерти мужа особенно сдала, но Элизабет наконец поняла, чем же Луиза Гансвурт могла так пленить Эдварда Холланда. Каждый ее взгляд и каждый ее жест ее были исполнены чувства собственного достоинства.

– Думаю, мне следует радоваться, что слуги уходят от нас, ведь я не могу больше позволить себе содержать их. Но это все равно прискорбно, ведь он был любимым слугой твоего отца.

Ошеломленная упоминанием о Вилле, Элизабет спросила первое, что пришло в голову.

– Мама, что ты читаешь?

– Письмо, дорогая моя.

– От кого?

От мистера Кэрнса, проводника твоего отца в путешествии по Юкону.

– О, – Элизабет помнила этого господина из Бостона, красивого и любезного. – Интересные новости?

Миссис Холланд, наконец, отложила письмо и подняла на дочь темные, спокойные глаза.

– Разумеется, было бы прекрасно, если бы ты вышла замуж по любви, дитя мое. И, возможно, если бы отец не убил себя... – Она замаялась. – Но не теперь.

– Убил?!

Вся ее уверенность мгновенно испарилась, а губы задрожали.

– Но ведь папа умер во сне, из-за сердца.

– А что еще мы могли сказать вам, детям, – миссис Холланд вскинула руки. – И всем остальным... Твой отец был слишком молод для сердечного приступа. Мистер Кэрнс говорит, что вся эта торговля патентами, которой занимался ваш отец незадолго до смерти, – дело нечистое. Там много всего странного и подозрительного. Люди, которые с ним работали, – не джентльмены, они опасные преступники.

У Элизабет подкосились ноги, и она с трудом сдержалась, чтобы не упасть и не закричать на весь дом.

– Но теперь это уже не имеет значения, моя дорогая Элизабет. Твой отец затеял слишком рискованную игру с семейным капиталом. Он, скорее всего, хотел, чтобы ты вышла замуж по любви, но он и в страшном сне не мог представить, что его семья окажется на грани нищеты. Ты разве этого хочешь?

Элизабет медленно покачала головой и почувствовала, как ее глаза снова наполняются слезами.

– Я уверена, ты сделаешь так, как нужно. Твое замужество – наше единственное спасение. Наш единственный шанс! Отец всегда хотел, чтоб ты думала о своей семье, Элизабет. Мы всегда так хотели, – мать подняла подбородок и повысила голос, – Ты должна выйти за Генри, Элизабет! Если откажешься, перестанешь быть моей дочерью.

37

Мисс Каролина!

Рад был с вами познакомиться. Не волнуйтесь, я обо всем позабочусь.

Я заметил вчера, что вы вышли на улицу в старых туфлях.

Надеюсь, вы не осудите меня за подарок.

Ваш

Тристан Ригли

Лиана проснулась в холодном поту, голова ее раскалывалась от боли. Медленно села,

осмотрелась... Кровать гораздо шире, чем у нее в номере, потолок из деревянных балок и одно узкое окно, почти не пропускавшее света. Она попыталась вспомнить, каким образом попала в незнакомое место, но последним воспоминанием были плывущие лица и собственный пьяный хохот. А потом она припомнила Тристана, сцену в гостинице на Пятой Авеню и то, что она отправилась гулять по Нью-Йорку со всеми полученными недавно деньгами.

Лина схватилась за сердце и вскочила с кровати. На ней были старое белье и корсет Пенелопы, а все вещи лежали на единственном в комнате деревянном стуле. Из сумочки не пропало ни одной монеты. А сверху на сумочке лежала аккуратная записка. Первую часть Лина не очень поняла, в отличие от второй, про туфли. Ее кошмарные ботинки исчезли, а вместо них стояли черные кожаные туфли на невысоком деревянном каблучке. Они были новыми и блестящими, такими же, как вся обувь в гардеробе Холландов.

Какое-то время она могла думать только о туфлях – надела их и так, в одном корсете и панталонах, ходила по комнате. У Лины никогда не было вещей, которые так хорошо на ней сидели. Она представила себе свое будущее: наряды, сшитые только на заказ, элегантные туфли и семейное счастье с Виллом, сколотившим состояние на Западе. Но затем восторг сменился стыдом.

Она ходила по бедной комнате едва знакомого мужчины в обносках подруги своей бывшей хозяйки. Вчера Лине выпал шанс побыть леди, а она вместо того, чтобы им воспользоваться, оказалась в скандальной части города, напилась и проснулась в комнате незнакомца, почти не помня, что случилось ночью. Лина выругала себя за то, что умудрилась пасть так низко, да еще и сама не заметив, как это произошло.

Она надела платье, взяла сумочку с запиской и как можно тише выскользнула из комнаты. Тристан принял ее за леди, но ею Лина уж точно не была...

38

Очевидно, мисс Элизабет Холланд простила своего возлюбленного за отсутствие на праздновании в честь Дьюи, потому что поговаривают о переносе свадьбы на это воскресенье, восьмое октября. В подготовке задействованы лучшие флористы, повара и портные, и складывается ощущение, что Холланды с Шунмейкерами задумалистроить самую грандиозную свадьбу XIX столетия.

Из колонки светских новостей «Нью-Йорк Империл», 3 октября, 1899 год

– Подумать только! Самая грандиозная свадьба девятнадцатого столетия! – Скрестив руки на груди, Пенелопа раздраженно мерила шагами собственную гостиную на втором этаже. – Несколько преувеличено, тебе не кажется?

– Даже слишком, – отозвался Бак между затяжками. – А ты знаешь, что я противник всяческих излишеств, – добавил он.

– О, прошу тебя, – Пенелопа недовольно закатила глаза. – Там должно быть мое имя, а не Лиз. Как же она меня бесит.

Пенелопа гневно топнула ногой, резко повернулась и принялась ходить от окна к окну по комнате, залитой ярким солнечным светом. Бак скрестил полные ноги и вздохнул.

– Знаешь, я знаком с автором этой колонки, Дэвисом Барнардом, он кузен моей матери или что-то вроде этого. Может, мы могли бы...

– Это бессмысленно. Я ведь ни с кем не помолвлена. – Пенелопа металась по комнате, нервно всплескивая руками. В конце концов она вздохнула, вернулась к Баку и низким голосом произнесла: – Прости меня, просто это все так тяжело... Знаешь, она мне угрожает.

– Правда? И как же?

– Сказала, то если я разрушу ее жизнь, то это повредит мне – она выставит меня в невыгодном свете. Меня! Словно это я, как шлюха, развлекалась в конюшне!

Бак вздернул светлую бровь.

– Она права. Тебе тяжело будет заполучить Генри, если выяснится, что ты имеешь

отношение к ее падению или извлекла из этого выгоду. Общество не любит оппортунистов, – промолвил он, покачав пальцем.

Пенелопа схватила сидящего на полу Разбойника, поцеловала в нос и уставилась на приятеля.

– Я не оппортунистка! – воскликнула она, сжав собаку так, что та заскулила. И, усевшись рядом с Баком, как можно холоднее добавила: – Я не потерплю, чтобы он достался ей. Ты понимаешь? Нам нужен план – совершенный план – чтобы сорвать свадьбу! Но у нас слишком мало времени. Она придет завтра утром. Что мы можем придумать меньше, чем за сутки?

– Пенни, ты же знаешь, я мастер придумывать...

– Она совершенна во всем, – перебила Бака Пенелопа. – Все в этом уверены. И в то же время, несмотря ни на что, она... ну, ты знаешь... наверняка она уверена, что выполняла спасительную христианскую миссию, отдаваясь тому, кто в ней так сильно нуждался.

Бак негромко рассмеялся.

– Ты думаешь, она все же придет?

– Конечно! Наверняка она напугана до бесчувствия. Даже я была бы. Жаль, ты не видел ее лица! Побелела как призрак.

Бак затушил окурок о пепельницу, которую держали три позолоченные нимфы, подпер голову кулаком и промолвил:

– Ну что ж... неплохое начало.

Пенелопа сжала челюсти и потрясла кулаками.

– Еще бы! Теперь нужно показать всем, что на самом деле она последняя шлюха. И когда все поймут, что она недостойна быть с Генри, все вернется на свои места. Но тогда я буду выглядеть не лучшим образом, – Пенелопа опустила на пол и ударила кулаком по паркету.

Бак встал, помог девушке подняться и, улыбнувшись, произнес:

– Прежде всего успокойся. Ты не сможешь победить, если не будешь держать себя в руках.

– Я знаю, – она вздохнула и попыталась улыбнуться.

Бак подвел Пенелопу к окну. По улице, как обычно, медленно двигались экипажи, пассажиры притворялись, что не смотрят друг на друга. Пенелопа отвернулась: мысль о том, что эти жалкие людишки внизу могут заметить ее слабость, заставила ее содрогнуться.

– Я думаю, они переносят свадьбу, чтобы навредить мне.

– Уверен, причина явно не в тебе.

Пенелопа сверкнула глазами.

– Я не могу проиграть Элизабет, это немыслимо! – завопила она, топнув ногой, – Эта жалкая лицемерная тупица украла то, что было моим. Все, все знали, что он мой!

– Успокойся, дорогая, – сказал Бак, погладив подругу по плечу, – Нам нужно придумать план. У нас отличные карты, и нужно только правильно рассчитать ход. И мы выиграем, – добавил он уверенным тоном.

– Что бы ни случилось, Баки, мы должны найти выход! Я не могу проиграть и скорее увижу Элизабет мертвой, чем замужем за моим Генри.

39

Если я пойду, то заведу разговор о чувствах Элизабет и о том, что несмотря на окончательное решение вопроса о свадьбе, сестре будет больно. Может, я скажу еще и о том, что мы никогда не сможем быть вместе, и это придает нашим встречам особое очарование. Это было бы мудрым поступком, хотя не уверена, что я сама себе верю...

Из дневника Дианы Холланд, среда, 3 октября, 1899 год

– Так вот почему в девять вечера! – воскликнула Диана, пока Генри вел ее по усыпанной гравием дорожке от ворот к оранжерее, крыша которой представляла собой стеклянный купол. Открыв дверь, он с улыбкой обернулся. Диана взглянула в его глаза и позабыла все, что

собиралась сказать.

– Я боялся, что вы неправильно меня поймете, – произнес Генри и лукаво добавил: – Но не настолько...

Диана держала в руках записку – закладку из томика Уитмена. Она несколько раз перечитывала послание, чтобы убедиться: Генри действительно просил ее о встрече, причем в час, неприемлемый для молодой леди.

Внутри пахло землей и цветами. Они прошли под кронами из гигантских листьев, мимо причудливых экзотических цветов, в самый дальний угол оранжереи, и переступили порог маленькой комнаты. Стеклопанный потолок, хоть и намного ниже, чем в самой оранжерее, кровать, застеленная сшитым вручную покрывалом.

– Здесь жил садовник, – объяснил Генри, – Но потом он встретил одну из швей Изабеллы, женился, и теперь они живут в доме. Он разрешает мне использовать комнату время от времени.

Диана задумалась было, что значит «время от времени» и, что еще интереснее, «использовать». Но красота и необычность помещения захватили ее. Свежий воздух, маленький коврик на полу, золотистый свет простых ламп, зеркало в деревянной раме. Не было ни свеч, ни шампанского – ничего, о чем она так часто читала в любовных романах.

– Здесь прелестно, – сказала она, взглянув на Генри.

– Честно говоря, я думал, что вы не придете. После фразы о том, что моя оранжерея – лучшее, что есть во мне, – поддразнил он ее, и Диана вспомнила, как он переменялся в лице после ее слов, – Думал, что вы захотите прийти, но...

– Но сомневались, что найду способ? Я изобретательная девушка, Генри, – Диана подмигнула, и он улыбнулся в ответ. Ни один из них не мог сдержать улыбку.

Девушка откинула капюшон и подождала, пока Генри поможет ей снять плащ. Он расстегнул пуговицы у шеи, затем все остальные, пока Диана не предстала в теплом свете ламп в простом голубом платье, специально надетом, чтобы никто не заподозрил, что она собиралась уходить куда-то.

– Я рад, что вы здесь, – произнес он, не отрывая от нее восхищенного взгляда. Диана вспыхнула. Генри дотронулся до одной из маленьких белых пуговок на воротнике.

– Не хотела торжественно одеваться, на случай, если...

Генри прервал ее долгим поцелуем, обняв и прижав к себе. Поцелуй все длился и длился, и Диана испугалась, что ее бедное маленькое сердце не выдержит.

Отодвинувшись, она увидела, что Генри улыбается, но по-другому, мягко и нежно. А потом он быстро расстегнул все пуговицы, одну за другой. Диана закусил губу, пытаясь успокоить дыхание. А Генри тем временем, не отрывая от нее глаз, расстегнул последнюю, и платье упало к ногам, оставив Диану посреди оранжереи в одном нижнем белье.

– Так вы пригласили меня сюда, чтобы соблазнить?

– Нет, я обещал, что не сделаю этого, – ответил Генри, опускаясь на постель и закладывая руки за голову. Диана растерянно улыбнулась, – Я пригласил вас, чтобы вы могли спросить меня о чем угодно. Все, что хотели узнать в день нашей первой встречи. Задавайте любые вопросы, и я клянусь ответить на них честно.

Генри подмигнул ей так, что у Дианы закружилась голова.

– Все, что угодно? – Она уселась рядом с ним.

– Все, что хотите, – Он дотянулся до сигареты на столике и закурил.

Диана взяла у Генри сигарету, затаилась и отдала обратно. Выдохнув и задержав ненадолго взгляд на потолке, она перевела глаза на него и произнесла:

– Хорошо, если действительно что угодно... тогда скажите, что вы обо мне думаете?

Генри издал смешок и прищурил глаза.

– Я считаю, что вы самая очаровательная и чудесная девушка из всех, кого я знаю. И постоянно хочу знать, о чем же вы думаете. Мне нравятся ваша необычная походка и манера затмевать собой всех и вся, где бы вы ни находились. И, говоря откровенно, мисс Диана, – он поцеловал ее руку, – вы самая живая из всех, кого я знаю.

Диана покусала губы, вновь зардевшись, и прошептала:

– Мне нравится эта игра.

- Я могу восхищаться вами всю ночь, но боюсь однообразия. Спросите что-нибудь другое.
- Вы и вправду разбили много сердец? – Диана чувствовала, как с плеча спадает сорочка, но даже не собиралась ее останавливать.
- Да, мне случалось разбивать сердца. Но не столько, сколько мне приписывают.
- Вы когда-нибудь любили?
- Да, – ответил Генри, печально вздохнув. – Однажды.
- Кем она была?
- Обещайте сохранить в тайне то, что я вам расскажу.
- Диана вздохнула и прилегла рядом с Генри.
- Обещаю.
- Она была из старой благородной семьи, как и вы, и ее девичье имя Полетт Риггз, но когда я познакомился с ней, ее уже звали леди Дирфилд.
- Полетт Риггз! Но ей почти *тридцать*, – Диана не смогла сдержать удивленный возглас.
- И она замужем за лордом.
- Я знаю, – грустно засмеялся Генри. Одной рукой он скользил по бедру Дианы, приподнимая сорочку, – Но мне было восемнадцать, и в то время она была для меня единственной и неповторимой. Летом она отдыхала в Ньюпорте, из-за болезни отца, а лорд Дирфилд постоянно охотился, так что ей наверняка было одиноко.
- Как все закончилось?
- Плохо, – вздохнул Генри – В конце концов она от меня устала, а я продолжал писать письма и молить о встрече.
- Вы скучаете по ней? – Диане было немного страшновато. Она помнила эту леди, ее белоснежную кожу, алые губы и королевские манеры. Но все равно хотела знать все.
- Больше нет. Кажется, все это было давным-давно.
- А сколько раз вы были влюблены?
- Генри вздохнул и, помолчав, ответил:
- Пять.
- И все они были замужем за английскими лордами?
- Нет! Все они были совершенно разными, но с каждой мне было хорошо в свое время.
- И кто же последняя возлюбленная Генри Шунмейкера? – Он медленно убрал руку с бедра Дианы и встретился с ней долгим молчаливым взглядом. – Вы сказали, я могу спрашивать что угодно! – воскликнула она, гадая, чье же имя ему настолько трудно произнести.
- Пенелопа Хейз, – выдавил он наконец.
- Не может быть... – Диана растерянно замолчала, не зная, как реагировать на столь неожиданное откровение. Должно быть, она в ярости от... – и она вновь запнулась, поняв, что пока не хочет говорить о свадьбе Элизабет. Генри поднял глаза к потолку и с отчаянием вздохнул. – Тогда неудивительно, что она так странно себя ведет в последнее время. И вы... вы с ней...
- Генри вновь положил руку на бедро Дианы и сделал это уже гораздо более уверенно. Она лежала почти прижавшись к нему и чувствовала малейшее движение его тела.
- Она... в общем, она оказалась гораздо более злой, чем я думал.
- О... Теперь, думаю, я знаю о вас все.
- Но я не хочу больше оставаться таким. – Генри помедлил и расстегнул пуговицы рубашки. – Не хочу разбивать сердца. Благодаря вам я стал другим, Диана. Вы как-то сказали мне, что не позволите обращаться с собой как с игрушкой. Не думайте, что с вами я играю.
- Тогда зачем вы пригласили меня сюда? – Она приподнялась на локте и взглянула на него влажными блестящими глазами, – Чтобы все прояснить?
- Да. Для этого и... Женившись на вашей сестре, я не смогу больше... – Генри взглянул на ее тонкую талию.
- Вы вынуждены на ней жениться, так ведь?
- Да, вынужден. Это из-за...
- Я понимаю. – Диана подумала о причинах, заставивших сестру согласиться выйти замуж. Видимо, у них одинаковые стимулы для заключения этого брака. – И не хочу знать,

почему.

Сердце ее тоскливо сжалось, но Диана все-таки решила сказать то, что, несомненно, мучило их обоих.

– Значит, мы вместе... Первый и последний раз.

Генри выразительно взглянул на нее и через несколько мгновений чуть заметно кивнул. Потом, нежно взяв лицо девушки в свои ладони, поцеловал ее с такой страстью, что Диана с трудом сдерживала стон.

– Если я пообещаю отпустить вас столь же чистой и невинной, останетесь ли вы со мной до утра?

Девушка кивнула и улыбнулась.

– Чудесно, потому что у меня тоже есть к вам пара вопросов.

И она осталась, купаясь в нежном и проницательном взгляде Генри, в его неизменном обаянии...

40

Самое главное для любой невесты, даже если она окружена заботой хорошей семьи и всевозможными благами, – это покой. Невесте нужно отдыхать, иначе волнения приведут к тому, что в день свадьбы она будет выглядеть уставшей, все повидавшей на своем веку.

Л. А. М. Брекенридж. Этикет высшего общества

Прошлой ночью Элизабет приснилось, что она живет где-то далеко-далеко, вместе с Виллом, и их окружают маленькие домики среди бескрайних полей и высоких холмов, и о модных парижских портных никто слыхом не слыхивал. Потом ей приснилось, как она стоит в белом платье, а Пенелопа, жестоко смеясь, швыряет в нее отравленный рис... Но большую часть ночи она лежала не смыкая глаз, и мысли, одна печальнее другой, проносились в ее голове.

Элизабет с тоской подумала, что ее всегда учили приносить другим радость – прекрасными манерами, внешностью, поступками, – но теперь она могла быть лишь насквозь фальшивой и лживой. Угоди она матери – и ее выставят изменницей и потаскушкой. Угоди Пенелопе, показавшей себя донельзя двуличной, – и лишится всего, что имеет, – дома, семьи, богатства...

А угодив себе... нет, уже слишком поздно.

Вдоволь насмотревшись в потолок, Элизабет встала с кровати и надела белое кимоно. Весь день она провела в магазине на примерке, потому что нужно было успеть сшить свадебное платье, платье для второго дня и еще доделать кучу разных мелочей. Она стояла, не шевелясь, а вокруг все говорили о ней в третьем лице, словно Элизабет вообще находилась в другом месте. Но хуже всего было то, что она ощущала себя совершенно одинокой. В детстве ей нравилось представлять себя невестой: то в простом белом платье со скромным букетом в руках, то в роскошном сверкающем наряде, в усыпанной розами зале, но в любом случае любящей и счастливой. Но оказалось, что она осталась совсем одна. Вместо Вилла ее теперь возил мистер Фабер. Бывшая лучшая подруга и вовсе не собиралась приходить. А вот Диана могла бы помочь ей, но вместо этого предпочитала сидеть в своей комнате с книжкой в руках, демонстрируя полное безразличие к предсвадебным заботам сестры.

Девушка раздраженно ходила по комнате, злясь на Диану за ее эгоизм и безучастие. В конце концов она, Элизабет, пожертвовала ради семьи своим счастьем, переступила через себя, лишь бы сестра и мать могли вести достойную жизнь. А Диана в эти дни даже не удосужилась как-то поддержать ее – похоже, она вообще не выходила из своей комнаты. Элизабет быстрым шагом прошла по коридору, но, уже собравшись постучать к сестре, внезапно остановилась и задумалась. В конце концов, Диана не виновата, что так получилось. Что Элизабет полюбила не того человека – человека, с которым им не суждено быть вместе. Диана не виновата в финансовом крахе семьи. Почему же она, Элизабет, так злится на сестру? Девушка

прикоснулась к двери, вздохнула, а затем тихонько постучала.

– Ди? – Она покосилась в сторону спальни матери, надеясь, что та ничего не услышит. Со вчерашнего дня пропасть между ними стала непреодолимой, и Элизабет больше нечего было сказать своей родительнице. – Ди?

Не услышав ответа, девушка открыла дверь и поняла, что комната пуста. Только Лили Лэнгти, их кошка, спрыгнула с кресла и начала тереться о ноги Элизабет. На кровати и полу раскиданы платья и туфли. В недоумении Элизабет заглянула за кресла и в шкафы, проверила дверь на балкон – та оказалась прикрытой, но не запертой. Девушка уже подумала было, что Диана спустилась за стаканом молока или книгой, как вдруг заметила под кроватью открытую шляпную коробку, а в ней черный котелок. Вроде бы ничего необычного, но эта шляпа вернула Элизабет на две недели назад, в тот день, когда разрушился ее мир. Не отрывая глаз от коробки, она подошла к кровати, вытащила шляпу и увидела голубую ленту с инициалами Г. Ш.

Элизабет тяжело опустилась на кровать, в оцепенении глядя внутрь шляпной коробки. Она заставила себя взять обе карточки, что Генри присылал Диане, и прочесть. Обе были подписаны Г. Ш., но Элизабет была уверена, что это именно Генри. Она не знала точно, когда именно были присланы записки – с просьбой хранить шляпу и со словами о том, что Генри не может забыть о Диане, но отсутствие сестры в комнате и ее отказы выходить говорили сами за себя.

Элизабет легла на бок и обхватила колени руками. Лили прыгнула на кровать, потянулась, обошла девушку кругом и устроилась на подушке за спиной Элизабет. Отпустив шляпу, девушка горестно вздохнула. Это чудовищное свидетельство испорченности младшей сестры не вызывало у нее ничего, кроме ужаса и холодной ярости. Девушка вдруг поняла, что ее вражда с Пенелопой, по меньшей мере, наполовину – вина Генри. Что бы ни случилось между ним и Пенелопой, вызвано оно было именно его действиями!

И вот сейчас он наверняка пытался соблазнить маленькую Диану. А может быть, ему это уже удалось. И после всего этого он надеялся, что Элизабет станет его женой...

Элизабет резко поднялась с кровати, словно у нее в голове созрел какой-то план. Но перед тем как выйти из комнаты, девушка решила убрать раскиданную одежду Дианы. Гнев и отчаяние с каждой минутой становились все сильнее, пока она собирала с пола все те платья, в которых Диана намеревалась отправиться на порочное свидание.

41

Моей невесте

– Что это значит? – с замирающим сердцем спросила Диана, перевернув украшенный лазурью крест с надписью на обратной стороне.

Начиная со вчерашнего вечера, каждое мгновение, проведенное рядом с Генри, было наполнено для нее особым смыслом и нескончаемым светом.

– Отец подарил это матери перед свадьбой. Я никогда не понимал истинного смысла того, что там написано. Наверное, он подарил крест семнадцатилетней девушке с надеждой, что ей всегда будет семнадцать, – в голосе Генри прозвучала ирония, – Но я не поэтому отдаю его вам.

– Я знаю, – сказала Диана, пряча крестик в корсаж.

– Это самая простая вещь из всех, что отец дарил матери, может, поэтому она мне и нравится. Я почти не помню маму – когда она умерла, мне было всего четыре года. Но, думаю, она была из того типа красавиц, которым не нужны украшения.

За эту ночь Диана так много узнала о Генри, открывшегося с совершенно другой стороны, что, можно сказать, познакомилась с новым человеком. Теперь каждая его фраза звучала для нее совершенно иначе. Она наклонилась вперед со своего сиденья в легком экипаже, одном из немногих, что Генри мог взять без ведома отца. Они как раз остановились на Бродвее, ожидая подходящего момента, чтобы Диана могла незамеченной влиться в утреннюю толпу и вернуться домой. Девушка взглянула на него сонными глазами и попыталась улыбнуться.

– Будет тяжело смотреть, как ты женишься на Лиз, Генри... – Она хотела сказать что-то

более значимое и прочувствованное, но в горле словно застрял комок, и она поняла, что больше ничего не сможет из себя выдавить.

Генри поцеловал ее в опущенные веки, и Диана, бросив на него последний взгляд, выскользнула из экипажа. Здесь и там спешили по своим делам люди, и никому не было дела до девушки в плаще.

Спустя некоторое время она уже была на аллее, уходившей от Девятнадцатой улицы к владениям Ван Дорансов и затем Холландов. Прошлой ночью девушка спустилась по решетке, что было почти столь же опасно, как и разгуливать по ночному Нью-Йорку. Но сейчас она выбрала более легкий путь: через заднюю дверь и лестницу для слуг. И очень скоро она очутилась в собственной комнате – в своем безопасном убежище. Однако комната выглядела по-другому – кто-то убрал в шкафы всю одежду, привел в порядок обувь. На кровати лежали шляпа и открытки, присланные Генри. Диана застыла на месте от страшной, отвратительной мысли, что кто-то заходил сюда прошлой ночью и рылся в ее вещах.

42

В последнее время опоздание становится обычным делом.

Это совершенно неприемлемо.

Настоящая леди появляется точно в обещанный час.

Миссис Гамильтон В. Бридфельт. Избранное из «Воспитания молодых леди», 1899 год

В девять тридцать утра Элизабет стояла на Бродвее, среди утренней суеты, оцепеневшая от безысходности и беспомощности. Творившийся на улице хаос – крики, грохот колес, шум, – все это не шло ни в какое сравнение с только что увиденным. Младшая сестра уже растворилась в толпе, но сам факт ее появления на Манхэттене рано утром подтвердил все подозрения Элизабет. Однако больше всего ее задело другое. Вышедший из экипажа мужчина тоже провожал глазами Диану, и взгляд его мало чем отличался от взгляда Вилла, когда он смотрел на нее, Элизабет.

Она так и не смогла заснуть всю ночь, терзаясь мыслями, как, каким образом может она утешить Пенелопу, спасти Диану и избежать свадьбы с порочным Генри Шунмейке – ром. Но сейчас она уже знала, что нужно делать. Девушка решила пешком пройтись по Пятой Авеню и встретиться с Пенелопой.

Все в доме были заняты предпраздничной кутерьмой, и Элизабет удалось уйти незамеченной.

Сегодня ночью она пришла к выводу, что ее жених – самый испорченный человек из всех, кого она знала. Однако взгляд, которым он провожал Диану, поколебал уверенность Элизабет. Она стояла и смотрела на него, на тоску в его глазах, осознав вдруг, что он и не собирался воспользоваться беззащитностью Дианы. Судя по всему, Генри и вправду любил ее сестру, и, возможно, Диана отвечала ему взаимностью.

Гнев ее исчез в считанные секунды. Она вдруг поняла, что все ее опасения были напрасны. Между ними проехал черный экипаж, и когда Элизабет вновь увидела Генри, тот повернулся, посмотрел на нее и кивнул, не отводя глаз. Только теперь Элизабет поняла, насколько они похожи: ему тоже приходилось жениться не по любви, вопреки своим желаниям, подчиняясь требованиям семьи, в то время как его сердце принадлежало другой. Генри снял шляпу и изящно поклонился ей. Элизабет медленно кивнула в ответ, показывая, что они вполне поняли друг друга, а затем слилась с толпой. Нужно было спешить, чтобы не опоздать на встречу.

С этой минуты все стало совершенно другим, но не менее сложным. Элизабет вдруг с грустью подумала, насколько все было бы проще, если бы ее не существовало. Еще не дойдя до дома Хейзов, она уже знала, что нужно делать, и удивилась, насколько быстро и легко можно распутать весь этот клубок.

43

*Повсюду мы видим отражение наших грехов:
в бледности лиц, стуже ветвей по стеклу,
странных перестановках привычных вещей.
Знаки божьи или игра воображения,
но мы не должны их пропускать.*

Преподобный Нидлхауз. Избранное, 1896 год

Диана все еще стояла в оцепенении, придумывая, что же сделать с шляпой, как вдруг ее привел в чувство жуткий вопль с первого этажа. Она вздрогнула от неожиданности, а сердце сжалось в ледяной комок. Уходя вчера вечером из дома, она была уверена, что никто ничего не заметит – в последние дни до нее вообще никому не было дела. И прошедшая ночь казалась теперь волшебной, невероятно красивой сказкой, так внезапно оборвавшейся. В этом крике, доносящемся до нее в эти минуты, были сосредоточены гнев, горе, отчаяние, недоумение.

Диана смотрела на шляпу, лежащую прямо посреди кровати, и тщетно пыталась придумать достойное объяснение этому неоспоримому свидетельству ее дурного поведения, когда вдруг раздался еще один крик – душераздирающий крик горя.

Девушка быстро засунула шляпу под кровать и задвинула ее вглубь, подальше к стене. Она еще даже не переоделась и была в том самом платье, в котором уходила вчера из комнаты. Но приводить себя в порядок было уже слишком поздно, так что Диана лишь бегло окинула себя взглядом в зеркале.

Внешне ничего не изменилось, но внутренне она чувствовала себя намного старше. Вопли и стенания с нижнего этажа продолжались, так что Диане не оставалось ничего другого, кроме как быстро спуститься навстречу неизбежным обвинениям и мучительным признаниям.

Ворвавшись в гостиную, девушка увидела Пенелопу Хейз, непривычно взлохмаченную и помятую. Время от времени вскрикивая, она бессвязно пыталась что-то рассказать.

– Слава богу, ты здесь, – Эдит бросилась к Диане и схватила ее за руки.

– Как ты могла проспать так долго? – всхлипнула мать, обняв девушку и прижав к груди, – Не ведая, какая ужасная трагедия постигла всех нас...

– О чем это вы? – прошептала Диана, внезапно лишившись голоса. Она в недоумении взглянула на внезапно притихшую Пенелопу.

– Не знаю, как это пережить, – прошептала мать.

– Столько всего свалилось на семью, – вторила Эдит.

В эту минуту в комнату ворвалась Клэр.

– Я нашла на улице полицейского, он пообещал собрать людей и все обыскать. Миссис Холланд, принести вам соль?

– Да, Клэр, пожалуйста.

Обнявшись, женщины Холланд дошли до ближайшего дивана. Диана уже поняла, что дело не в ее безнравственном поведении, а случилось что-то намного более ужасное. Она еще раз взглянула на Пенелопу, чей вид выдавал в ней свидетельницу страшного несчастья.

– Так что произошло? – спросила Диана дрогнувшим голосом. Сердце ее колотилось так сильно, что, казалось, заглушало все вокруг.

Бледные, с покрасневшими от слез глазами, мать с тетей стиснули руки Дианы.

– Твоя сестра... – начала тетя Эдит срывающимся голосом – Она... она ушла от нас, Диана!

– Ушла? – тупо переспросила девушка. – Куда ушла?

Только теперь Диана поняла истинное значение всего того, что увидела сегодня утром. Все эти знаки... Шляпа в центре идеально заправленной кровати. Послание от Элизабет. С каждой секундой осознание становилось все страшнее и все мучительнее. Диана вдруг почувствовала, до какой степени она сама себе противна.

– Все случилось этим утром, – глухим голосом вмешалась Пенелопа, обретя, наконец, дар речи. Она подошла ближе и устроилась на шелковой подушке перед Дианой. Только теперь

девушка заметала стекающие с платья Пенелопы капли воды, – Мы с Элизабет планировали навестить портного. Она очень нервничала из-за свадьбы, и я подумала, что прогулка у воды ее успокоит. Я сама правила лошадьми, чтобы она могла свободно говорить, и пыталась ее успокоить и подбодрить.

Пенелопа замолчала и судорожно всхлинула, словно сдерживая рыдания, а Диана расширенными от ужаса глазами посмотрела на мать, ожидая продолжения этой кошмарной истории. Пенелопа собралась с мыслями и продолжила:

– У воды стоял странный человек, лошади испугались и понесли, и я не могла... и... и не удержала... не могла сдержать их!

Пенелопа разрыдалась.

– Элизабет выкинуло, – безжизненным голосом выговорила миссис Холланд, – В реку. Когда Пенелопа смогла обуздать лошадей и вернуться, ее уже не было видно.

– Это был мой новый фаэтон, очень быстрый, и с таким высоким сиденьем! Я попыталась найти ее в воде, но там было так холодно!

Ошеломленная Диана не хотела верить всему этому, но... слишком много совпадений, слишком много знаков. Шляпа на кровати, одежда, которую Элизабет убрала в шкаф. Она, без сомнения, догадалась, с кем провела эту ночь младшая сестра.

– Но как ее могло выбросить из экипажа, а Пенелопу нет? – спросила Диана. Она не хотела задавать этот вопрос, но ее терзало чувство вины, а спрятанный в корсаже крестик будто прожигал насквозь ее кожу, напоминая о содеянном. Сестра утонула из-за нее. – То есть она же не могла выбраться сама, ведь правда? – добавила она едва слышно.

В комнате воцарилось молчание, и Диана заметила, как вспыхнули на мгновение глаза Пенелопы.

– Пожалуйста, – промолвила Эдит, – не говори таких вещей! Иди лучше в свою комнату, побудь там. И не повторяй больше эти ужасные слова, иначе кто-нибудь обязательно услышит.

Диана словно только и ждала, чтобы ее отпустили. Не оглядываясь, она вышла в коридор. Сердце разрывалось от горя, руки дрожали. Может быть, по-своему Элизабет все же любила Генри, и предательство сестры толкнуло ее на страшный шаг? Диана вошла в комнату и тяжело опустилась на кровать. Ее вчерашний поступок не имел для нее никакого смысла, но привел к страшным последствиям. Она никогда по-настоящему ни о чем не жалела, а сейчас чувство вины убивало девушку. Диана упала на кровать и, зарывшись лицом в подушку, зарыдала.

44

...И затем американская принцесса, упавшая в воды Гудзона. Таинственное происшествие с Элизабет Холланд названо несчастным случаем, но слишком многое говорит об обратном. Слишком много странных деталей, включая свидетельства о том, что на реке видели высокого, худого и хорошо одетого мужчину...

Из колонки полицейских новостей «Нью-Йорк Империл», четверг, 5 октября 1899 год

В четверг утром Лина проснулась и начала тщательно готовиться к предстоящей встрече с Клэр. После долгих раздумий она выбрала темную юбку со светлой блузкой. Конечно же, не столь блистательный наряд, как красное платье, но Лина решила, что красный цвет не самый лучший для такого случая. К тому же выбранная одежда вполне подходила для того, чтобы впечатлить сестру, не вызвав зависти. Они с Клэр договорились встретиться в одиннадцать часов – единственное время, когда она почти наверняка не была нужна своей госпоже, – на скамейке в парке у площади Единства. Лине до сих пор было стыдно за свое пьяное поведение, и она надеялась, что если найдет Вилла, он никогда не узнает о том, как низко она пала. Ее даже радовал тот факт, что она почти ничего не помнила из событий той ночи. Зачесав волосы в свою обычную прическу – низкий пучок, – Лина взяла куртку и поспешила вниз по лестнице.

На улице лил дождь, и Лина подумала, что Клэр, возможно, не придет. Но ей все равно нужно было увидеться сегодня с сестрой: помимо всего прочего, Лина надеялась услышать от

Клэр новости о Вилле. Так как внизу не оказалось свободных зонтов, Лина взяла номер «Нью-Йорк Имperiал», чтобы хоть как-то защититься от непогоды. Спешащие по улице люди прикрывались чем придется, а те, кто рискнул выйти под дождь без всего, мгновенно промокали до нитки.

Лина раскрыла газету, чтобы защитить хотя бы голову, и вдруг замерла в оцепенении, увидев промелькнувшее в заголовке имя Элизабет Холланд. Она быстро открыла репортаж на одиннадцатой странице и с бешено колотящимся сердцем прочла, что Элизабет Холланд упала в воды Гудзона и считается погибшей. Даже предсказание конца света через пару дней, напечатанное на соседней странице, удивило ее меньше. В Лине уживались самые разные чувства к Элизабет – обожание, ненависть, зависть, гнев... Невозможно было поверить, что она могла вот так просто... умереть. Постепенно осознавая эту новость, Лина почувствовала, что у нее подкашиваются ноги и начинает кружиться голова.

Она все-таки заставила себя выйти под дождь, подняв газету над головой. Ноги мгновенно промокли, и она побежала, надеясь найти какое-нибудь укрытие до того, как газета окончательно намокнет. До парка было еще далеко, зато до гостиницы – места ее недавнего унижения – оставалось совсем немного.

Спрятавшись под навес перед цветочным магазином, девушка в оцепенении смотрела на спешащих прохожих и вдруг заметила человека под зонтом, наблюдавшего за ней с другой стороны улицы. Она почему-то вспомнила, как только что прочитала о высоком, стройном, хорошо одетом мужчине, которого видели на месте гибели Элизабет. Внезапно Лина занервничала. Она видела, как мужчина переходит улицу, направляясь к ней, и собралась бежать дальше, но газета так промокла, что уже никуда не годилась.

Рассмотрев приближающегося незнакомца, Лина вдруг с изумлением поняла, что это Тристан.

– Помните меня? – спросил он, закрывая ее своим громадным зонтом, по которому громко стучали капли дождя. Лицо Лины было совершенно мокрым, и тушь стекала с ресниц.

– Да, – тихо ответила она.

– Мисс Каролина, чье лицо я никак не могу забыть. Вижу, вы уже прочли «Имperiал», – произнес он, и Лина быстро отвела взгляд. Чернила растеклись и испачкали руки. – Что вы скажете, если мы отправимся пообедать, и я расскажу вам интересные подробности?

Лина кивнула в знак согласия. Она не знала, что делать. Промокшая, холодная, она чувствовала себя несчастной и виноватой. По крайней мере, больше не придется мокнуть под дождем. Тристан ободряюще улыбнулся. Стоя на бурлящей улице Нью-Йорка, Лина вдруг с ужасом поняла, что она, вполне возможно, тоже причастна к этой жуткой истории...

45

Трагическая гибель восходящей звезды высшего общества вдовыне тяжела, ибо в это самое воскресенье Элизабет Холланд должна была выйти замуж за самого завидного холостяка Нью-Йорка. Все, кто любил мисс Холланд, собрались сейчас под крышей дома ее жениха, Генри Шунмейкера. Отец жениха, Вильям Сакхауз Шунмейкер, поручил мэру Ван Вику выдать утроенное вознаграждение тому, кто найдет тело несчастной девушки. Много слухов сейчас ходит о мисс Пенелопе Хейз. Она была последней, кто видел Элизабет живой, и именно ей приписывается роман с молодым Шунмейкером.

Из Cité chatter в «Нью-Йорк Имperiал», пятница, 6 октября, 1899 год

Это невероятно! Это настоящий кошмар, что они не могут ничего найти! – гремел голос отца Генри в гостиной на Пятой Авеню. – Позор на голову мэра! Генри вздрогнул, услышав о том, как ловко отец связал гибель Элизабет с недееспособностью мэра. Ему самому приходилось стоять рядом и согласно кивать. Трагедия не допускала бесцеремонности, особенно перед репортерами из «Новостей Нью-Йорка» и родственниками и друзьями

Элизабет, собравшимися в их доме в ожидании новостей о несчастной. Так что Генри стоял рядом с отцом и согласно кивал.

– Ни тела, – продолжал старший Шунмейкер, – Ни клочка одежды, ничего! А меж тем могло случиться все что угодно! Ее могло вытащить буксирное судно и продать в рабство: газеты каждую неделю сообщают о подобных ужасных случаях. И я настаиваю, что ответственность лежит на мэре! Он всего лишь марионетка в руках демократов и поэтому совершенно не способен принять самостоятельное решение.

– А вы, мистер Шунмейкер, – сказал журналист, обращаясь к Генри. – Что вы можете сказать о том, как ведутся поиски?

На это нечего было сказать, и потому Генри просто опустил глаза. Через мгновение отец вновь заговорил. Даже смерть невесты сына не могла отвлечь его от бесконечной грязной темы о нью-йоркской политике.

– Вот увидите, будет скандал с выборами! Все знают о их нечестной игре и о многочисленных подкупах. Скоро народ потребует голову мэра! Но... Ах, да, Элизабет. Сумма, назначенная мэром, столь мала, что просто оскорбительна. И мой сын, Генри... Посмотрите на него – он сломлен и едва может говорить.

Не в силах больше все это слушать, Генри отошел от отца к накрытому черной скатертью столу. Серебряные подносы со свежими фруктами, сладкие хлебцы, кофе. Генри дотянулся до граненого графина со скотчем и вновь наполнил бокал.

Последние несколько дней он жил в полном отрыве от реальности, словно со стороны наблюдая все происходившее.

Окружающий мир словно погрузился во тьму. Печальные лица, черный цвет... Люди избегали общения с ним, избегали смотреть ему в глаза и лишь кивали издали в знак приветствия и сочувствия.

Несколько девушек поразвязнее – или просто поглупее – кидали на него игривые взгляды, но он их даже не замечал. Ему было жаль Элизабет, но еще больше – Диану. Он снова и снова вспоминал взгляд, подаренный ему Элизабет на углу Бродвея и Двадцать первой. В среду утром, как раз перед тем, как мир для него перевернулся. В ее глазах было столько нежности и печали, что ему показалось: она знает обо всех его дурных поступках и недостойных мыслях.

– Вам многие сочувствуют, – Генри обернулся и увидел уставшее, когда-то красивое лицо Кэрри Льюиса Лонгхорна, которого газеты называли старейшим холостяком Нью-Йорка. В свои семьдесят он так и не женился и славился своей коллекцией портретов самых разных красавиц. Генри был уверен, что среди них было и изображение Элизабет.

– Благодарю вас, сэр.

– Вы это переживете, молодой Шунмейкер, – промолвил старик, глядя в сторону. И уже уходя, добавил: – Я пережил.

Генри не отходил от столика, рассеянно глядя по сторонам. Родственники Элизабет сидели отдельно, заняв несколько кресел и пару диванов у большого окна. Он всегда думал, что в их семье четыре человека, а оказалось больше двадцати. Кузены, тети и дяди, не показывавшиеся, пока все было хорошо, сейчас собрались вокруг миссис Холланд и ее теперь уже единственной дочери. Лицо ее было покрыто черной вуалью, а взгляд постоянно опущен, так что невозможно было встретиться с ней глазами. Диана сидела неподвижно и казалась абсолютно безразличной ко всему, что происходило вокруг.

Если последние пару недель Генри уже задумывался над необходимостью стать серьезным человеком, последние два дня сделали его таким. Смерть девушки его круга казалась невозможной, невыносимой. Но гибель девушки, с которой он был связан и о которой так мало знал, вызвала гнев и невыносимое чувство вины.

Генри подозревал, что, веди он себя по-другому, более достойно и осмотрительно, ничего этого не случилось бы. Сейчас он пытался держать себя в руках и не смотреть слишком часто в сторону Дианы.

Это было жестокое испытание – быть с ней под одной крышей и одновременно на таком расстоянии. Генри понимал, в каком состоянии она находится, и знал, что та ночь вдвоем теперь будет для нее мучительным воспоминанием.

Он всей душой стремился заговорить с ней, услышать голос, узнать, что она не винит его

в смерти сестры. Что не питает к нему ненависти. Но не было никакой возможности подойти к ней из-за плотной стены родственников и знакомых. Генри тяжело вздохнул и повернулся к наполненному бокалу.

– Тебе сейчас явно нужен товарищ, – Генри поднял взгляд от скотча и увидел Тедди Каттинга. Краем глаза заметил, что Диана вновь отказалась от предложенной еды, и повернулся к другу.

Тедди был в черном пиджаке, с белой розой в петлице. Она стала символом Элизабет, и очень многие джентльмены сегодня приколоты этот цветок к своей одежде. Генри был без розы – но только потому, что оставил где-то пиджак. Все равно в такой день никто не стал бы осуждать его за не самый подобающий вид.

– Да, – глухо ответил он, позволил Тедди взять себя под руку и увести в соседнюю комнату.

– Мы должны помочь. Надо хоть что-то делать! Вряд ли рабочие на реке проявят столько же рвения в поисках Элизабет. Возьмем «Элизиан» и посмотрим, что можно сделать.

– Возможно, – уныло отозвался Генри. Они прошли в свободную от гостей комнату, и Генри понял вдруг, что именно в ней объявили о его помолвке. От воспоминаний о своем поведении, от того, что он желал Элизабет исчезновения, становилось еще хуже.

– С трудом могу заставить себя что-то делать...

– Все это так ужасно. Невыносимо, – вздохнул Тедди, в покрасневших глазах которого отражалось отчаяние. – Похоже, что сегодня мир изменился, тебе не кажется? Помнишь наш разговор на скачках? – Он замолчал в ужасе и покачал головой. – И теперь она умерла.

Генри прекрасно помнил и не мог смотреть на друга, он лишь благодарил бога, что Тедди не видел то странное выражение на лице Элизабет в день, когда она умерла.

– Ты сохранил статус холостяка и сможешь вернуться к одиночеству и всем тем девицам, что пытаются повиснуть у тебя на шее... – Тедди попытался пошутить и взглянул на друга, когда тот не рассмеялся, – Прости, я не это имел в виду. Я просто... шокирован.

Генри кивнул и положил руку на плечо Тедди, показав, что все понимает, потом отпил скотч.

– Я все пью, но, похоже, совсем не пьянею. Спасибо, что поговорил со мной. Даже просто слышать твой голос уже лучше, чем оставаться наедине со своими мыслями.

Тедди кивнул.

– В любом случае, нам нужно что-то предпринять. Присоединимся к спасателям? Или сами что-нибудь придумаем?

Генри попытался улыбнуться другу.

– Что-нибудь сделаем, обязательно. И еще... Я беспокоюсь о сестре Элизабет, Ди... Диане. Не хотел бы уйти без...

– Без чего?

– Просто я смотрю на нее. Она так несчастна... Представляю, через что ей приходится пройти. И она так прелестна! Может быть, потом...

Генри замолчал. Может быть, потом он женится на Диане. И это будет началом его счастливой жизни.

– Генри, – Тедди укоризненно взглянул на друга и покачал головой, – Ты потерял то, что нельзя заменить. Понимаю, что ты, возможно, хочешь попытаться. Но твои слова... Не говори этого больше. Никому. Это неправильно.

Тедди направился в гостиную. Ошеломленный Генри сейчас больше всего хотел забрать свои слова назад и никому никогда больше не рассказывать о своей любви к Диане.

– Тедди, я...

– Генри, все в порядке, – перебил его друг. И через пару секунд оба вздрогнули от пронзительных звуков.

Войдя в гостиную, молодые люди увидели Пенелопу Хейз: она стояла на коленях в центре комнаты, воздев руки к потолку и преувеличенно громко рыдая. В черном, но без вуали.

– Пошли отсюда, посмотрим, что можно сделать, – с отвращением произнес Тедди.

От увиденного Генри передернуло. Он хотел каким-то образом встретиться взглядом с Дианой и сказать ей, насколько фальшиво и лицемерно ведет себя Пенелопа. И тут произошло

чудо. Пока все смотрели на этот «спектакль», Диана подняла вуаль и взглянула прямо на Генри. Ее печальный, безутешный взгляд дал ему понять, что она прекрасно видит всю эту фальшь. Между ними, направляясь к Пенелопе, прошел один из присутствовавших, и когда Генри вновь увидел Диану, вуаль уже была опущена. Он с тоской подумал о том, сможет ли когда-нибудь вновь смотреть ей прямо в глаза...

46

*Общественность убита горем, Пятая Авеню пуста, отменены все развлечения.
Сегодня самый печальный день в истории города, ведь в десять часов утра в Церкви
Благодати состоятся похороны мисс Элизабет Холланд.*

*Из колонки светских новостей «Нью-Йорк Имperiал», воскресенье, 8
октября, 1899 год*

Диана сидела неподвижно, пока Клэр расчесывала и заплетала ей волосы. Прическа получится проще обычной и будет скрыта под шляпой. Да и в любом случае, никому не будет дела до того, как она выглядит. За несколько дней лицо девушки опухло от слез. Посмотрев в зеркало, она заметила, что и Клэр напудрилась, чтобы скрыть следы рыданий.

– Все будет хорошо, – услышала девушка собственный голос, хотя едва ли в это верила.

– О, мисс Диана, – всхлипнула Клэр, обнимая хозяйку, – бедняжка.

Диана выдавила слабую улыбку, не мешая Клэр успокаивать себя.

– До сих пор невозможно в это поверить, – вздохнула она, когда служанка закончила с прической.

– Знаю, знаю. Но сегодня ее похоронят, и все постепенно смирятся с этой ужасной потерей.

Диана провела пальцами по векам, надеясь хоть каким-нибудь образом заставить их выглядеть свежее. Уже седьмой день она пребывала в скорби, окруженная кузинами, дядями и тетями. Их речи были неизменно короткими и сочувствующими. Они постоянно перемещались между гостиной Шунмейкеров, не оставлявших надежду узнать что-нибудь об Элизабет или найти тело, и гостиной Холландов в Грамерси.

Диане казалось, что теперь она до конца жизни будет винить себя в смерти сестры.

Она совершила мерзкий поступок. Она понимала это с самого начала, но теперь стыд и сожаление поглотили все другие чувства. Она преступница и заслуживает того, чтобы выглядеть плохо. Она надеялась, что так оно и было.

– Ну все, мы готовы, – сказала Клэр, прикрепив вуаль в шляпке Дианы, чтобы закрыть опухшие глаза. Девушка покорно ждала, пока служанка осматривала платье. Именно его Диана надевала и после смерти отца. Никаких кружев и украшений, сплошной черный цвет, простой корсет, длинные рукава.

– Я бы хотела, чтобы ты пошла с нами.

– Знаю, – ответила Клэр, одной рукой обнимая Диану и ведя к двери, – Но нужно приготовить обед. Кто знает, сколько народу может прийти – конечно же, все Холланды, бедный мистер Шунмейкер с родней, все ваши кузены со стороны Гансвуртов, и...

Диана положила голову на плечо Клэр, и, пока они спускались по лестнице, служанка перечисляла все, что надо переделать по дому до конца похорон. Перечень повседневных дел, как ни странно, успокаивал. Когда они дошли до дверей в гостиную, Диана улыбнулась, поцеловала Клэр в щеку и дальше уже пошла одна.

Мебель закрыли черными чехлами, воздух был тяжелым от ароматов сотен букетов, которые были расставлены по всему дому, везде, где только можно.

На улице было серо и пасмурно, в окна пробивался тусклый безрадостный свет.

Несколько родственников в черных одеяниях приветствовали Диану сочувствующими взглядами, но она ждала лишь окончания церемонии, тая скорбь внутри себя и не желая демонстрировать ее окружающим.

– О, Ди... Ди! – Диана резко повернулась и увидела спешившую к ней Пенелопу. Лучшая

подруга сестры выглядела до неприличия великолепно в развевающемся черном платье с широкой юбкой. Голубые глаза сияли, словно по– еле танца, а на голове красовались роскошнейшие страусиные перья из всех, когда-либо виденных Дианой. Она внезапно вспомнила, как Генри охарактеризовал Пенелопу. Дикарка.

– Ди, как же ты смогла встать сегодня? – выпалила гостья, дотягиваясь до рук Дианы, обтянутых черными перчатками.

– А как ты? – холодно ответила Диана, отдаляясь от Пенелопы.

– О, конечно же, не могла. – Пенелопа все еще играла на публику, но теперь уже без дрожи в голосе.

– Да, верно, – Диана старалась говорить спокойно, хотя испытывала глубочайшее отвращение к Пенелопе за ее лицемерие. Мисс Хейз, без сомнений, был на руку такой поворот событий. Да как она вообще посмела заявиться в дом Холландов? – Пенелопа, все прекрасно знают о твоей великой скорби, – продолжила Диана низким, проникнутым ненавистью голосом, – Мы все прекрасно видим, как ты страдаешь. Но почему бы тебе не успокоиться, чтобы все остальные могли от тебя немного отдохнуть?

– Но Диана, – промолвила Пенелопа столь тихо, что более никто не смог услышать ее слова. – Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Лгунья, – Диана порадовалась вуали на лице, приглушавшей голос и скрывавшей гневный блеск в глазах, – Такая фальшивка! – добавила она громким шепотом, и ее услышала стоявшая поблизости тетя Эдит.

Она попросила прощения у кузенов Гансвуртов, и через мгновение над Дианой уже нависала матушка. Пенелопа продолжала спокойно стоять рядом, разглядывая всех большими голубыми глазами, а мать взяла Диану за локоть и увела в коридор, приказав закрыть двери.

Диана рассеянно выслушивала упреки матери, а почувствовав пощечину, вздрогнула скорее от неожиданности, чем от боли.

– За что?

– Диана, прошу, веди себя сегодня хорошо! Я больше не потерплю твоих выкрутасов и твоей грубости. Ты – все, что у меня осталось, нужно научиться беречь имя семьи, – устало выговорила мать, поднимая на дочь красные от слез глаза. Диана вдруг осознала, что весь мир матери рухнул, и она с трудом держится, – Пожалуйста, не разочаровывай меня сегодня, ведь мы же провожаем Элизабет, – Диана покорно склонила голову, – Спасибо за понимание. А теперь иди в маленькую гостиную и возвращайся, когда тебе станет лучше. Присоединишься к кортежу чуть позже. Ты слишком волнуешься в окружении людей.

Диана хотела сказать что-нибудь утешительное, но смогла лишь кивнуть и молча отправиться в комнату в другой стороне коридора. Комната преобразилась до неузнаваемости. Старинные вазы ручной работы, все статуэтки и безделушки – все пропало. Не было даже картины, под которой она впервые встретила Генри Шунмейкера. В комнате не осталось даже букета. Бедная матушка – она все продала!

Диана тяжело опустилась в одно из кресел, понимая: что бы ни случилось дальше с Холландами, в этом не будет ни капли романтики. В коридоре слышались шаги и стук закрывающихся дверей. Должно быть, о ней забыли, потому что никто, отправляясь на улицу, чтобы присоединиться к похоронной процессии, не позвал девушку с собой. Там была и Пенелопа, изображавшая страшное горе. При одной только мысли о ней Диана яростно сжимала кулачки. Пенелопа может сейчас скрыться в церкви, но она ни за что не скроется от содеянного!

Холодный воздух окутал Диану, стоило ей выйти за порог. Она поежилась. По небу ползли тучи, деревья дрожали в серой утренней дымке. В этот бесцветный день Диана почувствовала себя одинокой, как никогда раньше. Где-то там впереди родственники и гости суетились, пытаясь рассестись по экипажам. Они старались не терять достоинства, но все равно им не удавалось избегать нервных движений и повышенных тонов. Диана огляделась по сторонам: экипаж Холландов, управляемый мистером Фабером, уже уехал.

И тут она почувствовала, как кто-то тянет ее за локоть, а оглянувшись, увидела мальчишку, выросшего рядом словно из воздуха. Он был худым и бледным, в заплатанном пальто и стоптанных ботинках.

– Вы мисс Диана Холланд?

Девушка осторожно кивнула. Она слышала, как отъезжают последние экипажи, и на мгновение подумала, а не побежать ли за ними.

– Вы уверены?

– Конечно, – возмущилась Диана. Краем глаза она заметила рядом еще пару экипажей и подумала, что они будут свидетелями, если что-то вдруг случится. – Я уверена!

– Не смотрите на меня так, – серьезно произнес мальчик, – Мне сказали, что задание очень важное, нельзя отдать не тому человеку.

– Что нельзя отдать не тому человеку?

Мальчик покачал головой.

– Сначала вам придется ответить на вопрос.

– Что за вопрос? – Диана широко распахнула глаза, удивляясь абсурдности такого обмена.

– Вопрос о Вермеере, картине, которую ваш отец подарил вашей сестре, Элизабет...

Что-то заставило Диану забыть на секунду о боли:

– Он подарил картину мне!

Мальчишка, сузив глаза, внимательно посмотрел на девушку, а затем радостно улыбнулся.

– Она сказала, что вы именно так и ответите!

Он достал из кармана письмо в желтом конверте, и Диана увидела свое имя, написанное до боли знакомым почерком.

– Где ты это взял? – выдохнула она.

– В Чикаго. Мне поручили доставить его сюда и вручить девушке, которая утверждает, что Вермеер принадлежит ей.

– Благодарю тебя, – мягко промолвила Диана, открывая конверт и дрожащими руками вынимая письмо.

Моя дорогая Ди!

Прошу тебя, прости, что так сильно тебя напугала. И знай, что я очень по тебе скучаю. Я сделала то, что должна была, потому что люблю Вилла Келлера. Всегда любила и, наконец, осознала, что буду всю жизнь сожалеть о браке с Генри Шунмейкером. Ты права, это был бы брак без любви, и я была бы несчастна с ним. И хоть пока не знаю, как найти Вилла, я должна попытаться. Понимаю, все получилось ужасно, и могу объяснить только одно: Пенелопа принимала участие в инсценировке несчастного случая, чтобы я могла уехать без скандала, но у нее свои причины помогать мне. Диана, она хочет заполучить Генри и не остановится ни перед чем.

Ди, я знаю о тебе и Генри, и тебе не нужно беспокоиться: я не сержусь и все понимаю. Но остерегайся Пенелопу, будь скрытной и не позволяй никому узнать о случившемся. Кроме нее, ты единственная, кто знает, что я жива. Уже подали свисток, мне нужно торопиться! Будь осторожна и помни, что я сказала о Пенелопе.

Обещаю скоро написать,

С любовью, Элизабет.

Диана, задыхаясь, дочитывала письмо. Как она могла так ошибаться! Из них двоих именно Элизабет была романтиком и нашла настоящую любовь. И это она не побоялась вырваться из привычной жизни навстречу приключениям!

Диана подняла голову к промокшим кронам, дрожа от волнения и ветра. Она может остаться с Генри! Теперь нет необходимости сторониться его и стараться забыть. Элизабет жива – Пенелопа не причинила ей вреда! Мир все еще лежал у ее ног, и нужно только дождаться подходящего момента. Она еще раз благодарно кивнула мальчику, который уже озирался по сторонам, пытаясь решить, куда направиться дальше. А Диана вновь постаралась придать себе траурный вид, но так и не смогла скрыть улыбку. Она привстала на цыпочки и вытянула руку, останавливая экипаж...